

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОЕ
ПУШКИНСКОЕ
КОМИССИИ

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1977

Редактор
академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

В $\frac{70202-539}{042(02)-77}$ **294-77**

© Издательство «Наука», 1977 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (двенадцатый по общему счету) хотя и сохраняет определенную структуру данного издания, но все же несколько отличается от предшествующих выпусков увеличенным объемом своих второго, третьего и четвертого отделов. Это объясняется тем, что данный выпуск посвящен итогам изучения и популяризации биографии и творческого наследия Пушкина в 1974 г., т. е. в том году, когда широко и повсеместно (в мае и июне) отмечалось 175-летие со дня рождения великого русского поэта.

Закономерно, что литература о Пушкине в юбилейном году выросла необычайно. Поэтому всегда стоявшая перед «Временником» задача отразить на своих страницах за соответствующий период времени все то, что появилось о Пушкине в нашей печати (в частности, периодической), на этот раз усложнилась и потребовала для второго отдела («Обзоры») большего, чем обычно, количества печатных листов. Одновременно, благодаря обилию материала, вырос в объеме следующий отдел — «Хроника»; представлялось затруднительным вместить сюда полностью обширную информацию о том, где и как в нашей стране и за рубежом отмечались пушкинские юбилейные торжества 1974 г. Редакция «Временника» отдает себе полный отчет в том, что при ограниченном листаже настоящего издания не было возможности изложить все это с достаточной полнотой и подробностью и что пропуски здесь естественны и неизбежны. Впрочем, на этот раз между отделами «Обзоры» и «Хроника» существует более тесная связь; следует иметь в виду, что и в том и в другом отделах выбрано для освещения и публикации лишь самое существенное; так как при регистрации юбилейной литературы в «Обзорах» почти исключено все то, что появилось в ежедневных или еженедельных газетах, самое существенное из них отмечено в отделе «Хроника», где можно найти и указания на юбилейную газетную печать, и выдержки из некоторых заметок, заслуживающих внимание.

В остальном в настоящем выпуске «Временника» помещаемые материалы распределены, как обычно, согласно принятым ранее планам и принципам.

В отделе «Материалов и сообщений» публикуются данные об автографах двух лицейских стихотворений Пушкина (Р. Е. Терехина); хотя тексты их давно известны в печати, но автографы их считались потерянными и лишь недавно были обнаружены в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. В статье Н. И. Мацкевича, присланной из г. Куйбышева, впервые публикуются два отрывка из недавно найденных им рукописных воспоминаний о Пушкине; эти воспоминания записаны племянником Александра Сергеевича — Анатолием Львовичем Пушкиным на одном из томов «Собрания сочинений» Пушкина, принадлежавшем старшему сыну поэта — А. А. Пушкину. В основе статьи В. Э. Вацуро, напечатанной в том же отделе, лежит хотя и известный, но недостаточно и ошибочно истолкованный текст Пушкина, для истории которого предлагаются новые догадки и соображения.

Сравнительное обилие помещаемых в отделе «Мелких заметок» материалов в известной мере также объясняется оживлением пушкинских штудий, наблюдавшимся в юбилейном 1974 году. Публикуемые в этом отделе статьи малого объема очень разнообразны по содержанию и в значительной мере являются откликами на появившиеся статьи о Пушкине, критическими репликами на них или материалами, ставшими известными недавно и дополняющими прежде опубликованные работы о жизни поэта и его произведениях. В пушкиноведении каждая мелочь или заново выявленный факт должны подлежать учету; поэтому эти заметки публикуются здесь, несмотря на разнообразие своей тематики и поводов, способствовавших их возникновению.

Как и во всех предшествующих выпусках «Временника», в двенадцатом выпуске все цитаты из сочинений и писем поэта даются по «Полному собранию сочинений Пушкина» (тт. I—XVI. Изд. АН СССР, 1937—1949); если цитированное издание не оговорено особо, в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторения условного обозначения «Акад.». Дополнительный, XVII том этого издания («Справочный том. Дополнения и исправления. Указатели»), вышедший в 1959 г., цитируется сокращенно: «Справочный том».

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Р. Е. ТЕРЕБЕНИНА

АВТОГРАФЫ ДВУХ ЛИЦЕЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА

Небольшой (110×170 мм) листок синей, с зеленоватым оттенком, вержированной бумаги; слева линия обрыва со следами вшивки в тетрадь. Листок помят, выцвел от времени, края его загрязнены, в верхней части желтые пятна. На лицевой стороне листка рукой А. С. Пушкина записаны два стихотворения:

86.

Твой и Мой

Бог весть за что философы, пииты
На *твой* и *мой* давным давно сердиты
Не спорю я с ученой их толпой —
Но и бранить причины не имею
То что дарит мне радость и покой.
Что ежели б ты не была б *моею*?
Что ежели б я не был, Ниса, *твой*?

87.

Экспромпт на А.〈гареву〉

В молчаньи пред тобой сижу
Напрасно чувствую мученье
Напрасно на тебя гляжу
Того уж верно не скажу
Что говорит воображенье.

На обороте листка рукой А. Д. Илличевского:

88.

Еще <на>¹ Пучкову

Зачем об Инвалидной доле
Моя Пучкова так тужит —
«Она сама в прелестном поле
Вить заслуженой инвалид».

Под этой эпиграммой рукой А. А. Дельвига:

89.

Надпись на мой портрет

Не бойся, Глазунов! ты моего портрета,
Он скоро с рук сойдет, хоть я не генерал.
К чему лишь говорить, что он портрет поэта?
Карикатурой ты давно б его продал.

На лицевой стороне листка сверху рукой Я. К. Грота пометы карандашом: о принадлежности стихотворений поэту («Пушкин-на») и о напечатании их в посмертном издании (помета почти стерлась). Гротом же дописана фамилия адресата в заглавии второго стихотворения. Все стихотворения пронумерованы карандашом с № 93 по № 96. На обороте листа в левом верхнем углу чернилами помечено: «№ 667».

Это листок из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*». Он считался утраченным и неожиданно был обнаружен нами в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в архиве П. Н. Тихонова. История его такова.

Первым об «Антологии», собранной А. Д. Илличевским («*ийший*» — его псевдоним, от «Алексий Илличевский»), упомянул В. П. Гаевский. В статье «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения» (1863) он писал, что от сборника под заглавием «Лицейская антология, собранная трудами пресловутого *ийший*», с эпиграфом «Genus irritabile vatum», уцелело несколько листков, которые «сохраняют несколько стихотворений Пушкина». Из их числа Гаевский назвал четыре к тому времени напечатанных произведений поэта: «Скажи что нового?», «Твой и Мой», «Экспромпт на А.<гареву>» и «Надпись к беседке»; об остальных он сказал, что это «эпиграммы ненапечатанные и весьма слабые», и привел из них две «сравнительно лучшие» — «Больны вы, дядюшка? — Нет мочи...» и «Завещание» («Друзья, простите! завещаю...»), а также эпigramму на Пучкову: «Зачем кричишь ты, что ты *дева*...». Из произведений дру-

¹ В этом месте лист поврежден.

86
Мвон' инок

Добръ ступи дауръ финицауръ, мунди
На онвои инок давикине даво герици.
Не спорю а въ ученик ивъ фансонъ -
Но и брашнѣвъ приимѣвъ министро
То что даримъ мѣтъ разорѣ и токи.
Чина сурѣиавъ? же иебѣиавъ мало.
Чинъ сурѣиавъ? же иебѣиавъ, киа твѣи?

87. Смъ проианъ на а в.

Въ мѣиантѣ приизъ. тѣиавъ иеру
На красноручѣтѣ бур. иурѣиавъ
На красноручѣтѣ бур. иурѣиавъ
Мого учѣтѣиавъ алекавру
Что говарѣиавъ вообрѣиавъ

гих лицейских авторов, находящихся на листках, Гаевский упомянул только «два стихотворения Дельвига, им же переписанные: четверостишие *Вакх*, напечатанное в обоих изданиях его стихотворений, и неизданная надпись к своему портрету».²

Листки из «Антологии» были предоставлены В. П. Гаевскому для печати М. Л. Яковлевым — лицейским старостой, первым хранителем лицейской старины пушкинского выпуска. После смерти М. Л. Яковлева (в 1868 г.) собранные им материалы перешли к Ф. Ф. Матюшкину, который весной 1872 г. передал их Я. К. Гроту — лицеисту VI выпуска, проявившему серьезный интерес к Лицею и Пушкину, с 1830-х годов начавшему собирать «литературные опыты и разные бумаги» лицеистов первого курса, записывать о них предания. В 1884 г. в заметке «Александр Сергеевич Пушкин. Три неизданные его четверостишия» Я. К. Грот опубликовал еще три стихотворения, записанных на сохранившихся листках «Антологии»: «Пучкова, право, не смешна...», «Зачем об Инвалидной доле...» и «Надпись на мой портрет»; два последних он ошибочно также приписал Пушкину (правда, о «Надписи» указал, что она переписана «рукой Матюшкина»)³ Лицейское собрание было полностью опубликовано и описано в книге К. Я. Грота «Пушкинский Лицей (1811—1817)». Из этой публикации стало известно, что Я. К. Грот получил от Матюшкина четыре разрозненных листка из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*»: заглавный (с эпитафией) и со стихотворениями под номерами: 75—78, 86—89, 107—111.⁴ Один из этих листков, а именно листок со стихотворениями «Твой и Мой», «Экспромпт на А.гареву», «Еще <на> Пучкову» и «Надпись на мой портрет» (№ 86—89), Я. К. Грот подарил в 1884 г. известному собирателю древних рукописей П. Н. Тиханову, и в книге «Пушкинский Лицей» он был описан по копии Я. К. Грота, приложенной к оставшимся листкам. В составе Лицейского собрания Грота три листка из «Антологии» и приложенная к ним копия четвертого поступили в 1918 г. в Пушкинский Дом, где и находятся ныне.⁵ В научном описании хранящихся в Пушкинском Доме рукописей Пушкина, составленном Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским (1937 г.), вместе с сохранившимися листками «Антологии» была описана и приложенная к ним копия листка, переданного Гротом Тиханову.

Все исследователи писали только об этих листках из «Антологии», переданных Матюшкиным Я. К. Гроту. Но еще К. Я. Грот

² Гаевский В. П. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения. — Современник, 1863, т. 97, № 7, с. 142—144.

³ Русская старина, 1884, т. XLI, март, с. 663—664. В заметке Я. К. Грот писал, что «часть уцелевших остатков» «Антологии» вошла в состав его «собрания автографов Пушкина, которое было на выставках сперва в Москве, а потом и в Петербурге — по поводу открытия ему памятника» (в 1880 г.).

⁴ Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811—1817). Бумаги I-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911, с. 141—144.

⁵ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 419.

при публикации их справедливо предположил, что, «по-видимому, Гаевский имел в руках больше».⁶ В 1963 г. в Рукописный отдел Пушкинского Дома из архива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР поступила обнаруженная в коллекции рукописей известного археолога князя П. А. Путятина небольшая пачка лицейских автографов А. А. Дельвига. Оказалось, что Путятин получил их также от Ф. Ф. Матюшкина.⁷ Среди них — что было определено нами — оказался и обрывок листка из «Лицейской антологии» с упоминаемым Гаевским четверостишием Дельвига «Вахх»; на обороте его находится обрезанная сверху и снизу эпитафия Илличевского «На двух браящихся» (их номера 6 и 8, но в рукописи они обрезаны). При публикации этого листка нами была определена бумага «Антологии» (она костромской фабрики Мещаниновых; водяной знак левого полулиста: «КГКОСН»; правого: корабль на волнах со свернутыми парусами, с флажками на мачте и корме, слева от него — буквы «ММ», над ним — «1815») и высказано несколько соображений о характере и составе сборника, которые подтвердились при нахождении нового листка.⁸

После того как Грот подарил Тиханову листок из «Лицейской антологии», никто из пушкинистов его не видел: ни Л. Н. Майков при подготовке первого (лицейского) тома академического издания сочинений Пушкина, ни Н. О. Лернер при подготовке первого тома венгерского издания (в примечаниях к «Экспромпту на А. <гареву>» он указал, что автограф стихотворения, переданный Гротом Тиханову, ему «не был доступен и, быть может, даже совсем утрачен, как многие документы, переходившие из рук в руки».)⁹ К. Я. Грот при публикации «Антологии» тоже писал, что оригинал ему «не пришлось видеть».¹⁰ Тиханов ревниво оберегал свое собрание при жизни и не составил его каталога. Поэтому, когда после смерти коллекционера Публичная библиотека приобрела у его наследников (сестер) в 1907 г. его архив,¹¹ листок с автографами Пушкина не был выявлен ни при первоначальной, ни при окончательной разборках архива, производив-

⁶ Грот К. Я. Пушкинский Лицей, с. 144.

⁷ В Пушкинском фонде хранятся два лицейских автографа Пушкина, тоже полученных П. А. Путятиным от Ф. Ф. Матюшкина (№ 1 и 13). Три автографа Пушкина из Лицейского собрания Матюшкин передал Е. Л. Куломзиной; местонахождение их в настоящее время неизвестно.

⁸ Тереховина Р. Е. Поступления в Лицейское собрание Пушкинского фонда. (Листок из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*», новые автографы А. А. Дельвига). — Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка, т. XXXI, № 2, М., 1972, с. 176—181.

⁹ См.: Соч. Пушкина, т. I. Изд. 2-е. СПб., Изд. Акад. наук, 1900, с. 291, 344; Пушкин. <Соч.>. Под ред. С. А. Венгерова. Т. I. СПб., 1907, с. 374.

¹⁰ Грот К. Я. Пушкинский Лицей, с. 341.

¹¹ Архив ГПБ, дело № 8 за 1907 г. («О покупке от наследников П. Н. Тиханова его рукописей»). См. в том же архиве «Реестр книгам. 1907 г. Покупки», л. 117 об. См. также: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1907 г. СПб., 1914, с. 38—44.

шихся непушкинистами. В составленном Л. Б. Модзалевским описании «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде» (Л., 1929) этот автограф не указан. В научном описании рукописей Пушкина, хранящихся в Пушкинском Доме, о листке из «Антологии», сохранившемся в копии Я. К. Грота, в примечаниях сказано: «Этот листок, по видимому, теперь утрачен, так как вместе с собранием рукописей П. Н. Тиханова, приобретенных Публичной библиотекой в Ленинграде, он не был куплен у вдовы Тиханова, жившей в г. Брянске, хотя в предварительной описи, составленной Библиотекой, он значится как ничем не замечательная копия (sic!) за № 667».¹² Очевидно, что при подготовке описания Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский наводили справки о листке в Публичной библиотеке. Но почему же он все-таки не был там обнаружен? Ответ на этот вопрос кроется, вероятно, в характере архива собирателя. Здесь, нам кажется, уместно немного сказать о человеке, которому Грот подарил листок с автографами Пушкина и в архиве которого он пролежал около ста лет.

Павел Никитич Тиханов (1839—1905) родился в Брянске в семье чиновника. По окончании Калужской гимназии учился на юридических факультетах Московского, Петербургского, потом Казанского университетов, но в 1865 г., не окончив курса, «уволился из студентов» «по собственному прошению». Свою жизнь Тиханов посвятил собиранию и исследованию памятников древней письменности, увлекался также историей, церковной археологией, фольклором, народным театром, изучал живой разговорный язык (среди его работ есть любопытный «Криптогlossарий» — словарь языка пьяниц, нищих, воров, прасолов и др.). Средства к существованию добывал, сотрудничая в различных газетах. В 1873—1874 гг. Тиханов приезжает в Петербург, работает корректором в «Правительственном вестнике». Он является активным членом Общества любителей древней письменности, с 1877 по 1892 г. редактирует все его издания, в том числе и свои собственные, по материалам своего собрания. Оказавшись без работы, он уезжает в 1894 г. в Брянск, где издает «своим иждивением» газету «Брянский вестник», выпускает историко-краеведческий сборник «Старина». С 1897 по 1901 г. Тиханов является проректором Черниговской губернской ученой архивной комиссии. В 1902 г. он возвращается в Петербург и работает за весьма скромную плату в Русском отделе Публичной библиотеки. Тяжело заболев, он в конце 1904 г. уехал опять в Брянск, где вскоре и скончался. Лишенный возможности зарабатывать на жизнь, престарелый собиратель обращался к президенту Академии наук вел. кн. Константину Константиновичу с просьбой о назначении ему

¹² Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.—Л., 1937, с. 168.

пенсии; в прошении он перечислил изданные им труды (собственные и вышедшие под его редакцией), и список этот внушительен.¹³ Достоин уважения, что при тяжелых жизненных обстоятельствах Тиханов свято хранил свое собрание и тратил последние крохи на его пополнение и оформление.

Многообразие интересов и личных связей коллекционера определило и разнообразный характер его архива. В его составе обширное собрание памятников древней письменности, материалы по истории и литературе XVIII—XIX вв., по истории театра, науки и т. п. — в подлинниках и списках, а также личные бумаги Тиханова. По поступлению в Публичную библиотеку все эти материалы были записаны в одной предварительной описи, составленной В. В. Майковым, вероятно, на основе первоначального списка. При окончательной обработке фонда собрание рукописных книг (в основном памятники древней письменности) было выделено в особую опись, а отдельные автографы (в основном материалы XVIII—XIX вв.) и части архивов разных лиц присоединены к материалам личного архива Тиханова. Листок с автографами Пушкина мог «затеряться» тогда, когда он был изъят из предварительной описи (где он находился среди собрания рукописных книг), но еще не был присоединен к описи личного архива коллекционера, заново и подробно обработанной довольно поздно. Окончательная обработка архива Тиханова была произведена в 1950—1960-х годах, но начата она была, вероятно, еще в 1930-е годы. В предварительной описи архива под № 667 записано: «Листок со стихотворениями Пушкина («Твой и Мой», «Экспромпт на Огареву, Пучкову», «Надпись на мой портрет»)». Прямого указания, что это «ничем не замечательная копия» пушкинских произведений, в описи нет, но, поскольку все находящиеся на листке стихотворения признаны пушкинскими, а они записаны разными почерками, получается, что это не автографы, а копии стихотворений Пушкина. В новой описи архива листок был записан и оформлен как список (ф. 777, оп. 1, № 1346) и помещен среди других списков и копий пушкинских произведений. Найти его в описи, при ее обширном составе, трудно; нами он был обнаружен по картеке.

В копии листка «Антологии» Я. К. Грот указал, что «подлинный» был подарен им П. Н. Тиханову 3 февраля 1884 г. Материалы личных архивов коллекционера и академика позволили нам раскрыть до сих пор неизвестные и примечательные обстоятельства этой передачи. В фонде Тиханова хранится пачка писем

¹³ ГПБ, ф. 777, оп. 1, № 14. Биографические сведения о П. Н. Тиханове почерпнуты из этого прошения, из некролога Хр. Лопарева «Павел Никитич Тиханов» в «Отчетах о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности в 1904—1905 гг.» (С приложениями. СПб., 1906, с. 63—73), издававшихся в серии «Памятники древней письменности и искусства» (СЛХ), и из справок о фондообразователе, приложенных к описям архива Тиханова.

к нему (37) Я. К. Грота 1882—1891 гг., в фонде Грота в архиве Академии наук — письма к нему (13) Тиханова того же времени; к сожалению, писем за интересующий нас 1884 год в последнем фонде нет, но этот пробел восполняется записной книжкой академика. Переписка их завязалась в связи с докладом Грота на одном из заседаний Общества любителей древней письменности о найденных в шведском архиве записках капитана Эрика Пальмквиста, содержащих сведения о России XVII в. Тиханов дал информацию о заседании в «Правительственном вестнике» и в «Отчетах о заседаниях Общества за 1881—1882 г.». В письме от 12 января 1882 г. Грот горячо благодарил Тиханова «за прекрасный подарок Лейнбурговых этюдов над Сагой Фритьофа». В октябре 1883 г., исполнив свое обещание, Тиханов препроводил Гроту «Послание Плетнева к Гнедичу» (в связи с подготовкой академиком «Сочинений и переписки» П. А. Плетнева). Но самая интенсивная переписка падает на январь—февраль 1884 г., и это не случайно.¹⁴ 2 января этого года Грот писал Тиханову: «Очень благодарен Вам за любезное посещение <...> Вы говорили мне о каких-то рукописях Гнедича, которые в Ваших руках. Нельзя ли бы как-нибудь воспользоваться ими по случаю предстоящей столетней годовщины дня рождения его? Что в них заключается? Будьте так обязательны, напишите мне несколько слов об этом». 4 января: «Премного благодарен Вам и за скорый ответ, и за любезную готовность сообщить мне кое-что из бумаг Гнедича. Для просмотра их позвольте мне на днях побывать у Вас». 7 января: «Спешу Вас уведомить, что Отделение вполне одобрило мое предложение: просить Вас принять на себя приготовление к печати и печатание, при моем участии, любопытнейшего из принадлежащих Вам рукописей Гнедича. Этот маленький сборник войдет в Сборник Отделения и появится отдельными оттисками, причем, конечно, желательно, чтобы они могли быть выпущены в свет в начале февраля». Речь здесь идет о рукописях Н. И. Гнедича, поступивших к коллекционеру в составе архива М. Е. Лобанова. Тихачов очень быстро подготовил публикацию. Грот вместе с ним просматривал материалы, рекомендовал ему, как лучше расположить их, вместе с автором держал корректуру, хлопотал в типографии и т. п. В невероятно короткий срок вышла в свет брошюра: «Николай Иванович Гнедич (1784—1884). Несколько данных для его биографии по неизданным источникам. К столетней годовщине дня его рождения. Сообщил П. Тиханов, член-корреспондент имп. Общества любителей древней письменности. Издание второго отделения имп. Академии наук. СПб. 1884» (84 с.).

2 февраля, в день юбилея, Грот писал Тиханову: «Поздравляю Вас, многоуважаемый Павел Никитич, с успешным окончанием нашего общего дела. Вы, конечно, уже прочитали в Новом Вре-

¹⁴ См.: ГПБ, ф. 777 (П. Н. Тиханова), оп. 1, ед. хр. 551, л. 1, 7—9, 19, 40; Архив АН СССР, ф. 137 (Я. К. Грота), оп. 3, ед. хр. 927; оп. 2, ед. хр. 82.

мени и в СПб. Ведомостях» заметки о юбилейной брошюре и, вероятно, получили от переплетчика назначенные Вам экземпляры <...> Теперь нам с Вами предстоит обменяться печатными и рукописными материалами к изданию и проч. Для этого не потрудитесь ли Вы пожаловать ко мне завтра в пятницу утром часов около 11^{ти}, чем много обяжете искренно Вас уважающего и преданного Я. Грота». При этом свидании академик, вероятно, и подарил Тиханову листок из «Лицейской антологии» с автографами Пушкина. В этот день Грот записал в дневнике: «Визит Тиханова, возвращал ему рукописи <...> Тиханов очень доволен всем ходом издания Гнедича» (Грот жил тогда на 1-й линии Васильевского острова, д. 50, кв. 2).

Благодарный автор-коллекционер в «Сборнике Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук» (т. XXXIII, СПб., 1884, № 3) дополнил свою публикацию о Гнедиче еще четырнадцатью страницами переписки поэта.¹⁵ 5 марта 1884 г., когда работа над письмами была в основном закончена, Грот писал Тиханову: «Душевно рад, что Вы остались довольны первым своим сношением с Академией».¹⁶

Что же нам дает находка листка из «Лицейской антологии»?

Пушкин в Лицее написал свыше 130 стихотворений. Из них в печати в 1814—1817 гг. появилось лишь 30. Источником публикации большинства лицейских произведений поэта являются рукописи. Но автографов этого периода до нас дошло мало, особенно первоначальных. Это затрудняет изучение лицейской лирики. В академическом издании по лицейским автографам напечатано лишь около 25 стихотворений. Значительное количество произведений, написанных Пушкиным в Лицее, печатается по копиям и спискам в различных сборниках и тетрадях. Оба записанных Пушкиным на найденном листке стихотворения в 16-томном академическом издании сочинений поэта напечатаны по копиям. «Твой и Мой» — по копии С. Г. Ломоносова в лицейской тетради поэта,¹⁷ без позднейших поправок, но, как указано в примечаниях, «с исправлением явно дефектного стиха 6 по другим спискам» (I, 298, 424, 491). В копии С. Г. Ломоносова стих 6 читается: «Что ежели б ты не была б моею?». Вторую частицу б, после глагола, Пушкин позднее зачеркнул в копии. Нет ее и в тексте произведения в рукописном сборнике «Собрание лицейских стихотворений», а также в тетрадях А. В. Никитенко и Н. В. Всеволожского. Именно поэтому редакторы издания и сочли

¹⁵ Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. XXXIII, СПб., 1884, № 3, с. 85—98.

¹⁶ В некрологе П. Н. Тиханова, написанном его преемником по Обществу любителей древней письменности Хр. Лопаревым, в перечне учено-литературных трудов собирателя под № 23 указано: «Архивные материалы для биографии Пушкина» (Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности в 1904—1905 г. С приложениями. СПб., 1906, с. 73). Что это такое, нам пока не удалось определить.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 829, л. 14 об.

возможным устранить ее из основного лицейского текста стихотворения. Но, как видим, в найденном автографе эта частица есть. В примечаниях к стихотворению не оговорено, что по позднейшим копиям — в тетради Н. В. Всеволожского¹⁸ и, возможно, в тетради А. В. Никитенко (она хранится в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина, и нам не пришлось ее видеть при подготовке статьи), а также, по-видимому, по первой публикации стихотворения в посмертном издании, в основном тексте его в двух последних стихах выделены притяжательные местоимения «моею» и «твой». В копиях С. Г. Ломоносова и в «Собрании лицейских стихотворений»¹⁹ в этих стихах они не подчеркнуты. В автографе же они тоже выделены дважды. Указывая на необходимость обязательной акцентировки слов при произношении, эти подчеркивания усиливают их смысловое содержание. «Экспромпт на А. Агареву» напечатан в академическом издании по копии в «Собрании лицейских стихотворений» (л. 71), но в отличие от нее (и это не оговорено в примечаниях) фамилия адресата в заглавии стихотворения в основном тексте приведена полностью: «Экспромпт на Агареву». В автографе же дана только первая буква, как и в большинстве просмотренных нами копий стихотворения, и в первой публикации его в посмертном издании сочинений поэта. С нахождением автографа очевидно, что так и надо его печатать (с раскрытием фамилии в ломаных скобках). Итак, найденный листок пополнил немногочисленное собрание лицейских рукописей Пушкина автографами сразу двух произведений. Теперь еще два лицейских стихотворения поэта будут печататься по автографам, и, как видим, автографы вносят некоторые уточнения в давно известные тексты пушкинских произведений. В этом главное значение находки.

Найденный листок позволяет распутать и путаницу, внесенную Я. К. Гротом в атрибуцию двух стихотворений на обороте листка. Грот считал, что все стихотворения на листке пушкинские. Не различая почерков Пушкина и Илличевского, он указал (в публикации 1884 г. и в копии), что эпиграмма «Еще на Пучкову» тоже писана рукой поэта, а «Надпись на мой портрет» — рукой Матюшкина (так указано и в научном описании рукописей Пушкина, составленном Модзалевским и Томашевским). Оба стихотворения вошли в академическое издание сочинений Пушкина под редакцией Л. Н. Майкова, при этом со ссылкой в примечаниях на автографы их (sic!) на листке из «Антологии», подаренном Гротом Тиханову.²⁰ В заметке «О „Надписи на мой портрет“» Н. О. Лернер, указав, что на листке стихотворение

¹⁸ Там же, № 847, л. 16 об.

¹⁹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 37, л. 70 об.—71.

²⁰ Соч. Пушкина, т. I. Лирические стихотворения (1812—1817). Приготовил и примечаниями снабдил Леонид Майков. [Изд. 2-е]. СПб., 1900, с. 232 и 348, 228 и 342.

записано, по свидетельству Грота, рукой Матюшкина, оспорил его принадлежность Пушкину.²¹ Обнаружив оба стихотворения в тетради Матюшкина — первое с именем Илличевского, второе с именем Дельвига, — К. Я. Грот при описании (по копии) листка писал: «Надо думать, что первые две пьески <...> автографы Пушкина, а вторые две — записаны Илличевским. Но оригинал нам не пришлось видеть, и потому вполне достоверного об этом сказать не можем».²² На трех листках «Антологии» из собрания Грота шесть стихотворений написаны Пушкиным, а пять и заглавие — составителем Илличевским. Из этого нельзя было сделать никаких выводов о том, как составлялся сборник. Но обрывок листка из собрания Путятина, на котором рукой Дельвига написано его четверостишие «Вакх» и рукой Илличевского его эпиграмма «На двух бранящихся», а также свидетельство Гаевского (на которое не обратили внимания), что «Надпись на мой портрет» записана на листке рукой Дельвига, позволили нам сделать предположение, что, «по-видимому, особенностью „Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*“, было то, что сами авторы, по своему выбору, записывали в нее свои произведения».²³ Найденный листок подтвердил это предположение: эпиграмма «Еще на Пучкову» записана рукой Илличевского, «Надпись на мой портрет» — рукой Дельвига.

Отмеченная особенность дала нам основание отнести как непущинскую давно приписываемую поэту (вначале безусловно, теперь предположительно) эпиграмму «Завещание <Кюхельбекера>» («Друзья, простите! Завещаю...»). «Антология» — единственный источник ее публикации, а записана она в ней (на последнем листке под № 110) рукой А. Д. Илличевского. Гаевский, впервые опубликовавший ее по «Антологии», по-видимому, как и Грот, не различал почерков Пушкина и Илличевского.

Полный состав «Антологии» нам известен по «Собранию лицейских стихотворений», где она составляет последний, V раздел.²⁴ То, что некоторых стихотворений, записанных на сохранив-

²¹ Исторический вестник, 1905, т. 2, № 6, с. 1068—1069. Н. О. Лернер писал: «Итак, мы не имеем ни автографа Пушкина, ни достоверного показания современника, которое приписывало бы Пушкину эпиграмму, ни сколько-нибудь достаточного подтверждения в биографии Пушкина, что эпиграмма сорвалась с его пера или языка».

²² Грот К. Я. Пушкинский Липей, с. 341. Первоначально: Грот К. Я. Поправка к изданиям Пушкина. — Исторический вестник, 1905, т. 2, № 8, с. 623—624; Новое время, 1905, 24 июня, № 10527 (в связи с заметкой Н. О. Лернера). См. также: Грот К. Я. К лицейским стихотворениям А. С. Пушкина. (Несколько поправок и вариантов). — ЖМНП, 1905, ч. 361, № 10, с. 247.

²³ Об этом см.: Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка, т. XXXI, № 2, М., 1972, с. 179—180.

²⁴ ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, ед. хр. 37. «Собрание» это подробно описано, см.: Измайлов Н. В. Новый сборник лицейских стихотворений. — В кн.: Сборник Пушкинского Дома на 1923 г. Пг., 1922, с. 35—77.

шихся листках, в «Собрании» нет (из пушкинских, например, двух эпиграмм — «Больны вы, дядюшка? — Нет мочи...» и «Вот Виля — он любовью дышит...»), а остальные (кроме № 6 и 8) даны в том же порядке, но под другими номерами; то, наконец, что на листках тексты многих стихотворений (и пушкинские) с поправками, а тексты некоторых в «Собрании» с изменениями по сравнению с их текстами на листках, — все это показывает, что «Антология» сложилась не сразу и что сохранившиеся листки относятся к самому первоначальному ее составу. Это тоже определяет их ценность.

В «Собрании» опущен и носящий программный характер эпиграф к «Антологии»: «Genus irritabile vatum» («легко возбудимый, или гневливый, род поэтов») — латинское изречение, принадлежащее Горацию, употребляемое для подчеркивания впечатлительности и обидчивости литераторов. Оно отражает содержание «Антологии». В ее составе (по «Собранию») 113 эпиграмм, надписей, эпитафий, мадригалов и тому подобное разных лицейских авторов, написанных по разным поводам и в основном сатирического содержания. Поэзия малых форм (по терминологии того времени — антологическая, отсюда и название сборника) получила в Лицее широкое распространение и несомненно сыграла известную роль в художественном развитии Пушкина. Но все стихотворения в «Антологии» — и на листках и в «Собрании» — без подписей. Это затрудняет их атрибуцию. В настоящее время по разным источникам (автографам, авторитетным копиям, печатным текстам и свидетельствам друзей) определены как пушкинские 26 стихотворений «Антологии»; две эпиграммы приписаны Пушкину на основании косвенных данных, но, несомненно, их там больше. Наши соображения по атрибуции нескольких стихотворений из «Антологии» мы изложим отдельно.

Гаевский не назвал точно, сколько листков из «Антологии» было в его распоряжении, но поскольку все упомянутые им при характеристике сборника стихотворения находятся на пяти сохранившихся листках (и с каждого он назвал одно или несколько произведений), мы предположили, что, по-видимому, только они и были у него. Но в той же статье, уже без ссылки на «Антологию», Гаевский привел из нее еще три пушкинских эпиграммы: одну, записанную на последнем листке, — «Вот Виля — он любовью дышит...», и две, которых нет на листках, — «Пожарский, Минин, Гермоген...» и «Заутра с свечкой грошевою...» (указав, что приводит последнюю «с рукописи»),²⁵ а также эпиграмму Илличевского: «Ты выбрал к басенкам заглавие простое...». Так что возможно, что в руках Гаевского был еще один, а может быть, и два листка из «Антологии».

Из пяти дошедших до нас листков «Антологии» найденный в собрании Тиханова сохранился лучше всех. Только его размеры

²⁵ Современник, 1863, № 7, с. 148, 164, 152, 142.

(110×170 мм) и соответствуют первоначальным. Другие листки (они даются в порядке номеров стихотворений) меньше: 1-й: 105×169 мм; 2-й: 100×63 мм; 3-й: 108×170 мм; 5-й: 106×144 мм; очевидно, все они обрезаны. На обороте последнего листка сверху рукой Илличевского написаны два стиха, которые после поправок читаются так:

Ты знаешь, этого уroda
Не мог и не хотел никто нарисовать.

К. Я. Грот при публикации назвал их «Двустипшие», но это конец эпиграммы, записанной в «Собрании лицейских стихотворений» под № 111:

Ты разобрал портрет Герода:
Не стыдно ль на бедняжку лгать?
Сам знаешь: этого уroda
Не думал и не мог никто нарисовать.

Номер ее (109) и первые два стиха находились на лицевой стороне листка, внизу. Они были утрачены, когда, вероятно, были отрезаны последние стихи «Другого завещания» («Эссенцию чувств моих пусть примет Ушакова...») А. Д. Илличевского, которым (судя по содержанию) заканчивалась «Антология» в первоначальном варианте (в «Собрании» его нет).

Записанные Пушкиным на найденном листке два стихотворения одни из лучших в «Антологии». «Твой и Мой» поэт предполагал включить в первый сборник своих стихотворений — копии его, как мы указывали, находятся в Лицейской тетради и в так называемой тетради Всеволожского, обе с поправками автора. Оба стихотворения вошли в тетради Ф. Ф. Матюшкина и А. В. Никитенко, где собраны лучшие образцы неопубликованных стихотворений Пушкина-лицеиста, и были напечатаны В. А. Жуковским в посмертном издании сочинений поэта.²⁶

По своему характеру оба стихотворения являются мадригалями. Жанр этот был разработан во французской поэзии XVII—XVIII вв. Пушкин еще в Лицее освоил его в совершенстве; впоследствии он усложнил его форму и наполнил ее значительным содержанием.

«Твой и Мой» долгое время считали переложением французского мадригала неизвестного автора, записанного Пушкиным в Лицейской тетради через лист после копии стихотворения рукой Ломоносова:²⁷

[le] tien et mien, dit Lafontaine
du monde a rompu le lien. —
Quant à moi je n'en crois rien

²⁶ Соч. А. Пушкина, т. IX. СПб., 1841, с. 368, 370.

²⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 829, л. 14 об., 16.

[Mais] Car que seroit-ce, Climène,
Si tu n'étois p[as] lus la miennel —
Si je n'étois p[as] lus le tien? —

Текст этот написан над копией стихотворения «Элегия» (1816) («Я думал, что любовь погасла навсегда...»), у верхнего края листа; стихи 3 и 4 — справа от 1-го и 2-го стихов. Поправки в тексте и приписка сбоку 3-го и 4-го стихов позволили С. М. Бонди высказать предположение, что мадригал был сочинен самим Пушкиным, так как, записывая по памяти стихотворение, он не мог бы опустить в нем сразу два стиха. «Очевидно, — писал Бонди, — французский мадригал был им сочинен сначала в четырех строках, как и показывает запись его, а затем уже были придуманы и приписаны остальные два стиха».²⁸ Гипотеза эта была принята исследователями.²⁹

Что касается поправок в стихотворении, то, как видим, существенного значения они не имеют: первоначальные написания вполне могли быть ошибками памяти. Вывод же о том, что французский мадригал был «сочинен сначала в четырех строках», нам кажется ошибочным, ибо между стихами 1 и 2 и стихами 5 и 6 логический перерыв (стихи 5 и 6 просто не могут быть во французском тексте без 3-го и 4-го стихов, как конец фразы без ее начала). Поскольку русский вариант мадригала был создан давно и находится в той же тетради, вероятно, правильнее сказать, что вначале были написаны только четыре стиха перевода, а стихи 3 и 4 сложились не сразу и были приписаны сбоку. Последнее интересно в связи с тем, что именно стихи 3 и 4 в копии стихотворения в Лицейской тетради Пушкин подверг переделке. В лицейском варианте в мадригале семь стихов. Вместо 3-го и 4-го было три стиха:

Не спорю я с ученой их толпой
Но и бранить причины не имею
То что дарит мне радость и покой.

Пушкин сразу же зачеркивает 3-й стих, а 2-й изменяет на «Но потакать и верить им не смею» (в тетради Всеволожского он был изменен опять: «Но милый друг и верить им не смею»). Не исключено, что текст мадригала в Лицейской тетради был правлен после написания французского варианта 3-го и 4-го стихов (поправки сделаны теми же чернилами). Догадка С. М. Бонди очень остроумна, но поиски французского оригинала мадригала оставлять не следует — нам кажется, что пушкинская запись французского текста для первого варианта слишком чиста.

Нападки на «Твой и Мой», по свидетельству Б. В. Томашевского, являются «общим местом» во французской поэзии XVII—

²⁸ Пушкинский сборник памяти проф. Семена Афанасьевича Венгерова. М.—Пг., 1923, с. 40—42.

²⁹ Томашевский Б. В. Пушкин и Лафонтен. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3. М.—Л., 1937, с. 220—221.

XVIII вв. На эту тему писали Матюрен де Ренье, Буало, Вольтер, Лафонтен. Французский вариант мадригала показывает, что он является откликом на басню Лафонтена «La Discorde», которую, как отметил Л. Н. Майков, комментаторы сближают с одним из знаменитейших изречений Паскаля и полагают, что мысль Паскаля могла внушить Руссо его известное рассуждение о происхождении собственности. Л. Н. Майков в примечании к пушкинскому стихотворению указал также, что Пушкин еще в Лицее «читал не только Лафонтена, но и Паскаля и Руссо и потому мог при переводе мадригала заменить имя знаменитого баснописца общим упоминанием о философах и пиитах».³⁰ Стихотворение было написано, по-видимому, в 1814—1816 гг.

«Экспромпт на А. Огареву» был создан, по-видимому, сразу, что отражено в заглавии. Текст его в автографе и во всех копиях одинаков. Мадригал (по справедливому замечанию Лернера, сбивающийся в конце на эпиграмму) обращен к Елизавете Сергеевне Огаревой (по транскрипции того времени — Агаревой), урожд. Новосильцевой (1786—1870), жене сенатора Н. И. Огарева, — по воспоминаниям современников, красивой, умной, интересующейся литературой женщины, с которой Пушкин общался летом 1816 г. у Карамзиных, живших в Царском Селе на даче. Этим временем и датируется стихотворение. Пушкин встречался с Е. С. Огаревой и позднее. К ней обращено еще одно стихотворение поэта: «К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада» (1817).

Автографы на листке датируются 1816 г. — временем составления «Антологии».

³⁰ Соч. А. Пушкина, т. I. [Изд. 2-е]. СПб., Изд. Акад. наук, 1900, с. 291—292.

Н. И. МАЦКЕВИЧ

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О ПУШКИНЕ ЕГО ПЛЕМЯННИКА

1. Александр II о Пушкине

Среди книг моей библиотеки находится разрозненный том старинного собрания сочинений Пушкина, изданный в Петербурге в прошлом веке. Том этот примечателен во многих отношениях, прежде всего благодаря тем людям, которым он некогда принадлежал, тем, кто держал его в руках, читал его, оставил на нем свои пометы. Первым владельцем этой книги был старший сын поэта, Александр Александрович Пушкин, и она хранилась в его библиотеке. Еще интереснее в этой книге то, что вся она испещрена записями семейных преданий об Александре Сергеевиче Пушкине. Вероятно, в целях конспирации записи сделаны на английском языке синим карандашом поверх печатного текста, заполняя пробелы между строк типографского набора и отдельные свободные места на страницах. Кое-где записи стерлись от времени и читаются с трудом; они требуют расшифровки и особого критического исследования, так как представляют несомненный интерес. Настоящая публикация нескольких отрывков этих новооткрытых воспоминаний, о которых не сообщалось в печати, имеет предварительный характер.

Остановимся прежде всего на самой книге и на ее истории, насколько она может быть установлена в настоящее время, свыше ста лет после ее выпуска в свет. Это — шестой и последний том собрания сочинений Пушкина, повторно изданного в 1869—1871 гг. под редакцией Г. Н. Геннади книгопродавцем Я. А. Исаковым. Том этот заключает в себе «Историю Пугачевского бунта», без изменения перепечатанную с издания 1859 г.¹ Оба редакци-

¹ Полн. собр. соч. А. С. Пушкина. Изд. 2-е, под ред. Г. Н. Геннади. Изд. книгопродавца Я. А. Исакова. Т. VI. История Пугачевского бунта. СПб., 1871. Содержание тома: текст «Истории» (с. 1—523), примечания редакции (с. I—VI). Полное библиографическое описание этого издания см.: Иваск У. Г. Григорий Николаевич Геннади. (Обзор жизни и трудов). М., 1913, с. 48—50.

calling them: "rabble, ruffians, monsters, thieves, malefactors, rebels" and so on. "These outrageous phrases could do me harm!" The prethumself

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

confirmed these demands to him in this creative work twice

СОЧИНЕНИИ

The daughter of A.S. confirmed her father's saying in her letter from

А. С. ПУШКИНА

in 1864 the most important decision to leave the work stood was in the inner experience

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

of the poet: He was inspired by the

ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

recollections and by Pugachev himself

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

НОМЪ РЕДАКЦИИ

Г. Н. ГЕННАДИ.

These inner experiences were reflected in his decision to stop the work because he couldn't carry out his solution in such circumstances, he couldn't act against his

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ К. А. КОЗЛОВА.

1871.

Conscience that is why he dropped working, and stopped his creative work

Титульный лист «Истории Пугачевского бунта», издания 1871 г., из библиотеки А. А. Пушкина с записями семейных воспоминаний.

рованных Г. Н. Геннади собрания сочинений Пушкина (1859 и 1869—1871 гг.), как известно, были отрицательно встречены критикой и читателями, так как составлены были довольно небрежно и заключали в себе много опечаток.² Тем не менее после издания П. В. Анненкова сочинения Пушкина в изданиях Геннади—Исакова долгое время были единственными, находившимися в продаже, и поэтому пользовались популярностью. В публике было широко известно, что право издания сочинений Пушкина в 1859 г. было куплено Я. А. Исаковым у наследников поэта, обещавшим содействие пополнению издания неопубликованными рукописями, что, впрочем, не было осуществлено.³ Наследники поэта, в частности его старший сын Александр Александрович (1833—1914), в свою очередь внимательно следили за всем, что печаталось о великом поэте. А. А. Пушкин имел в своем распоряжении все собрания сочинений своего отца. Среди них было, как свидетельствует описываемая книга, и второе издание Геннади—Исакова.

На пустом обороте титульного листа описываемой книги имеется отпечаток экслибриса старшего сына поэта, Александра Александровича, гласящий: «Библиотека А. А. Пушкина. Флигель-адъютант Его Императорского Величества»; выше экслибриса сделана запись карандашом на английском языке: «А. А. Пушкин отверг этот экслибрис из-за отсутствия в нем изображения родового герба Пушкиных. Настоящий отпечаток экслибриса находится только на нескольких книгах» («A. A. Pushkin didn't want this exlibris for his part because of the absence of arms of Pushkin's family...»). Эта запись сделана той же рукой, что и записи (на английском языке) семейных воспоминаний о поэте, о которых пойдет речь ниже.⁴

² Подробные сведения об этом приводятся У. Г. Иваском в названной выше книге его о Геннади (с. 33—36, 48—50). В 1871 г. Г. Н. Геннади поместил в «Вестнике Европы» (1871, № 6, с. 918—919) «Письмо к редактору. По поводу второго издания сочинений Пушкина» — ответ на анонимную статью «Библиографическая судьба Пушкина», помещенную в № 3 того же журнала за 1871 г. (с. 445—463). Геннади относил небрежности, замеченные в его издании сочинений Пушкина, за счет издателя; в частности, он утверждал, что сам не читал корректуры, «не имея к ней навыка и по случаю отъезда из Петербурга».

³ П. Н. Полевой в заметке «Как были проданы сочинения Пушкина Исакову» (Исторический вестник, 1887, кн. 3, с. 678—681; ср.: Полевой П. Н. История русской словесности, т. III. СПб., 1900, с. 162) рассказал, что Н. В. Гербель страстно желал получить у сына Пушкина права на новое издание сочинений его отца, но Я. А. Исаков, действуя через подосланных лиц, перебил его, получив эти права. У. Г. Иваск (И в а с к У. Г. Григорий Николаевич Геннади, с. 34) привел рассказ книгопродавца Н. Г. Мартынова о переговорах в Москве, по совету Геннади, с С. А. Соболевским и П. И. Бартеневым об издании, предпринятом Я. А. Исаковым.

⁴ Оговорим заранее, что в настоящей публикации мы приводим английский рукописный текст лишь в русском переводе, выполненном по нашей просьбе сотрудниками кафедры английского языка Педагогического ин-

согласенъ съ Капитаномъ и Подпоручикомъ, котораго
 измѣнительскія мысли еще не пзвѣстны были, написать въ
 Казань письмо, изыскивая надежные способы къ пересыл-
 кѣ, послѣ еще въ карманѣ. Измѣнитель, не имѣвшій ни-
 когда благородныхъ мыслей, Минѣевъ случаемъ посто-
 трепилъ въ минутахъ своей похвѣ, сказать о томъ Пугачеву
 за что его злодѣи въ вѣнчалъ Цѣлковникомъ; напротивъ,
 несчастливъ безъ дальнѣйшаго приключенію его разсѣ-
 тившія, были повѣшены. Возгордась небольшою сею при-
 Осѣ удачею, Пугачевъ отправилъ, черезъ завѣсы чрезъ Ка-
 му, пошелъ на Шкорскій и Котлѣвскій казенные заводъ,
 гдѣ собиравшіеся еще пріюдоить работники, главна-
 паль тамъ заводами командиръ Венцели и другихъ, и
 казенныхъ находившихся тѣсно сопротивленіе чини-
 шихъ, тогда же злодѣю, которые равно съ прочими те-
 которыми въ варварскія злодѣи показывающимися, имѣ-
 утѣсть. Заводы разграблены и почти до основанія раз-
 рены, а работники къ наибольшей части по своему при-
 воженію записались злодѣю въ службу. Послѣ сего не-
 кракъ удачь, неспасенный Минѣевъ подумалъ, что можно
 предпринять, что злодѣю и вѣдьме, и будучи въ тѣхъ мы-
 сляхъ, что, гдѣли намереніе его соответствовать будетъ
 окончанію дѣла, можетъ онъ быть съ Пугачева первымъ
 министромъ и вѣдьме насчитъ свои необузданныя стра-
 сти, стать помышлять похвѣніи въ Казань. Сіи столь
 дерзкія мечты, такъ злодѣйскимъ его сердцемъ овладѣли,
 что, не зная ни гласу совѣсти, ни страху наказанія отъ
 Бога и власти начать возбуждать, или, лучше сказать,
 убѣждать Пугачева идти прямо къ своему отечеству, Ка-
 зань, къ семье его, весь родъ, пріятель и знакомые,—
 заклинаясь макостною своею жизнью, что онъ, по при-
 чинѣ развалившагося крѣпостнаго строенія и извѣстныхъ
 ду слабыхъ расположеній, можно оною овладѣть мо-
 жетъ. На что, по нѣсколькихъ неучаствахъ и сопротив-
 леніяхъ, которыми Минѣевъ рѣшилъ и опровергать ста-

Затрудняемся сказать, когда отпечаток экслибриса А. А. Пушкина поставлен на книге; мы можем лишь предположить, что это сделано не ранее конца 70-х годов или даже позже, в соответствии с означенным здесь воинским званием владельца книги.⁵ Не знаем также, когда книга попала в антикварный магазин в Казани, владельцы которого приклеили к ней свой торговый знак — «В. Ф. Маркелов и В. А. Шаронов», и когда и кому она была ими продана. На книге остался след еще одного ее владельца — уже в советское время: свою печатку с фамилией (по новой орфографии — без твердого знака) поставил «П. Д. Сокол»; очевидно, он располагал порядочной библиотекой, так как интересующая нас книга имеет вписанный им от руки № 906. Мы не располагаем никакими сведениями о том, кто был этот библиофил и где находилось его книжное собрание.

Наиболее интересную особенность описываемой книги составляют сделанные на ней карандашные записи семейных воспоминаний о Пушкине: они расположены здесь на 33 страницах в различных частях тома. Автор раскрыл свое имя на страницах 507 и 509; там же указана и дата окончания этих записей на книге или составления ее первого варианта: 17 января 1880 г. В июне этого года, как известно, состоялись знаменитые в летописях русской культуры торжества по случаю открытия памятника Пушкину в Москве. Подготовка к этому событию была деятельной и довольно шумной. Любопытство широких кругов читателей к истории жизни поэта, к его трагической гибели, к его творческому наследию как бы обновилось и повсеместно возросло. Это было время, когда, по наблюдению И. С. Тургенева, «общественное внимание с новой силой <было> обращено на все касающееся до Пушкина».⁶ В ту пору действительно шире, чем раньше, раскрывались многие семейные архивы, где можно было найти новые данные о Пушкине, прежде вовсе недоступные, продолжались

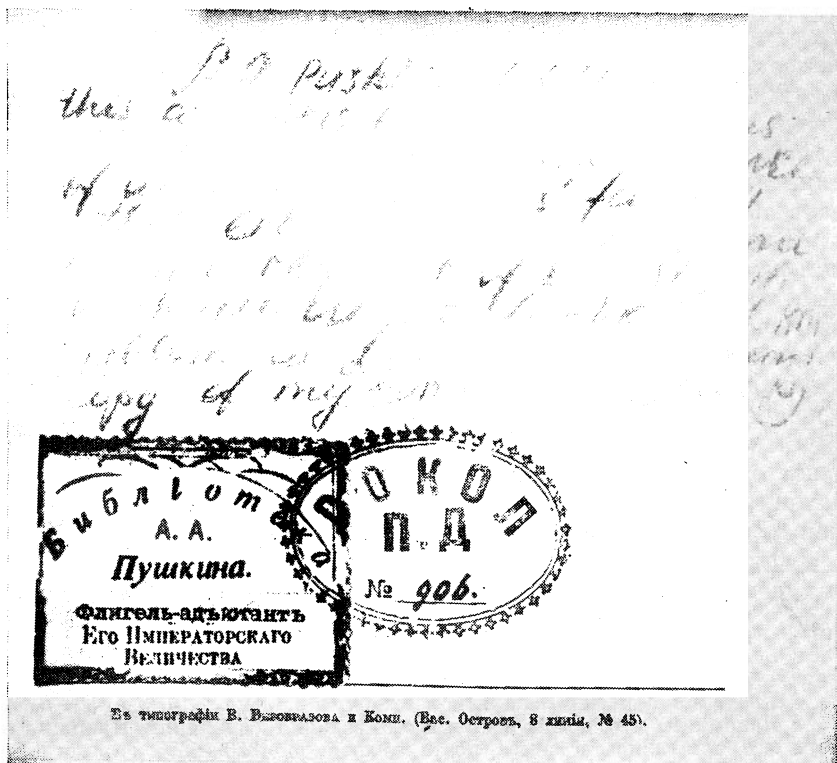
ститута в г. Куйбышеве, которым автор приносит искреннюю благодарность.

⁵ Наиболее подробные служебные формуляры А. А. Пушкина, которыми мы располагаем, дают точные даты прохождения им длительной военной службы, но не указывают дату получения им звания «флигель-адъютанта е. и. в.». Известно, что после гимназии А. А. Пушкин учился в Пажеском корпусе, откуда выпущен был корнетом в л.-гв. Конный полк; в 1865 г. он уволен от службы с чином полковника; в 1870 г. командовал 13-м гусарским Нарвским полком; в 1877—1878 гг. участвовал в русско-турецкой войне; 1 июля 1880 г. был произведен в генерал-майоры в свиту Александра II. См.: Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины. Родословная роспись. Л., 1932, с. 59; Пажи за 175 лет. Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. Собрал и издал О. Фрейман. СПб., 1898, с. 465. Много данных об А. А. Пушкине собрано в кн.: Русаков В. М. Потомки Пушкина. Л., 1974.

⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч., т. XV. Л., 1968, с. 118, 354 — предисловие к публикации «Из пушкинской переписки» в «Вестнике Европы» (1886, № 12, с. 819).

поиски его неопубликованных рукописей, воспоминаний о нем современников.

Автором интересующих нас записей был родной племянник поэта, сын его брата Льва Сергеевича, Анатолий Львович Пушкин (1846—1903), свято чтивший память своего дяди. С Александром Александровичем Анатолий Львович находился в близких родственных отношениях, любил беседовать с ним о семей-

Фрагмент заключительной страницы «Истории Пугачевского бунта», издания 1871 г., с записями семейных воспоминаний.

ном прошлом, тем более что иногда они жили вместе или неподалеку друг от друга. Центральное имение нижегородских владений Пушкиных Большое Болдино в 1848 г. перешло к брату поэта, Льву Сергеевичу Пушкину, а после его смерти в 1852 г. досталось Анатолию Львовичу. В том же 1848 г. сыновья поэта, Александр и Григорий Александровичи, по семейному разделу стали владельцами двух деревень неподалеку от Болдина — Львовки и Кистеневки. В разные годы А. А. Пушкин приезжал на лето в Львовку, а позднее за ним числилось и Малое Бол-

дино.⁷ Анатолий Львович жил в Болдине до самой кончины; здесь он и похоронен. Некоторое время он состоял земским начальником 3-го участка Лукояновского уезда и проживал в селе Комля.⁸

После смерти матери А. А. Пушкин, как старший в роде по мужской линии, хранил у себя многие семейные реликвии. Это были прежде всего рукописи отца.⁹ До начала 80-х годов Александр Александрович мало кого знакомил с ними, хотя мог объяснить в них очень многое. Лишь во время открытия памятника поэту в Москве он подарил эти рукописи московскому Румянцевскому музею (впоследствии — Гос. Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина), за исключением, впрочем, дневника отца, который он оставил у себя и хранил в особом шкафу под ключом до самой своей смерти.¹⁰ У него же хранилась, правда в небрежении, и личная библиотека поэта, также очень поздно ставшая известной исследователям.¹¹

С достопримечательностями своего семейного архива А. А. Пушкин начал знакомить интересующихся только в 80-е годы, на устные же рассказы и воспоминания о семейном прошлом он всегда был очень скуп; добрый и простой по своему характеру, он был очень сдержан и скрытен, когда речь шла об отце и матери, даже с членами своей семьи и ближайшими родственниками. На это, конечно, имелись свои причины.

Важнейшая из них — насколько мы можем судить об этом в настоящее время — заключалась в опасении, что в бумагах отца находится многое такое, что не будет допущено в печать тогдашней цензурой, а также такие данные, которые могут неблаго-

⁷ См.: Русаков В. М. Потомки Пушкина, с. 39. Об А. Л. Пушкине и его сестрах Ольге и Марии см.: Архив Раевских, т. II. СПб., 1909, с. 462; Февчук Л. Семья Пушкина в портретах и документальных фотографиях. — В кн.: Белые ночи. Л., 1975, с. 387.

⁸ Предания и песни Болдинской старины. Горький, 1972, с. 53—54.

⁹ Напомним, что после посмертного издания сочинений Пушкина бумаги его оставались в семье поэта вплоть до 1850—1855 гг., когда его вдова Н. Н. Ланская-Пушкина задумала новое издание его сочинений. В конце концов редактором этого издания стал П. В. Анненков, который и выпустил его в свет в 1855—1857 гг. на основании рукописей, находившихся в его пользовании. Н. Н. Ланская-Пушкина скончалась 26 ноября 1863 г. «Весьма возможно, что бумаги Пушкина и раньше были переданы ее детям, когда кончилась опека», — утверждает В. Ф. Саводник в московском издании дневника Пушкина и добавляет: «Сколько известно, вплоть до 1887 г. в изданиях, сделанных к этому времени, следов пользования бумагами, хранившимися в семье Пушкиных, не наблюдалось» (Пушкин и А. С. Дневник. Под ред. В. Ф. Саводника. М., 1923, с. 29).

¹⁰ Позже, в декабре 1880 г., А. А. Пушкин передал в рукописное отделение Румянцевского музея письма к отцу разных лиц, в мае 1882 г. — письма самого поэта с условием «не выдавать их для пользования в течение 50 лет со дня пожертвования» (Пушкин и А. С. Дневник, с. 29).

¹¹ История библиотеки А. С. Пушкина изложена Б. Л. Модзалевским в предисловии к библиографическому ее описанию (Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910).

приятно отразиться на репутации родителей и вообще семьи Пушкиных, став предметом обывательских кривотолков; кое-что в этих бумагах затрагивало его самого, и это было особенно нежелательно, поскольку Александр Александрович был достаточно близок к императорскому двору.

Из недавних публикаций писем П. В. Анненкова, написанных в период его работы над биографией и подготовкой издания сочинений Пушкина, стало известно, с какой осторожностью Наталья Николаевна знакомила своих детей с бумагами и документами их отца. Существовало, например, письмо Пушкина к его брату, Льву Сергеевичу, написанное поэтом в Кишиневе в 1822 г. на французском языке. П. В. Анненков страстно добивался возможности снять с него копию, но Наталья Николаевна, как писал Анненков Т. Н. Грановскому, «делает из него тайну, прочитывает некоторые места, которые ей кажутся важными, а цельного документа не сообщает. Приобретение его было бы чрезвычайно важно. Замечательно, что Пушкин приказывал жене передать это письмо своему сыну, когда ему исполнится 18 лет, — видно, он сам считал его образцом житейской мудрости, светским Кораном. Письмо, однако же, не передано по указанию супруга и до сих пор, хотя молодому человеку уже теперь за 20-ть. Видно, молодежь ныне формируется позднее, чем во времена поэта, и мать опасается, чтобы советы отца не были опасной новостью для сына».¹² Опасения Натальи Николаевны были продиктованы в данном случае соображениями воспитательного характера; письмо поэта, о котором идет речь, нужно думать, представлялось ей слишком легкомысленным или даже безнравственным. Но в том же семейном архиве, который в конце концов по наследству перешел в руки старшего сына поэта, были другие письма и записи, имевшие к нему косвенное отношение, в которых поэт бесстрашно и дерзко высказывал свое отношение и к императорской власти, и к царской семье. Давать списывать подобные документы или предоставлять их для публикации Александр Александрович, естественно, считал поступком несвоевременным и по своему был прав.¹³

¹² Малов Н. Н. Неизвестные письма П. В. Анненкова об издании сочинений Пушкина. — В кн.: Пушкинские чтения на Верхневолжье, сб. 2. Калинин, 1974, с. 146—147.

¹³ Так же думали и другие члены семьи Пушкиных. Когда в 1858 г. С. А. Соболевский напечатал в «Библиографических записках» письма Пушкина к брату Льву Сергеевичу, возникло громкое дело, причинившее неприятности и редактору журнала, и его цензору. Младший брат А. А. Пушкина, Григорий Александрович, обратился по этому поводу с ходатайством на имя министра народного просвещения А. С. Норова, чтобы цензуре было предписано впредь «не одобрять к печати записок, писем и других литературных и семейных бумаг Пушкина без ведома и согласия его семейства» (см.: Переселенков С. А. Материалы для истории отношений цензуры к А. С. Пушкину. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. VI. СПб., 1908, с. 40—41).

Приведем еще один, достаточно характерный пример, частично объясняющий упорное нежелание А. А. Пушкина допускать посторонних лиц к пользованию отцовскими бумагами. Речь идет на этот раз о семейных документах, имевших отношение к нему самому. Во второй половине апреля 1834 г. Наталья Николаевна с двумя детьми, Александром и Марией (в письмах поэта они обычно именуются «Сашка» и «Машка»), уехала на побывку в Москву и далее к родным, в Ярополец и Полотвянский Завод. Пушкин же остался в Петербурге один, поглощенный работой над своим историческим трудом о Пугачеве. Между Пушкиным и его женой возникла переписка. Вскоре после отъезда Натальи Николаевны Пушкин сообщил ей (письмо от 20 и 22 апреля) о празднествах, состоявшихся в Зимнем дворце по случаю совершеннолетия вел. кн. Александра Николаевича, будущего Александра II (1818—1881). Поэт откровенно признавался жене, что он нарочно сказался больным, чтобы не присутствовать на торжественной церемонии присяги наследника престола, к чему обязывало ненавистное ему придворное звание: «Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать». Поэт, вспоминая, что он видел трех царей — Павла I, Александра I и Николая I, писал: «Третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут», и добавлял о своем сыне: «Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим теской (т. е. с будущим Александром II, — *Н. М.*); с моим теской (т. е. с Александром I, — *Н. М.*) я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет» (XV, 130).

К несчастью, это письмо было вскрыто на московской почте, прочтено полицией и через Бенкендорфа направлено Николаю I; царь прочел его и был сильно рассержен. Об императорской фамилии речь шла здесь в самых непочтительных выражениях, а о церемонии присяги наследника рассказывалось в издевательском тоне. О раздражении царя Пушкин узнал из записки Жуковского (текст которой не сохранился). Обо всем этом мы знаем также из записи в дневнике Пушкина от 10 мая 1834 г. «Несколько дней тому назад, получил я от Жуковского записочку из Царского Села». Он уведомлял, что какое-то письмо мое ходит по городу и что государь об нем ему говорил <...> Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н<аталье> Н<иколаевне>, и нашед в нем отчет о присяге В<еликого> К<нязя>, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысл, представила письмо Г<осударю>, который сгоряча также его не понял. К щастию, письмо показано было Ж<уковскому>, который и объяснил его. Все успокоилось» (XII, 328—329). Как обычно, Пушкин слегка затушевывает

в своей записи все происшедшее со злосчастным письмом. На самом деле все не только не успокоилось, но едва не завершилось полным разрывом отношений между поэтом и царем. Пушкин был оскорблен и обижен до крайности бестактным вмешательством высшей полиции и самого Николая I в его семейную жизнь. Раздражение по поводу всего случившегося проявилось в письме его к Наталье Николаевне (от 18 мая 1834 г.): «Я тебе не писал, потому что был зол — не на тебя, на других. Одно из моих писем попало полиции и так далее. Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно» (XV, 150). Отзвуки этих событий еще долго слышались в письмах Пушкина: он насторожился и многое не договаривал, даже болтая наедине с самим собою в своем дневнике.¹⁴ Подчеркнем также, что тех же мыслей придерживался и В. А. Жуковский: выгораживая Пушкина перед царем, он тем не менее возмущался практикой перлюстрации писем, так как страдал от этого и сам.¹⁵

Нетрудно представить себе, как А. А. Пушкин отнесся бы к просьбе, от кого бы она ни исходила, предоставить для опубликования изложенную выше и отразившуюся в семейных бумагах историю об отношении Пушкина к царю и наследнику. Нет сомнения, что реакция его на подобное предложение была бы резко отрицательной, тем более что и он сам упоминался в перлюстрированном письме отца. С точки зрения его братьев и сестер, предоставление подобных сведений для печати было бы

¹⁴ Так, 3 июня 1834 г. Пушкин снова сообщает жене: «Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre. Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно: каторга не в пример лучше. Это писано не для тебя...» (XV, 154). Через пять дней, в письме от 8 июня, Пушкин опять советует Наталье Николаевне: «Но будь осторожна... вероятно и твои письма распечатывают; этого требует Государственная безопасность» (XV, 157). В письме от 30 июня того же года читаем: «Пожалуйста, не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полицию, и так далее — охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен» (XV, 170). Об обострении отношений между царем и Пушкиным после этой истории см. также в статье П. Е. Щеголева «Пушкин и Николай I», предпосланной петроградскому изданию «Дневника» Пушкина под редакцией Б. Л. Модзалевского (М.—Пг., 1923, с. XXIV).

¹⁵ Практикой перлюстрации своих собственных писем Жуковский возмущался уже давно. Он писал по этому поводу А. И. Тургеневу еще 3 декабря 1827 г.: «Что могут узнать теперь из писем? Кто вверит себя почте? Что выиграли, разрушив святыню, веру и уважение к правительству? Это бесит! Как же хотят уважения к законам в частных лицах, когда правительство все незаконное себе позволяет» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 232).

похоже на перлюстрацию семейной переписки, которую так энергично осуждали и сам поэт, и его близкие друзья. Между тем цитированные выше письма Пушкина — правда, с цензурными купюрами — были напечатаны И. С. Тургеневым с разрешения младшей дочери поэта, графини Н. А. Меренберг, в журнале М. Е. Стасюлевича «Вестник Европы» в 1878 г.; это событие в семейном кругу Пушкиных вызвало резкое осуждение самочинных действий Н. А. Меренберг, предоставивших подлинники отцовских писем к матери; дело походило на семейный скандал.¹⁶ Из писем Тургенева нам известно, что до него дошло известие, будто бы сыновья Пушкина собирались приехать в Париж, чтобы «поколотить» его «за издание писем отца». «Почему же меня, — прибавлял Тургенев, — а не родную сестру, разрешившую печатание?»¹⁷ Во всяком случае, новая публикация этих писем, со сверкой их текста с автографами, стала возможной только в недавнее время (1938), да и то не всех, так как часть их до сих пор находится за рубежом.¹⁸

Сказанное выше объясняет в достаточной мере, почему оказавшиеся в распоряжении А. А. Пушкина и его родственников данные о взаимоотношениях его отца с царской семьей признано было необходимым зашифровать, переведя на английский язык и записав все это на печатной книге. Инициатива, вероятно, принадлежала А. Л. Пушкину, автору записей воспоминаний, отрывки из которых приводятся ниже. От него же мы узнаем о поводе, послужившем для составления этих воспоминаний. Вот что, в частности, сообщает А. Л. Пушкин в своих английских записях:

«Стараясь добиться разрешения на издание в 1871 г. „Истории Пугачевского бунта“ с портретом Пугачева, редактор 6 тома Г. Н. Геннади¹⁹ обратился за помощью к старшему сыну поэта,

¹⁶ Подробную историю этой публикации см. в статье: Измайлов Н. В. Тургенев — издатель писем Пушкина к Н. Н. Пушкиной. — В кн.: Тургеневский сборник, т. V. Л., 1969, с. 399—416.

¹⁷ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Письма, т. XII, ч. 1. М.—Л., 1966, с. 302 (письмо Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 6 апреля/25 марта 1878 г.).

¹⁸ Н. В. Измайлов сообщает, что «запрет, наложенный сыновьями Пушкина на автографы писем поэта к своей жене, без их разрешения изданных Тургеневым, распространен был и на новое их издание. Когда в 1882 г. П. А. Ефремов в редактированном им собрании сочинений Пушкина (изд. Ф. И. Анского) впервые собрал в отдельном VII томе все известные тогда письма <...> он должен был отказаться от включения в том „по независимым обстоятельствам“ не только писем поэта к невесте и жене, но и к родным жены — Гончаровым, ограничившись только указанием на места их публикации» (Измайлов Н. В. Тургенев — издатель писем Пушкина к Н. Н. Пушкиной, с. 415).

¹⁹ Речь идет о шестом томе «Собрания сочинений» Пушкина, изданном в 1871 г., в котором воспроизводится текст «Истории Пугачевского бунта», как он был напечатан Пушкиным в 1834 г. Просьба Геннади заключалась в получении разрешения на воспроизведение того портрета Пугачева, который был приложен самим Пушкиным к первому изданию его труда; см.: Петрунина Н. Н. Портрет, приложенный А. С. Пушкиным к «Истории

полковнику лейб-гвардии А. А. Пушкину, но тот ничего не добился (он собирался в поездку по Германии) и ограничился сообщением, что его величество император Александр II вообще отрицательно относится к распространению наследия Пушкина и портрета народного возмутителя Емельяна Пугачева среди верноподданных крестьян.

Заинтересованный узнать, наконец, правду о своем дяде, я обратился к двоюродному брату с просьбой правдиво рассказать мне о старине. После долгого с ним препирательства и размышлений по этому поводу в конфиденциальной беседе он сообщил мне мнение Александра II о Пушкине. Хотя прошло много лет после смерти поэта, для Александра II Пушкин и Лермонтов (о котором также упоминал император) продолжали быть неудобными пиитами и даже опасными для трона. Вот что сказал государь: передаю дословно, по пунктам.²⁰

1. Поэзия Пушкина отрицательно действовала на молодежь, особенно на студенчество России, и в первую очередь студенчество столицы.

2. В шестидесятых годах отставка двух министров просвещения, Ковалевского и Путятина, не предотвратила закрытия Петербургского университета и ареста основных виновников студенческих волнений.²¹ Странным казалось, что арестованные студенты и в Петропавловской крепости продолжали декламировать стихи Пушкина о вольности и свободе.

3. Под влиянием Жуковского мы чувствовали симпатию к А. С. Пушкину, но после стихотворения „Вольность“ мнение наше изменилось.²² Будучи наследником престола, я имел встречи с Пушкиным, но каждая встреча отдаляла поэта от двора. Казалось, что поэт не скрывает своего пренебрежительного

Пугачева). — Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967, с. 48—53. Запрещение воспроизвести этот портрет в томе сочинений Пушкина, исходившее непосредственно от Александра II, не помешало, впрочем, его популярности: он был помещен ранее в «Русской старине» (1870, кн. 2, между с. 352—353), в виде гравюры Л. А. Серякова, для которого этот портрет послужил оригиналом.

²⁰ Английский текст, перевод которого мы приводим ниже, записан на с. III отдела «Примечания от редакции» шестого тома сочинений Пушкина под редакцией Г. Н. Геннади.

²¹ Евграф Петрович Ковалевский (1790—1867) — в 1858—1861 гг. министр народного просвещения. Об отставке Ковалевского и назначении министром Евфимия Васильевича Путятина (1803—1883) см.: Никитенко А. В. Дневник, т. 2. М., 1955, с. 190—191. В том же году Путятин вышел в отставку с этого поста: это была со стороны правительства вынужденная уступка общественному мнению, возмущенному реакционными мероприятиями Путятина, особенно его борьбой со студенческим движением.

²² Ранее стихотворение Пушкина «Вольность» впервые было напечатано только после смерти поэта. Первый раз ода была опубликована А. И. Герценом в лондонской «Полярной звезде» за 1856 г. (кн. 2, с. 3—5). Вполне вероятно, что Александр II знал стихотворение именно по этому изданию. В России текст «Вольности» опубликован в «Собрании сочинений» Пушкина, изданном П. А. Ефремовым.

отношения и ко двору, и к окружавшим поэта верноподданным государя. Никто не может отрицать, что поэзия Пушкина плохо действовала на поведение молодежи.

4. Смерть поэта не ослабила отрицательного воздействия на молодежь. Это влияние продолжается и ныне на учащих и даже на военную молодежь.

5. Пушкин и Лермонтов были неизменными противниками трона и самодержавия и в этом направлении действовали на верноподданных России.

6. Двор не мог предотвратить гибель поэтов, ибо они были слишком сильными противниками самодержавия и неограниченной монархии, что отражалось на деятельности трех защитников государя — Бенкендорфа, Мордвинова и Дубельта²³ и не вызывало у них необходимости сохранить жизнь поэтам.

7. Мнение наше тождественно с мнениями защитников трона и глав русского государства — Александра благословенного и в бозе почившего родителя нашего, Николая Павловича.

8. Что касается издания произведений поэта, мы повелели ограничить их тираж и запретить, как особо вредное, распространение портретов возмутителя народа Пугачева. Крестьянские волнения в ряде губерний России имеют место и поныне.

9. Мы сожалеем о гибели поэтов Пушкина и Лермонтова; они могли быть украшением двора и воспеть самодержца».

К этим пунктам едва ли можно что-либо прибавить: в них дана исчерпывающая характеристика того, что думал о Пушкине не только Александр II, но и два ближайших предшественника его на российском престоле. В этом, конечно, не так много нового, но кое-какие детали в этой характеристике представляют известный интерес и нуждаются в дополнительных пояснениях. «Я имел встречи с Пушкиным, но каждая встреча отдаляла поэта от двора», — говорил Александр II о времени, когда он был наследником престола. Что обоюдная неприязнь между ними возникла очень рано, можно было догадаться из приведенных выше дневниковых записей Пушкина и его писем. Характерно также, что взаимное нерасположение друг к другу поэта и будущего императора с годами не уменьшалось, а скорее увеличивалось, несмотря на то что посредником между ними был Жуковский.²⁴ Во всяком случае, сохранившиеся немногочисленные дан-

²³ Граф Александр Христофорович Бенкендорф (1783—1844) — глава политической полиции, начальник III отделения и шеф корпуса жандармов, под наблюдением которого находился Пушкин. Александр Николаевич Мордвинов — один из ближайших помощников Бенкендорфа (1792—1869), с 1 сентября 1831 г. (после смерти М. Я. фон Фока) состоял управляющим III отделением. Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862) — начальник III отделения с 1839 по 1856 г.

²⁴ Встречи Пушкина с «наследником-цесаревичем» не были частыми, так как поэт все время от них уклонялся. О том, что Пушкин нарочно казался больным, чтобы не присутствовать на дворцовых торжествах по

ные об их встречах следует воспринимать в свете приведенных выше высказываний Александра II о Пушкине, относящихся к 1871 г.

Не очень достоверными и пока ничем не подтвержденными остаются воспоминания ученицы царскосельской гимназии, сообщившей между прочим в своих мемуарах о посещении этой гимназии Александром II: «В старшем классе моя сестра декламировала государю в этот день „Клеветникам России“. Он с явным удовольствием прослушал стихотворение, потом сказал: „Когда Пушкин написал эту оду, он прежде всего прочел ее нам“. Государь, — замечает мемуаристка, — вероятно подразумевал царскую семью».²⁵ Со слов П. В. Нащокина П. И. Бартенев записал сведения о какой-то встрече Пушкина с наследником, но без точного указания, когда и где она состоялась: «Пушкин ввел в обычай, обращаясь с царственными лицами, употреблять одно слово: государь. Когда наследник заметил ему, что он не государь, Пушкин отвечал: вы *г*осударь наследник, а отец ваш — *г*осударь император»,²⁶ и т. д. Существует также несколько мемуарных свидетельств, относящихся к последнему году жизни Пушкина. В. В. Гольцев цитирует из неизданных записок кн. А. М. Голицына (1838—1919) следующее место: «Государь Александр Николаевич у себя в Зимнем дворце за столом, в ограниченном кругу лиц, громко сказал: *Eh bien, on connaît maintenant l'auteur des lettres anonymes, qui ont causé la mort de Pouchkine; c'est Nesselrode*» (Ну, так вот теперь знают автора анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина; это Нессельроде).²⁷ Известно также свидетельство чиновника Министерства иностранных дел Н. И. Любимова (1811—1875) в письме к товарищу его по

случаю совершеннолетия наследника, мы уже говорили выше. Пушкин не посетил также ни грандиозного бала, данного в честь того же события дворьянством Петербургской губернии, ни парада, о котором поэт писал жене 12 мая 1834 г.: «Вчера был большой парад, который, говорят, не удался. Царь посадил наследника под арест». Об этом же событии сообщает сделанная в тот же день запись в его дневнике: «Вчера был парад, который как-то не удался: *Г*осударь посадил наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал галопом вместо рыси» (XII, 329). «На качелях не являлся, — писал Пушкин жене 28 апреля того же года. — Завтра будет бал, на который также не явлюсь <...> Вчера весь город ездил смотреть залу, кроме меня, и т. д. Но личное знакомство Пушкина и будущего Александра II, может быть, состоялось еще ранее: как видно из записки в дневнике В. А. Жуковского от 18 (30) июня 1832 г., перед отъездом его с наследником за границу на пароходе их провожали среди других Мердер, Виельгорский, Перовский, Вяземский и Пушкин (Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1903, с. 218). Ср.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 11—12.

²⁵ Е. Д. Из воспоминаний об имп. Александре II. — Ученник, 1911, № 44, с. 1087.

²⁶ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг. Вступит. статья и примеч. М. Цявловского. М., 1925, с. 32.

²⁷ Гольцев В. В. К истории дуэли Пушкина. — В кн.: Московский пушкинист, вып. I. М., 1927, с. 17.

университету М. П. Погодину (от 3 февраля 1837 г. из Петербурга): «Наследник сам приезжал осведомляться о здоровье Пушкина».²⁸ Существует наконец свидетельство в дневнике генерал-лейтенанта С. А. Юрьевича, состоявшего при наследнике Александре Николаевиче, от января 1837 г. Запись эта гласит: «29 пятница. Поэт наш умер сегодня, около полудня (он третьего дня был ранен на дуэли с Дантесом). Жуковский сообщил эту весть великому князю с подробностями о его кончине и причине дуэли. Великий князь искренне пожалел о невозвратной потере необыкновенного таланта, обещавшего много еще для русской литературы».²⁹

Как видно из приведенных цитат, у Александра II, когда он был еще юношей и наследником престола, иногда, под облагораживающим влиянием Жуковского, возникало сочувствие к Пушкину, но впоследствии он от него освободился окончательно. Очень вероятно, что ожесточение против поэта наступило в те годы, когда наследник стал уже царем-самодержцем и познакомился с революционными стихами Пушкина, опубликованными Герценом в лондонской «Полярной звезде»; недаром пушкинская ода «Вольность» запомнилась царю: узнав ее впервые в 1856 г., он упоминал о ней сыну поэта в 1871 г. Впрочем, Александр II, как и его державный родитель, не любил ни литераторов, ни литературы. Нельзя не вспомнить здесь тех строк, которые наследник Александр Николаевич написал из Петербурга отцу, Николаю I (28 апреля 1852 г.), уехавшему в заграничное путешествие, по поводу статьи о смерти Гоголя, напечатанной И. С. Тургеневым и вызвавшей громкое цензурное дело. Вот что говорилось в этом письме: «Арестование Тургенева за напечатание в Москве статьи о Гоголе наделало здесь много шума. Я, как ты знаешь, до так называемых литераторов также не большой охотник, и потому нахожу, что урок, данный ему, и для других весьма здоров».³⁰

2. В. А. Жуковский о Пушкине

Новейшие разыскания о В. А. Жуковском, публикация неизвестных ранее документальных о нем материалов все более разрушают то представление о поэте, которое устойчиво держалось на протяжении длительного времени. В нем видели прежде всего бездумного и услужливого царедворца, которому не случайно вверено было воспитание наследника российского престола; при-

²⁸ Цявловский М. А. Два письма о дуэли и смерти Пушкина. — В кн.: Памяти П. Н. Сакулина. М., 1931, с. 311.

²⁹ Курский сборник, изд. Курского губ. статистического комитета..., вып. VII. Курск, 1912, с. 25. Ср.: Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. Изд. 3-е. М., 1962, с. 22.

³⁰ Тургенев И. С. Собр. соч., т. I. М., изд. «Художеств. литература», 1975, с. 366 (приведено в статье В. А. Громова по архивному источнику).

дворного поэта, далекого от общественных устремлений; человека, который лишь по своему добросердечию, а не по убеждениям и голосу совести пытался оказать помощь друзьям-литераторам и всем попавшим в беду борцам против самодержавия. Незаслуженно преуменьшая роль литературной деятельности Жуковского, забывали сказанные о нем слова В. Г. Белинского: «Неизмерим подвиг Жуковского и велико значение его в русской литературе!..».³¹ Знакомство с новыми материалами, более глубокое освоение его творческого наследия позволяют говорить о нем в первую очередь как о гражданине и народном поэте.³²

Противоречивое и сложное общественное положение Жуковского еще во второй половине 20-х годов приводило к нередким конфликтам с царем и его чиновниками, и со временем этот конфликт все более усугублялся. Характеризуя рукописный фонд Жуковского, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Е. Н. Коншина обратила внимание на его рукопись — план учения и воспитания наследника престола с 10-летнего возраста. На последней странице этого плана находится черновик незаконченного письма Жуковского на французском языке к Николаю I.

Жуковский записывал: «[Я хотел бы] Я должен объясниться раз и навсегда только потому, что В<аше> В<еличество> знает мой образ мыслей. Ко мне несправедливы, со мною обращаются так, что моя обязанность становится мне очень неприятной, тягостной. Целью моих стараний не является ни награда, ни низменная выгода...» и т. д. «Это письмо, — комментирует запись Е. Н. Коншина, — относится, по-видимому, к 1827 году и является материалом к раскрытию той стороны жизни Жуковского, которая осталась малоосвещенною в его биографиях. В настоящее время мы не располагаем сведениями, кого подразумевает здесь Жуковский. По своему тону письмо сближается с более поздним обращением Жуковского к Николаю I. В „Собрании сочинений“ <...> напечатано его письмо от 30 марта 1830 г. по поводу обвинения его в том, что он „впутывается“ в дела литераторов».³³ Как раз в этом направлении — в заполнении досадных пробелов в биографии Жуковского — шли и недавние разыскания и догадки исследователей русской литературы. Старая публикация писем Жуковского к сосланным в Сибирь декабристам, полных забот и сочувствия к изгнанникам, получила теперь новое освещение.³⁴

³¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 220.

³² См.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976.

³³ Коншина Е. Н. Обзор материалов В. А. Жуковского. — В кн.: Записки Отдела рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 14. М., 1952, с. 38. Письмо, на которое ссылается Е. Н. Коншина (Полн. собр. соч. В. А. Жуковского. Под ред. А. С. Архангельского. Т. III. Пг., 1918, с. 443—448), напечатано в отрывках, с искажениями, произведенными в нем еще дореволюционной цензурой.

³⁴ Дубровина Н. В. А. Жуковский и его отношение к декабристам. — Русская старина, 1902, № 4, с. 45—119.

М. И. Гиллельсон, публикуя очень важное письмо о запрещении журнала И. В. Киреевского «Европеец», вполне справедливо писал, имея в виду лишь старые источники его биографии и традиционное их освещение: «Что побудило Жуковского, невзирая на настороженное отношение к себе со стороны Верховной Власти, быть неизменным ходатаем за лиц, осужденных за антиправительственные поступки? Декабристы, Герцен, — за всех них хлопотал „верноподданный“ Жуковский. Можно ли интерпретировать исключительно в личном плане отставку Жуковского и отъезд его за границу? Обычная точка зрения на Жуковского как на верноподданного поэта не дает ответа на эти вопросы».³⁵

Недавно впервые опубликованные документы проливают на это новый свет, а статьи и забытые публикации получают новые толкования. Так, письмо Жуковского к Николаю I от 30 марта 1830 г., о котором речь шла выше, раскрывает в значительной мере предысторию конфликта Жуковского с императором по поводу запрещения «Европейца». Любопытно между тем, что письмо напечатано было еще в 1896 г.,³⁶ но не обратило на себя внимания. Из этого письма явствует, что «тайная война» против Жуковского, которая велась осведомителями III отделения, прежде всего Булгариным, и их шефом, всесильным А. Х. Бенкендорфом, началась еще в 1828 г. С тех пор она не прекращалась, но усиливалась непрерывно, особенно в начале 30-х годов, когда одно за другим последовали запрещения «Литературной газеты», а затем и журнала И. В. Киреевского «Европеец». Эти события произвели сильнейшее впечатление на современников, прежде всего на русских литераторов, и среди них, конечно, на Жуковского. Дело шло не только о друзьях и даже родных (И. В. Киреевский приходился ему племянником), но, как это выяснилось впоследствии, и о самом Жуковском.

Письмо Жуковского к Николаю I от 30 марта 1830 г. свидетельствует, что еще в то время взаимоотношения между поэтом и III отделением доходили порой до крайней напряженности. Жуковский писал государю, что он пришел к заключению, что «тайный обвинитель» его есть Булгарин, и объясняет причины такого вывода, анализируя свое личное отношение к сочинителю «Ивана Выжигина» и издателю «Северной пчелы». Среди разных литературных случаев, о которых рассказывается в данном письме, есть и нижеследующий: «В Москве печатается альманах, в котором мой родственник Киреевский поместил обозрение русской литературы за прошлый год. В этом обозрении сделаны резкие замечания на роман Булгарина „Иван Выжигин“. В то время когда альманах печатался в Москве, Киреевский, проездом в чужие края, находился в Петербурге и жил у меня. Альманах вы-

³⁵ Гиллельсон М. И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца». — Русская литература, 1965, № 4, с. 119—120.

³⁶ Русский архив, 1896, кн. 1, с. 112—113.

шел уже после его отъезда. Но этого было довольно, чтобы заставить думать Булгарина, что статьи Киреевского были написаны по моему наущению. Это было бы ничего, но после я услышал, что Булгарин везде расславляет, будто бы Киреевский писал ко мне какое-то либеральное письмо, которое известно и правительству. Весьма сожалею, что я и это оставил без внимания и не предупредил для собственной безопасности генерала Бенкендорфа, ибо этим людям для удовлетворения их злобы никакие способы не страшны. Киреевский не писал ко мне никакого письма, за его правила я отвечаю; но клевета распущена; может быть, сочинено и письмо, и тайный вред мне сделан».³⁷

Два года спустя новый донос,³⁸ доставленный в III отделение, вызвал запрещение «Европейца». Этот донос был более страшен и еще ближе касался самого Жуковского. В доносе прямо называлось имя Жуковского, а о Киреевском, для которого, как указывалось, «просвещение есть синоним свободы, а деятельность разума означает революцию», говорилось как о человеке, который, «поддерживаемый кредитом своего дяди, имеет сильную партию между молодыми людьми». Жуковскому пришлось оправдываться, но, кажется, без особого успеха.

В оправдательном письме к Бенкендорфу Жуковский всячески стремился отвести от себя подозрения, будто бы он является чуть ли не вождем оппозиционеров среди русских литераторов. Публикуя полный текст этого письма, М. И. Гиллельсон писал по этому поводу: «Спрашивается, почему начиная с конца 20-х годов и на протяжении 30-х годов Жуковский должен был неоднократно оправдываться в том, что он не является главой литературной партии, враждебной правительству? Нельзя же объяснить это широко распространенное мнение о Жуковском исключительно поисками Булгарина? Конечно, нет спора о том, что доносы Булгарина подливали масла в огонь. Однако не они были первопричиной суждений об оппозиционных настроениях Жуковского. Если бы Булгарин посмел без всяких оснований оболгать воспитателя наследника, то и Бенкендорф не был бы в состоянии спасти своего осведомителя от гнева Николая I, а особенно императрицы».³⁹ На деле все обстояло гораздо сложнее: подозрения относительно Жуковского разделял и сам царь, о чем, как следует думать, начинали догадываться и Жуковский,

³⁷ Там же. Комментарии к этому письму см. в кн.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972, с. 121—122.

³⁸ Этот документ впервые опубликован был Л. Г. Фризманом, см.: Фризман Л. Г. К истории журнала «Европеец». — Русская литература, 1967. № 2, с. 118—119.

³⁹ Гиллельсон М. И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца», с. 112—124. Здесь опубликованы беловой вариант письма Жуковского к Бенкендорфу (краткая редакция увидела свет еще в конце XIX в., см.: Русский архив, 1896, кн. I, с. 109—119), письмо его к Николаю I, а также два письма И. В. Киреевского к Жуковскому.

и его близкие друзья. Обсуждая волновавший всех вопрос, кто послал в III отделение донос на Киреевского и по чьему наущению он написан, прозорливее всех оказался Пушкин, писавший И. В. Киреевскому 11 июля 1832 г.: «пишу Вам по оказии и буду говорить Вам откровенно. Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление; все были на Вашей стороне, то есть на стороне совершенной безвинности; донос, сколько я мог узнать, ударил не из Булгаринской навозной кучи, но из тучи. Жуковский заступился за Вас с своим горячим прямодушием; Вяземский писал к Бенкендорфу смелое, умное и убедительное письмо» (XV, 26). Комментаторы давно отметили, что, говоря о туче, Пушкин подразумевал хорошо известную народную поговорку:

Гром не из тучи,
А из навозной кучи,

и что поэт намекал собственно на самого «громовержца», т. е. на царя.

Для подозрений, конечно, повод давал и сам Жуковский, в чем убеждает нас и его «оправдательное» письмо к Бенкендорфу, в котором он незаметно переходит от самозащиты к обвинению всего правительственного аппарата; это «горячее прямодушие», по словам Пушкина, показало в истинном свете самого Жуковского. В указанном письме Жуковский не только разоблачал своих старых недоброжелателей, вроде Булгарина, но шел гораздо дальше, от самозащиты обращаясь к нападению, обвиняя не только доносителей, но и тех, кто самодовольно прислушивался к всеподданнейшим рапортам или прямо заказывал их для подтверждения собственных догадок. «Литература, — убежденно писал здесь Жуковский, — есть одна из главных необходимостей народа <...> есть одно из сильнейших средств в руках правительства действовать на умы и на образование. Правительство должно давать литературе жизнь и быть ей другом <...> а не притеснять подозрительностью враждебной». ⁴⁰ Известно, что Жуковский не только в письмах, но и на словах поручился за благонамеренность И. В. Киреевского как редактора «Европейца». В ответ на это Николай I с явной враждебностью спросил его: «А за тебя кто поручится?» ⁴¹ «Между Жуковским и государем, — по свидетельству современников, — произошла сцена, вследствие которой Жуковский заявил, что коль скоро и ему не верят, то он должен тоже удалиться; на две недели приостановил он занятия с наследником престола». ⁴²

Да и относительно плодотворности воспитания самого наследника Жуковского посещали разного рода сомнения: казалось, что

⁴⁰ Гиллельсон М. И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца», с. 119.

⁴¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 4. СПб., 1891, с. 10.

⁴² Русский архив, 1894, кн. 2, с. 337.

он не поддается моральному воздействию мягкосердечного поэта. 4 августа 1835 г. Жуковский отметил у наследника «лень ума и характера. Эта лень есть один из главных элементов деспотизма».⁴³ Задолго до этого времени, еще в 1827 г., в письме к императрице Жуковский откровенно делился с ней своими мыслями о том, каким должно бы быть воспитание наследника; поэт был озабочен тем, не слишком ли одностороннее, военное или, лучше сказать, «солдафонское», воспитание предназначается мальчику: «Должен ли он быть только военным, существовать только в ограниченном кругозоре генерала? Когда же будут у нас законодатели? Когда же мы будем смотреть с уважением на то, что составляет истинные нужды народа, — законы, просвещение, нравы?». Наследника, по его словам, приучают «видеть в народе только полк, а в своем отечестве — казарму». И как вывод из этого — следующие слова: «Мы видели плоды такого взгляда». Н. В. Измайлов, цитирующий это письмо в полном виде (а не в искаженном, как в первой его публикации), справедливо замечает по этому поводу: «В эпоху расцвета военных поселений и палочной муштры мысль Жуковского, обращенная с упреком к минувшему царствованию и с тревогой к наступавшему, была достаточно смелой и злободневной. Письмо его не возымело, конечно, никакого действия, но оно проливает некоторый свет на общественные взгляды автора».⁴⁴

Однако ни в чем, может быть, общественная позиция Жуковского не проявилась так ярко, как в заботах о Пушкине и мужественной защите его от царя, двора и жандармов. Так, Жуковский пытался уладить очередной конфликт Пушкина с Николаем I (летом 1834 г.) в связи с желанием поэта выйти в отставку и уехать из Петербурга в одну из своих деревень, стараясь предотвратить дуэль, а когда она все же произошла, не отходил от умирающего поэта, хлопотал о пенсии для вдовы и детей Пушкина после его кончины. 8 марта 1837 г. А. И. Тургенев записал в своем дневнике: «Жуковский читал нам свое письмо к Бенкендорфу о Пушкине и о поведении с ним государя и Бенкендорфа. Критическое расследование действия жандармства. И он закатил Бенкендорфу, что Пушкин погиб оттого, что его не пустили ни в чужие края, ни в деревню, где бы ни он, ни жена его не встретили Дантеса».⁴⁵ Это замечательное письмо, полное негодующей силы, сохранилось; здесь, в частности, говорится: «Пушкин хотел поехать в деревню на житье, чтобы заняться на покое литературой, ему было в том отказано, под тем видом, что он служил, а действительно потому, что не верили. Но в чем же

⁴³ Гиллельсон М. О друзьях Пушкина. — Звезда, 1975, № 2, с. 212.

⁴⁴ Измайлов Н. В. В. А. Жуковский. — В кн.: Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1956 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 22—23.

⁴⁵ Гиллельсон М. И. Пушкин в дневниках А. И. Тургенева, 1831—1834 гг. — Русская литература, 1964, № 1, с. 125—134.

была его служба? В том единственно, что он был причислен к иностранной коллегии. Какое могло б быть ему дело до иностранной коллегии? Его служба была его перо, его „Петр Великий“, его поэмы, его произведения, коими бы ознаменовалось бы нынешнее славное время. Для такой службы нужно свободное уединение. Какое спокойствие мог он иметь с своею пылкою, огорченной душой, с своими стесненными домашними обстоятельствами, посреди того света, где все тревожило его сущность, где было столько раздражительного для его самолюбия, где, наконец, тысяча презрительных сплетен, из сети которых не имел он возможности вырваться, погубили его...».⁴⁶

Нельзя не вспомнить, наконец, всех трагических обстоятельств, с которыми был связан жандармский «посмертный обыск» у Пушкина, ударивший по самолюбию Жуковского, взявшегося еще раз за письмо к Николаю I, с просьбой освободить его от вынужденного сотрудничества с жандармами, и все же доведшего дело до конца ради спасения рукописей покойного поэта, часть которых заранее предназначалась царем к сожжению.⁴⁷

Возвратимся же к записям семейных воспоминаний, начертанных Анатолием Львовичем Пушкиным на печатных страницах «Истории Пугачевского бунта» издания 1871 г. Мы должны прежде всего отметить, что многое в этих записях решительно подтверждает все приведенные выше данные об отношении Жуковского ко двору и к шефу жандармов. То, что об этом мог рассказать А. А. Пушкин своему двоюродному брату на основании личной беседы с Жуковским, относится к началу 50-х годов, т. е. к последним годам жизни Жуковского. Тем интереснее, что в этих свидетельствах, относящихся к середине 30-х годов, все передано верно и подтверждается другими документальными данными. Мы слышим как бы предсмертный голос Жуковского и его приговор событиям далекого прошлого.

В английских записях, находящихся на 174-й и последующих страницах, речь идет о прохождении через высочайшую цензуру рукописного труда Пушкина о Пугачеве. А. Л. Пушкин записал: «Шеф жандармов Бенкендорф настойчиво требовал уделять менее места сценам восставшей черни по заводам, а если и писать об этом, то обязательно употреблять больше оскорбительных эпитетов в адрес восставших, а также скрывать факты поддержки работными людьми восставших и особенно переход их на сторону восставших, на сторону Пугачева.

Василий Андреевич Жуковский в отличие от Бенкендорфа советовал Пушкину не увлекаться грозными оскорбительными эпитетами относительно восставших, так как они составляют основу

⁴⁶ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. Л., 1928, с. 247.

⁴⁷ Цявловский М. А. «Посмертный обыск» у Пушкина. — В кн.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 276—277.

России, трудом которых процветает и защищается национальная гордость и величие Российского государства».

На стр. 174—175 запись сообщает еще одну подробность (правда, хорошо известную из других источников — из цензурной истории пушкинского труда о Пугачеве) — о неудовольствии Николая I тем, что в книге Пушкина имена «бунтовщиков» Пугачева и Разина не только стоят рядом, но как бы взаимосвязаны. Приводим самую запись:

«Будучи больным, Жуковский в 1851 году лечился за границей и пригласил Александра Александровича Пушкина для беседы, как главного наследника поэта, который только что окончил Пажеский корпус. Казалось, он совершенно не был подготовлен к беседе. Однако современник поэта сумел тайной конфиденциальной беседой заинтересовать Александра Александровича и в первую очередь сообщил следующее о Степане Разине. Его императорское величество Николай I выразил неудовольствие тем, что в „Истории Пугачевского бунта“ фигурируют два народных злоумышленника — Пугачев и Разин. Пушкин же хотел сообщить читателю о казни другого донского (sic!) казака, показать инквизиционные методы расправы с ним российского двора. Пушкин умело обошел запрет императора и перенес упоминание о казни Разина из основного текста в примечание к книге. Василий Андреевич обратил внимание на способность Пушкина ловко обходить (преподносить) читателю запрещения венценосного цензора».⁴⁸

«После паузы Василий Андреевич заговорил о закате своей жизни и, пристально всматриваясь в Александра Александровича, сказал, что он имеет сообщить ему нечто более важное, но просит уверить его честным словом, что он никому не скажет об этом. Корнет Пушкин обещал выполнить просьбу, и Жуковский от-

⁴⁸ Этот эпизод в настоящее время хорошо известен в литературе о Пушкине, но в 1851 и 1871 гг. об этом, конечно, еще не знали. Страница 175-й печатного текста «Истории Пугачевского бунта» 1871 г. пустая; лишь наверху есть несколько строк (это примечания к главе 8), где сказано: «Подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачевым, почти в тех же местах и с такими же ужасными успехами. См.: Relation des particularités de la Rebellion de Stenko Razin» и т. д. На пустой части этой страницы находится цитированная нами запись воспоминаний. Замечания Николая I на рукописи «Истории Пугачева» впервые изучены и опубликованы были Т. Г. Зенгер (Цявловской) в статье «Николай I — редактор Пушкина» (Литературное наследство, т. 16—18, М., 1934, с. 524—529). Здесь идет речь о переносе имени Разина из основного текста книги в приложения к ней (с. 532). Подробно проанализирована тема о Разине в «Истории Пугачева» Л. П. Гроссманом, см.: Гроссман Л. П. Степан Разин в творчестве Пушкина. — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, М., 1953, т. 20, вып. 2, с. 79. См. также: Петрунина Н. Н. Вокруг «Истории Пугачева». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VI, Л., 1969, с. 234—238. Ср.: Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 134—135 и др.

крылся Александру Александровичу, сообщив, что он сам был царедворцем, но чувствовал свою поднадзорность у Бенкендорфа и боялся его. Сейчас, осознав все это, он открывает истину для потомства, заключающуюся в том, что в смерти Пушкина повинен не только шеф жандармов, но и распорядитель судеб России — государь. Поэт убит человеком без чести, дуэль произошла вопреки правилам — подло. . .

Усталый Василий Андреевич перекрестился и умолк в слезах. Вторая обещанная встреча Александра Александровича и Жуковского не состоялась».

Мы полагаем, что приведенные фрагменты записей А. Л. Пушкина представляют интерес и что было бы весьма желательно опубликовать их полностью (33 рукописных страницы), снабдив соответствующими пояснениями исторического и текстологического характера.

В. Э. ВАЦУРО

**«ВЕЛИКИЙ МЕЛАНХОЛИК»
В «ПУТЕШЕСТВИИ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ»**

1

В «Путешествии из Москвы в Петербург» есть загадочное место, привлекавшее внимание исследователей уже с конца 1880-х годов и породившее комментаторскую литературу. Речь идет о концовке главы «Москва»: «Кстати: я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обеими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости». Далее в белой рукописи следует название «Москва и Петербург», на котором глава обрывается (Акад., XI, 248). Никакого ее продолжения в бумагах Пушкина нет.

Н. С. Тихонравов впервые высказал предположение, что под своим «приятелем, великим меланхоликом» Пушкин понимал Гоголя, а под статьей «Москва и Петербург» — первую часть «Петербургских записок» Гоголя, содержащую как раз «сравнение между обеими столицами».¹ Эта гипотеза, высказывавшаяся с большей или меньшей осторожностью, держалась до 1913 г., когда ее оспорил В. В. Каллаш, указавший на хронологические затруднения (статья Гоголя датируется более поздним временем, чем пушкинское упоминание) и на некоторые другие противоречия, в том числе и на то, что Пушкин не мог включить в свою статью «*большого и очень существенного*» (курсив В. В. Каллаша) отрывка, принадлежащего Гоголю. Каллаш предложил иную кандидатуру, а именно П. А. Вяземского, автора довольно популярного в свое время бесцензурного стихотворения «Петербург и Москва».²

Возражения Каллаша, как и гипотеза о «великом меланхолике» Вяземском, не были приняты. В том же году Н. О. Лернер выступил со статьей «Великий меланхолик», где оспорил мнение Каллаша, отведя хронологические аргументы и сославшись на то

¹ Гоголь Н. В. Соч. Изд. 10-е. Т. V. М.—СПб., 1889, с. 655—656.

² Каллаш В. В. Заметки о Гоголе, II. Пушкин и Гоголь. — Голос минувшего, 1913, № 19, с. 235 и сл.

обстоятельство, что стихи Вяземского совершенно невозможны для публикации и, кроме того, по своему шутивно-сатирическому содержанию вряд ли соответствуют общей тональности пушкинской статьи. Лернер напомнил, что 10 марта 1836 г. Петербургский цензурный комитет рассматривал предназначенную для «Современника» статью «Москва и Петербург. (Из записок дорожного)» и разрешил к печати при условии изменения и исключения некоторых мест. Как предполагал Лернер, это и была статья Гоголя, упомянутая Пушкиным (к подлинному цензурному делу он не обращался). Наконец, он привел и цитату из письма Гоголя к Жуковскому от 29 декабря 1847 г. — с автохарактеристикой, довольно близкой к описанию «великого меланхолика» у Пушкина: «Еще бывши в школе, чувствовал я временами расположение к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками; но это были временные припадки, вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлениям».³ Статья Н. О. Лернера, перепечатанная затем в его книге «Рассказы о Пушкине»,⁴ прекратила на некоторое время дискуссию по этому поводу.

В 1930 г. ее возобновил В. В. Гишпиус в статье «Литературное общение Гоголя с Пушкиным». Он подробно проследил историю «гоголевской версии» и впервые произвел текстологический анализ статей Гоголя и Пушкина под интересовавшим его углом зрения. Он пришел к выводу, что «Путешествие из Москвы в Петербург» (в тогдашнем редакторском обозначении — «Мысли на дороге») относится к 1833—1835 гг.; начало же статьи Гоголя датируется 1836 г.; дело цензурного комитета не колеблет общего хронологического расчета, даже если и касается статьи Гоголя. К этим доказательствам Гишпиус присоединил и соображения более общего порядка, поставив вопрос о восприятии Пушкиным творчества Гоголя в первой половине 1830-х годов. «Пушкину слишком ясно было *первостепенное* значение „веселости“ в гоголевском творчестве 30-х гг., чтобы он мог ее счесть случайностью».⁵ Вопрос о кандидате на звание «великого меланхолика» В. В. Гишпиус оставлял открытым. Пушкин мог иметь в виду какое-то неизвестное нам произведение. «Он мог и никакого произведения не иметь в виду, мог брать на себя и роль „великого меланхолика“ и — тем самым — задачу написать „веселую“ параллель между обеими столицами. Если это так, то пробел в рукописи объясняется тем, что параллель не была написана».⁶

³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. XIV. [М.], Изд. АН СССР, 1952, с. 34. Далее ссылки на это издание даются в тексте: Гоголь, том (римская цифра), страница (арабская цифра).

⁴ Лернер Н. 1) Великий меланхолик. (Пушкин и гоголевская «стихия»). — Речь, 1913, № 302 (2614), 4 ноября, с. 4; 2) Рассказы о Пушкине. Л., 1929, с. 174—179.

⁵ Гишпиус В. В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. Пермь, 1930, с. 88 (отд. оттиск из «Ученых записок Пермского гос. ун-та», вып. 2).

⁶ Там же, с. 89.

Работа В. В. Гишпиуса чрезвычайно убедительно отводила «гоголевскую версию». Предложенная им датировка «Путешествия из Москвы в Петербург» 1833—1835 гг. была принята большим академическим и последующими изданиями сочинений Пушкина. Обращение к цензурному делу позволило уточнить дату написания первой части гоголевских «Петербургских записок 1836 года», первоначально представлявшей собою действительно особую статью «Москва и Петербург»; по-видимому, она была написана в феврале — начале марта 1836 г. Б. В. Томашевский, комментируя статью Гоголя в академическом издании, еще раз обратился к гипотезе о Гоголе как «великом меланхолике», чтобы решительно присоединиться к выводам В. В. Гишпиуса (Гоголь, VIII, 769).

Принятая большинством исследователей точка зрения В. В. Гишпиуса, однако, не утвердилась безусловно. Уже при публикации цензурного дела 1836 г. было высказано предположение, что статья Гоголя писалась еще в 1835 г.; оно было повторено затем и в комментарии к сочинениям Гоголя.⁷ В примечаниях к пушкинскому десяти tomu 1962 г. возвращение к гипотезе Н. С. Тихонравова было сформулировано наиболее категорически: гоголевская статья, утверждалось там, «была в распоряжении Пушкина и предназначалась в 1835 г. для включения в „Путешествие из Москвы в Петербург“».⁸

Следует заметить, что этот пересмотр датировок, предложенных В. В. Гишпиусом, вновь создает хронологические затруднения: черновой автограф статьи «Москва и Петербург» в гоголевской тетради находится между набросками статьи «О движении журнальной литературы...», которую, таким образом, также пришлось бы датировать 1835 г. и предположить, что она писалась не для «Современника», а для другого издания (например, для альманаха, который Пушкин собирался издавать вместе с Плетневым осенью 1835 г.); как известно, пушкинский журнал был разрешен только в январе 1836 г. В черновом тексте статьи о журнальной литературе есть упоминание о 1835 годе как о «прошлом» (на это обращал внимание и В. В. Гишпиус как на датирующий признак); придется допустить здесь предусмотрительность автора, знавшего, что издание появится в печати после нового года. Но даже и при этих явно искусственных допущениях нам недостает данных, чтобы утверждать заведомо, что гоголевская статья предшествовала тексту пушкинской главы «Москва». При всех обстоятельствах датировку В. В. Гишпиуса

⁷ Литературный Ленинград, 1934, 31 марта, № 15, с. 3; Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6-ти т., т. 6. М., 1959, с. 473—474 (комментарий А. Н. Дубовикова). В изданиях 1967 г. (Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7-ми т., т. 6. М., 1967, с. 553—554) и 1968 г. (Гоголь Н. В. Собр. соч. в 4-х т., т. 4. М., 1968, с. 461) комментаторы (А. Н. Степанов и Н. Л. Степанов) приняли точку зрения В. В. Гишпиуса—Б. В. Томашевского.

⁸ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти т., т. 6. М., Гослитиздат, 1962, с. 573.

следует предпочесть, как наиболее вероятную, а тем самым и вывод его, что пушкинским «великим меланхоликом» не мог быть Гоголь, остается непоколебленным.

Но кто же тогда это лицо? Как мы видели, уже В. В. Гиппиус отказался от поисков новых кандидатур. Между тем разгадка здесь немаловажна. С отказом от «гоголевской версии» в комментарии к статье Пушкина осталась незаполненная лакуна: неизвестной оказалась личность литератора, чье общение с Пушкиным, как можно предположить, в эти годы было необычайно близким, — до такой степени, что Пушкин готов с ним вступить в соавторство; наконец, осталась необъясненной текстуальная близость пушкинской статьи и более позднего гоголевского письма.

2

В. В. Гиппиус первым из исследователей проблемы поставил вопрос правильно: дело заключается не в том, кто реально подходит под характеристику Пушкина, а в том, кого Пушкин (хотя бы и ошибочно) мог считать меланхоликом с редкими приступами веселости. Поэтому письмо Гоголя Жуковскому не может в данном случае быть аргументом. В 1830-е годы Пушкин не замечал или не находил нужным подчеркивать «меланхолию» Гоголя: он говорил только о гоголевской «веселости». Любопытно, что Гоголь сам в общении с Пушкиным ставил акцент на этой стороне своего дарования. Уже во втором из известных нам писем Пушкину (от 21 августа 1831 г.) Гоголь рассказывает анекдот о наборщиках, смеявшихся при его появлении (этот рассказ Пушкин и процитировал в своем отзыве на «Вечера на хуторе...»); в октябре же 1835 г. он сообщает Пушкину, что сюжет «Мертвых душ», «кажется, будет сильно смешон», и просит новый сюжет — для комедии, которая должна быть «смешнее черта» (Гоголь, X, 203, 375). Уже из-за границы он пишет Жуковскому: «Для его (Пушкина, — В. В.) журнала я приготовлю кое-что, которое, как кажется мне, будет смешно» (письмо от 28/16 июня 1836 г. — Гоголь, XI, 50). Гоголь был убежден, что Пушкин, всегда смеявшийся при его чтениях, был вообще «охотник до смеха». Именно поэтому он был удивлен реакцией на «Мертвые души»: Пушкин «начал понемногу становиться все сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтенье кончилось, он произнес голосом тоски: „Боже, как грустна наша Россия!“». «Меня это изумило, — вспоминал Гоголь. — Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка!» (Гоголь, VIII, 294). Интерпретация «Мертвых душ» принадлежит уже позднему Гоголю; но самому свидетельству нет оснований не верить, тем более что оно косвенно подтверждается и другими материалами, в частности перепиской. Эти и другие примеры, приведенные у В. В. Гиппиуса, достаточно иллюстрируют

его мысль, что и по существу Пушкин не мог считать Гоголя «меланхоликом». Не подходит под эту формулу и Вяземский, хотя как раз в 1835 г. он переживал период депрессии после смерти дочери; Пушкин нигде в известных нам источниках не определяет таким образом его характер. Между тем в мемуарной литературе мы находим запись одного пушкинского разговора, где интересующая нас формула появляется. Она отнесена Пушкиным к самому себе.

Мемуарное свидетельство, о котором идет речь, никогда не привлекалось для комментирования «Путешествия из Москвы в Петербург», хотя оно давно и хорошо известно. Оно принадлежит Ксенофону Полевому, передавшему свой разговор с Пушкиным в 1828 г. В беседе Полевой коснулся общего тона сочинений Пушкина, заметив, что в них «встречается иногда такая искренняя веселость, какой нет ни в одном из наших поэтов». «Он отвечал, — продолжал Полевой, — что в основании характер его — грустный, меланхолический, и если он бывает иногда в веселом расположении, то редко и ненадолго».⁹

Пушкинские строки о «великом меланхолике» появились в печати в 1859 г., когда Кс. Полевой был еще жив и писал вторую часть своих записок; он мог обратить на них внимание еще и потому, что в первой публикации Е. И. Якушкина они соседствовали с прозрачно зашифрованными недоброжелательными строками о «Московском телеграфе».¹⁰ Но в тексте Полевого ничто не указывает на знакомство с публикацией Якушкина. Более того, слова Пушкина приводятся не в подтверждение, а вразрез с собственными представлениями мемуариста о характере поэта: и через тридцать лет Кс. Полевой высказывает свое несогласие с пушкинской автохарактеристикой. Она запомнилась ему как парадокс, против которого он тогда же возражал, и скрытая полемика как будто улавливается в его раннем мемуарном отрывке, включенном в статью «Александр Сергеевич Пушкин» (1837): «Отличительным характером его в обществе была задумчивость или какая-то тихая грусть, которую даже трудно выразить <...> Зато в искреннем, небольшом кругу, с людьми по сердцу, не было человека разговорчивее, любезнее, остроумнее. Тут любил он и пошутить, и пошохотать, глядел на жизнь только с веселой стороны, и с необыкновенною ловкостью мог открывать смешное».¹¹ Полевой не делает здесь никаких ссылок на собственное пушкинское высказывание, но он строит противоположную схему характера: не меланхолик с редкими минутами веселости, а веселый и жизнерадостный человек с приступами меланхолии. Истоки этого описания вскрываются поздними мемуарами: они ведут к разговору девятилетней давности.

⁹ Николай Полевой. Материалы к истории русской литературы и журналистики тридцатых годов XIX века. Л., 1934, с. 278.

¹⁰ Я[кушкин] Е. Проза А. С. Пушкина. — Библиографические записки, 1859, № 6, с. 165.

¹¹ Пушкин в воспоминаниях современников, т. II. М., 1974, с. 65.

К воспоминаниям Кс. Полевого мы можем присоединить свидетельства других мемуаристов. Почти в то же время, 21 марта 1827 г., П. Л. Яковлев пишет А. Е. Измайлову: «Пушкин скучает! Так он мне сам сказал <...> Впрочем, он все тот же, так же жив, скор и по-прежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению».¹² Н. М. Смирнов, знавший Пушкина с 1828 г., в своих «Памятных заметках» почти буквально повторял все эти независимые друг от друга свидетельства: «В большом кругу он был довольно молчалив, серьезен, и толстые губы давали ему вид человека надувшегося, сердитого <...> Но в кругу приятелей он был совершенно другой человек <...> он был удивительной живости, разговорчив <...> громко, увлекательно смеялся <...> Когда он был грустен, что часто случалось в последние годы его жизни, ему не сиделось на месте: он отрывисто ходил по комнате, опустил руки в карманы широких панталон, и протяжно напевал: „грустно! тоска!“». Но веселый анекдот, остроумное слово развеселяли его мгновенно...».¹³

Прервем здесь цитацию источников, которую можно легко продолжить. Приведенных выдержек достаточно, чтобы утверждать, что Полевой схватил объективно существовавшую и замеченную и другими современниками черту характера и внешнего поведения Пушкина. Еще более важно, однако, что все цитированные свидетельства содержат указания и на то, как сам Пушкин осознавал свое состояние. Он «скучает» (по его собственным словам) в 1827 г.; в последние годы жизни жалуется на «тоску». В 1835 г., приехав в Тригорское, он говорит Осиповым: «Господи! как у вас тут хорошо! А там-то, там-то, в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня!».¹⁴

П. Х. Граббе, Катенин, Смирнов, Керн, выдавшие Пушкина в 1820—1830-е годы, единодушно говорят о том, что склонность его к меланхолии увеличилась после женитьбы. Уже в 1833 г. он жаловался жене на «хандру» и «горе» (письмо от 21 октября 1833 г. — Акад., XV, 87). Обстоятельства, хорошо известные по его биографии: материальная неустроенность, осложнившиеся отношения со двором, цензурные притеснения, охлаждение читательской публики, делали устойчивым мрачное и раздраженное состояние, наложившее печать и на его переписку этих лет. В такой ситуации оценка собственного характера как «меланхолического» в самой своей основе становилась естественной, даже более естественной, чем в 1828 г. Повторяем: для наших целей не столь важно, ошибался ли Пушкин в своей автохарактеристике или нет, была ли она плодом длительных размышлений или результатом временного приступа хандры, — и в том и другом случае

¹² Сборник памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902, с. 249.

¹³ Пушкин в воспоминаниях современников, т. II, с. 243.

¹⁴ Там же, т. I, с. 424.

вероятность ее появления у Пушкина в 1830-е годы только увеличивалась.

В 1833—1835 гг. пишется «Путешествие из Москвы в Петербург», где она повторяется почти буквально, будучи отнесена к некоему «приятелю».

3

«Приятель» пушкинской статьи — конечно, литературная фикция.

Прозаики пушкинского круга охотно прибегали к «маскам» рассказчиков. Достаточно указать на Рудого Панька в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя, Иринея Модестовича Гомозейку у В. Ф. Одоевского или Порфирия Богдановича Байского в целом ряде повестей О. М. Сомова. Последний образ даже получил некое подобие реальной биографии и стал фигурировать в дружеской переписке. Так, в письме к М. А. Максимовичу от 29 октября 1829 г. Сомов сообщал, что его «земляк» Байский занят альманахом, «который, вероятно, издаст он на родине своей, в Волчанске». В другом письме, от 29 июня 1829 г., он приводит сведения о Байском: ему около восьмидесяти лет, он живет в Волчанске, дописывает «Гайдамака».¹⁵ Вымышленный образ повествователя колеблется от почти полного слияния с автором его Орестом Сомовым до почти полного обособления. К той же категории «масок» принадлежит и Белкин, которого Пушкин в письме к Плетневу около 11 июля 1831 г. шутливо называет своим «приятелем» (Акад., XIV, 189).

Значительно более редкой оказывается иная группа персонажей, где авторское «я» недвусмысленно просвечивает сквозь более или менее условно набросанные объективирующие черты. К ним принадлежит, например, Чарский из «Египетских ночей», наделенный особенностями характера и привычками самого Пушкина, так что Л. С. Пушкин и Шевырев были убеждены, что в Чарском поэт изобразил самого себя.¹⁶ Необычность этого автобиографизма заключается в его особой акцентированности: он, видимо, прямо был рассчитан на узнавание. У Пушкина это не единственный случай: в «Романе в письмах» действует он сам, появляясь на заднем плане повествования как писатель «Р» (латинское «Р» — инициал Пушкина), которому предлагается осуществить план переложения прозы XVIII в. на язык современной литературы; именно это, по нашему мнению, Пушкин и делает сам в «Повестях Белкина».¹⁷ Герой отрывка «Мы проводили вечер на даче» сообщает о своем знакомом «**», задумав-

¹⁵ Русский архив, 1908, кн. III, с. 257—259.

¹⁶ Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 65; т. II, с. 387.

¹⁷ См.: Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Под ред. В. С. Мейлаха. Л., 1973, с. 215.

шем поэму о Клеопатре, — речь идет о пушкинских «Египетских ночах» (Акад., VIII, 1, 421). Наконец, прямо автобиографическим образом оказывается «приятель» рассказчика (автора) в «Отрывке» («Несмотря на великие преимущества...», 1830).

«Отрывок» для нас наиболее интересен, так как прямо предвосхищает тот прием введения рассказа, который мы предполагаем в главе «Москва» «Путешествия из Москвы в Петербург». Кажется, ни у кого не вызывало сомнений, что лицо, названное здесь «приятелем» и «известным стихотворцем», приближено к Пушкину вплоть до отождествления. «Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), то он запирался в своей комнате и писал в постеле с утра до позднего вечера <...> Это <...> случилось единожды в год, всегда осенью <...> Приятель мой происходил от одного из древнейших наших родов, чем и тщеславился со всевозможным добродушием. Он столько же дорожил З<мя> строчками летописца, в коих упомянуто было о предке его, как модный камер-юнкер З<мя> звездами двоюродного своего дяди» (VIII, 1, 410). Все это узнаваемо совершенно безошибочно. От имени этого-то «приятеля»-литератора Пушкин и предполагал рассказать некую историю, «повесть», якобы затем «ненаписанную или потерянную», от которой осталось одно это «предисловие».

Данный замысел подводит нас вплотную к записи о «великом меланхолике», «приятеле» пишущего, намеревавшемся предоставить ему сочиненную им шутливую параллель между Петербургом и Москвою. В обоих случаях мы находим один и тот же композиционный ход, с психологической автохарактеристикой, перенесенной на воображаемого рассказчика.

Все эти сопоставления приводят нас к выводу, что Пушкин, как допускал В. В. Гиппиус, «взял на себя» роль веселящегося «меланхолика», предполагая под этой маской написать фрагмент, несколько отличавшийся по своей тональности от других частей его статьи. По каким-то причинам работа задержалась или была отложена; тем временем такой же замысел возник у Гоголя. Было ли это результатом общения с Пушкиным или более или менее случайного совпадения, сказать сейчас трудно. Тема «двух столиц» уже получала распространение; она возникала в письмах, разговорах, критических и публицистических сочинениях, в том числе и в находившейся в это время в руках Пушкина книге Вяземского о Фонвизине.¹⁸ Гоголь подхватывает популярную тему и разрабатывает ее в своей статье «Москва и Петербург». Пушкинский замысел терял теперь для автора прелесть новизны.

¹⁸ См.: Новонайденный автограф Пушкина. М.—Л., 1968, с. 24, 46, 67. Ср. также: Вацуро В. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. М.—Л., 1969, с. 160—168.

«Шутливая параллель» Гоголя, конечно, не могла совпадать с пушкинской по углу зрения, но некоторые точки соприкосновения она имела даже с написанной уже частью главы «Москва». Эти точки соприкосновения в значительной мере были подсказаны литературной традицией — от «Горя от ума» до устного анекдота. К числу общеупотребительных уподоблений относились афоризмы типа «Москва — девичья» (слова Вяземского, повторенные Пушкиным), «Петербург — аккуратный человек, совершенный немец» и «Москва — русский дворянин» (у Гоголя) и т. д. Однако Гоголь затронул и иные темы, специально интересовавшие Пушкина: например, промышленное развитие столиц, московская и петербургская журналистика. Если даже эти темы появились у Гоголя независимо от Пушкина, они включались в некий широкий круг литературных контактов обоих писателей. Еще в 1831 г., под свежим впечатлением от пушкинского памфлета «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», Гоголь пишет Пушкину письмо, где варьирует и доводит до комического алогизма уже намеченную Пушкиным ироническую параллель между Булгариным и А. А. Орловым. Этот проект «ученой критики», с попутным сопоставлением Булгарина и Байрона («Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона. В самих даже портретах их заметно необыкновенное сходство» — Акад., XIV, 212), встретил одобрение Пушкина, заметившего, однако, что Гоголь «слишком ленив», чтобы привести свой замысел к окончанию (Акад., XVI, 215).

Небезинтересно при этом, что Гоголь подхватывает пушкинский сатирический прием еще до того, как статья Пушкина вышла из печати: он знает ее в рукописи — несомненно, от самого автора. Уже здесь намечается, таким образом, потенциальное использование «пушкинского сюжета», пока что не приведшее ни к каким результатам; заметим, впрочем, что параллель между московскими и петербургскими журналистами была намечена уже в этой статье Пушкина. В 1833—1834 гг., когда общение Пушкина и Гоголя становится систематическим, «передачи сюжетов» учащаются. 7 апреля 1834 г. Пушкин записывает в «Дневнике»: «Гоголь по моему совету начал Историю русской критики» (Акад., XII, 324); по-видимому, несколько ранее он знакомит Гоголя с С. Д. Шаржинским, чтобы писатель воспользовался его артистическим устным описанием степи для «Тараса Бульбы». ¹⁹ По очень вероятному предположению М. А. Цявловского, зимой того же 1833/34 г. Пушкин и Гоголь беседовали о занимавшем весь Петербург «странном происшествии»: о «тан-

¹⁹ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 годах. [М.], 1925, с. 45, 117.

цующих стульях в Коюшенной улице); разговоры эти отразились в пушкинском дневнике и в повести «Нос».²⁰

В повести «Нос» есть еще одна сюжетная реминисценция, несомненно замеченная Пушкиным. Концовка повести — прозаическая парафраза последних строк «Домика в Коломне». Здесь заимствован прием: серия недоуменных вопросов, обращенных к автору якобы от имени возмущенного читателя, воспитанного на повестях с «моралью». «И для чего все это? К чему это? <...> Для какой цели? Что доказывает эта повесть?» (Гоголь, III, 400).²¹ Гоголь варьирует полемические выпады Пушкина против правоописательной литературы («Как, разве все тут? шутите!» — «Ей-богу» — «<...> Ужель иных предметов не нашли? Да нет ли хоть у вас правоученья?» — Акад., V, 93) совершенно так же, как делал это в письме 1831 г. со статьями о Булгарине и Орлове. Эта концовка появляется впервые в той редакции повести, которая предназначалась для «Современника».

«Нос» становится известен Пушкину не ранее марта 1836 г., почти одновременно со статьей «О движении журнальной литературы...». Самая статья Гоголя и вызванная ею полемика, в которой принял участие и Пушкин, неоднократно привлекали к себе внимание, и здесь не место их подробно рассматривать. Нам важно лишь отметить, что Гоголь включил в свой текст многочисленные парафразы из пушкинских полемических статей, причем эти скрытые цитаты во многих случаях носили характер принципиальный. Так, говоря о «Московском наблюдателе», Гоголь почти дословно повторял декларативную статью Пушкина «О журнальной критике» («В одном из наших журналов...»), напечатанную в 1830 г. в «Литературной газете» и вызвавшую затем бурные споры. «Новый журнал, — писал Гоголь, — нужен был не для публики, т. е. для большого числа читателей, но собственно для литераторов, различно притесняемых Библиотекою (т. е. «Библиотекой для чтения», — В. В.)» (Гоголь, VIII, 166). «„Литературная газета“, — писал Пушкин в 1830 г., — была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов» (Акад., XI, 89). Гоголь настаивал на уважении к культурной традиции, высказывая излюбленную пушкинскую мысль пушкинскими же словами: «история прошедшего для нас не существует» (Гоголь, VIII, 174). «Прошедшее для нас не существует», — заявлял в свое время Пушкин в неопубликованном «Романе в письмах» (Акад., VIII, 153) и варьировал эту мысль в неопубликованных же «Опровержениях на критики» (Акад., XI, 162) и набросках повестей на-

²⁰ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 257—258.

²¹ См.: Благой Д. Литература и действительность. М., 1959, с. 417—418.

чала 1830-х годов: «Мы так положительны, что стоим на коленях пред настоящим случаем, успехом и... но очарование древности», благодарность к прошедшему и уважение к нравственным достоинствам для нас не существует» (Акад., VIII, 142). Гоголь упрекал современную критику, забывающую имена «Державина, Ломоносова, Фонвизина, Богдановича, Батюшкова», «гласно требовавших своего определения и настоящей верной оценки», между тем как о них «ничего не сказали или <...> отделались пошлыми фразами» (Гоголь, VIII, 174, 172). Здесь он снова следовал за пушкинской статьей «О журнальной критике»: «Не говоря уже о живых писателях, Ломоносов, Державин, Фонвизин ожидают еще египетского суда. Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих» (Акад., XI, 89). Молодой критик сожалел, что не высказывают публично своих литературных мнений «ни Жуковский, ни Крылов, ни князь Вяземский» (Гоголь, VIII, 175), которые, быть может, считали для себя зазорным «спуститься на журнальную сферу, где обыкновенно бойцы всякого рода заводят свой шумный бой», — и на этот раз пересказывал довольно близко ненапечатанный пушкинский «Разговор о критике» того же 1830 г., где есть и упоминание о журнальных кулачных боях, и желание слышать «мнения Гнедича о романризме или Крылова» об нынешней элегической поэзии» (Акад., XI, 90).

Все эти совпадения, отнюдь не случайные, повторяем, требуют специального исследования; сейчас же они важны нам как свидетельство широты и тесноты творческих контактов. Гоголь брал от Пушкина многое, и, быть может, больше, чем принято считать. С другой стороны, мы вправе предполагать, что, советуя Гоголю приняться за историю русской критики, Пушкин вместе с тем сообщил ему многие из своих размышлений на этот счет и, вероятно, указал на свои прежние печатные выступления.

Осенью 1835 г. происходит известная «передача сюжетов» «Мертвых душ» и «Ревизора». Последний случай был несколько особый. Комедию (или повесть?) о «Криспине»-Свиньине Пушкин намеревался писать сам и даже в 1833—1834 гг. набросал ее план; все остальные случаи ориентации Гоголя на пушкинский текст или рассказ не затрагивали творческих замыслов поэта. Исключением была и статья «Москва и Петербург»; появление ее, как мы предполагаем, заставило Пушкина отказаться от первоначально намеченного пародийного сравнения столиц, написанного якобы «приятелем» его, «великим меланхоликом».

В этой общей связи, как кажется, становится понятным свидетельство П. В. Анненкова: «В кругу своих домашних Пушкин говорил, смеясь: „С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя“». ²² Анненков относил

²² Анненков П. В. Литературные воспоминания. [М.], 1960, с. 71.

эти слова (переданные ему скорее всего Н. Н. Пушкиной) к «Ревизору» или «Мертвым душам», и исследователи (в том числе и В. В. Гиппиус, которому принадлежит наиболее подробный и точный анализ этой цитаты²³) доверились ему слишком буквально. Между тем «добродушная ирония» Пушкина могла иметь в виду все случаи «обирания»: от разработки прямо предложенных Пушкиным тем и варьирования уже известных в печати пушкинских текстов до использования устных рассказов, которые Пушкин приберегал для себя. Заметим, впрочем, что этическая сторона дела здесь гораздо более сложна, чем кажется на первый взгляд, и столь же сложна сторона психологическая. Легкая досада Пушкина, звучащая в словах, переданных Анненковым, конечно, совершенно понятна; однако В. В. Гиппиус был прав, отмечая, что серьезных претензий к Гоголю у Пушкина не было, да, вероятно, и быть не могло. Поэт иногда общался со своих замыслах, однако подробно рассказывал о них лишь тогда, когда они переставали его интересовать. Так было и с «Влюбленным бесом» — сюжетом, переданным В. П. Титову,²⁴ и, по-видимому, с поэмой об Агасфере.²⁵ Не случайно ни одна из известных нам пушкинских устных новелл не была реализована в его собственном творчестве. Между тем о похождениях Свинына («Криспина») в Бессарабии Пушкин начал рассказывать широко и задолго до знакомства с Гоголем; уже упомянутый нами Кс. Полевой был свидетелем одного из таких рассказов Пушкина в присутствии самого Свинына; вообще сюжет о мнимом ревизоре не без основания признан «бродячим».²⁶ Все это заставляет предполагать, что Пушкин не слишком дорожил замыслом о «Криспине»; что же касается «Москвы и Петербурга», то это была статья, прямо предназначавшаяся для пушкинского «Современника». Творческая история ее нам не до конца известна; несомненно, однако, что она была в руках Пушкина, который, может быть, и посоветовал Гоголю объединить ее с другой статьей — о «петербургской сцене», в результате чего и возникли «Петербургские записки», вышедшие из печати уже после смерти Пушкина.²⁷

²³ Гиппиус В. В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным, с. 97 и сл.

²⁴ См. наблюдения Т. Г. Цявловской и С. М. Бонди в статье: Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес». (Неосуществленный замысел Пушкина). — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.—Л., 1960, с. 129.

²⁵ Литературное наследство, т. 58, М., 1952, с. 264—266.

²⁶ Свод литературы по этому вопросу см.: Гоголь, IV, 525 (комментарий В. В. Гиппиуса и В. Л. Комаровича); новейшая литература учтена в кн.: Войтоловская Э. Л. Комедия Гоголя «Ревизор». Комментарий. Л., 1971, с. 14 и сл. Воспоминания Кс. Полевого см. в кн.: Николай Полевой. Материалы к истории русской литературы..., с. 279. Ср. также: Машинский С. И. Художественный мир Гоголя. М., 1971, с. 246.

²⁷ См.: Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М. Пушкин и Гоголь в 1831—1836 годах. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. М.—Л., 1969, с. 216—217.

В это самое время, в 1836 г., когда литературные контакты Пушкина и Гоголя становятся особенно тесными, в разговорах Пушкина вдруг вновь всплывает проблема «великого меланхолика». О ней упоминает барон Е. Ф. Розен в мемуарно-критической статье «Ссылка на мертвых» (1847), где речь идет как раз об отношениях обоих писателей. Розен решительно не понимал, каким образом тонкий эстетический вкус Пушкина мог принять «непостижимую» и «отвратительную» «бессмыслицу» гоголевского «Носа». По размышлении Розен пришел к выводу, который он и изложил Пушкину. В этом рассуждении, где парадоксально сочетались догматическая узость и тонкая пронизательность, содержались такие моменты, которые должны были Пушкина заинтересовать: они соответствовали его восприятию собственной личности. «Он был характера весьма серьезного и склонен, как Байрон, к мрачной душевной грусти, — писал Розен, вспоминая свое «объяснение», данное Пушкину. — Чтобы умерять, уравновесить эту грусть, он чувствовал потребность смеха; ему ненадобно было причины, нужна была только придирка к смеху! В ярком смехе его почти всегда мне слышалось нечто насильственное, и будто бы ему самому при этом невесело на душе. Неожиданное, небывалое, фантастически-уродливое, физически-отвратительное, не в натуре, а в рассказе, всего скорее возбудило в нем этот смех». Этой-то «патологической чертой» пытался объяснить Розен любовь Пушкина к «фарсам» Гоголя: «...он всегда желал иметь около себя человека милого, умного, с решительною склонностью к фантастическому: „Скажешь ему: пожалуйста, соври что-нибудь! И он тот час соврет, чего никак не придумаешь, не вообразишь!“».

Розен не сообщил, как реагировал Пушкин на такое психологическое объяснение, но дал понять, что поэт его не отверг. «Я вполне убежден, я знаю наверное, что Пушкин на счет „Ревизора“ и того отвратительного „Носа“ и тому подобных произведений Гоголя мистифицировал публику и своих друзей, да и самого себя желал бы обмануть, если б это было возможно при чистоте его вкуса, при неподкупности его критического чувства, — и вот почему я должен полагать, что Пушкин этот откровенный о Гоголе разговор со мною оставил в секрете».²⁸

Факт беседы с Пушкиным Розеном, конечно, не вымышлен. Добросовестность Розена как мемуариста подтверждается везде, где она доступна проверке, но его оценки и суждения почти всегда неточны или неверны: ни по своей биографии, ни по эстетическим воззрениям Розен не был человеком пушкинского круга. Как это нередко с ним случалось, он попал в резонанс собственных размышлений Пушкина, уже написавшего строки о «великом

²⁸ Пушкин в воспоминаниях современников, т. II, с. 286—287.

меланхолике» с «редкими минутами веселости». Пушкинскую заинтересованность его рассуждением он принял за безусловное согласие.

Когда происходил этот разговор? По воспоминаниям Розена, вскоре после выхода из печати третьего тома «Современника», где был помещен «Нос» с пушкинским примечанием, — иными словами, после 30 сентября 1836 г., когда Гоголя уже давно не было в Петербурге. Вместе с тем, присматриваясь внимательно к мемуарам Розена, нельзя не заметить, что автор их не столько стремится к хронологически-последовательному изложению своих встреч и бесед, сколько передает их общий смысл и направление. «Ссылка на мертвых» — не воспоминания в точном смысле слова, а полемическая статья, где личные впечатления служат материалом и аргументом. Живые сценки бытового или литературного общения возникают «к слову»; они стягиваются к узловым, проблемным местам статьи, хотя бы реально были отделены друг от друга каким-то временным промежутком. «Патологическую черту» в характере Пушкина — сочетание «меланхолии» и «веселости» — Розен заметил, конечно, задолго до разговора осенью 1836 г.; размышлять же о ней начал в связи с «Ревизором», после первых чтений комедии, происходивших в середине января.²⁹

Его характерологическая схема в основе своей сложилась уже тогда по наблюдениям над другими слушателями гоголевской комедии, в том числе, по-видимому, над Вяземским и Жуковским: «почтенные люди», по его словам, «всегда занятые серьезным делом службы и своих высших интересов», «не требуют истинно комической причины для смеха; была бы только некоторая к нему придирка».³⁰ Он разговаривает о «Ревизоре» с Жуковским и Пушкиным и, вероятно, касается этой темы. К сожалению, содержание этих бесед нам неизвестно; но мы вправе предположить, что сходство его описания пушкинского характера с пушкинским самовосприятием возникло не само по себе, а отчасти и из этого общения, и что пушкинская автохарактеристика — «великий меланхолик» с «редкими минутами веселости» — не осталась достоянием только его черновиков, а так или иначе проникла в беседы узкого кружка пушкинских ближайших сотрудников. Тогда она могла стать известной и Гоголю, еще до отъезда его из Петербурга 6 июня 1836 г.

²⁹ См.: Остафьевский архив, т. III. СПб., 1899, с. 285 (письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 19 января 1836 г.). Розен сообщал, что слышал «Ревизора» у Жуковского «по крайней мере еще раз десять», что, конечно, преувеличение. «Ревизор» вышел отдельной книжкой в апреле; 19 апреля — день премьеры комедии в Александринском театре. После этого чтения комедии на «субботах» должны были прекратиться или почти прекратиться. В промежутке между январем и апрелем Гоголь, конечно, не читал комедию каждую субботу; да и не на всех субботах Розен присутствовал. Во всяком случае, он не упоминает о чтении «Носа» 4 апреля 1836 г. (Остафьевский архив, т. III, с. 314).

³⁰ Пушкин в воспоминаниях современников, т. II, с. 284.

Гоголь уезжал из Петербурга, потрясенный враждебным приемом «Ревизора» в реакционных театральном-общественных кругах. Полемика о новой комедии захватила журналы обеих столиц, обнажила социальные и эстетические противоречия и положила начало последующим спорам о существовании гоголевского таланта. Нам нет необходимости подробно пересказывать ее многократно прослеженную историю: нас интересует в ней лишь один аспект.

Московские сторонники Гоголя в письмах и печатных отзывах подчеркивали серьезную и даже трагическую сторону гоголевского смеха. Критик «Молвы», скрывшийся за псевдонимом «А. Б. В.» (возможно, Н. И. Надеждин), утверждал, что «Ревизор» смешон, «так сказать, снаружи, но внутри это горе-гореваньице, лыком подпоясано, мочалами испутано».³¹ Это восприятие было очень близко к тому, которое утвердилось в семействе Аксаковых. К. С. Аксаков, ссылаясь на свое личное знакомство с Гоголем, писал М. Г. Карташевской, что смех Гоголя сочетается с грустью и «на сердце у него тяжело».³² «Те тушы, которые только видят в его сочинениях смешное», — продолжал он эту мысль тремя годами позднее.³³ То же пишет и С. Т. Аксаков, прослушав в 1840 г. главу из «Мертвых душ»: «нисколько не смешно, а грустно».³⁴ Все это идет не столько от личного общения, сколько от эстетической концепции, и полемика направлена прежде всего против консервативной журналистики — Булгарина, Сенковского, Полевого. Однако С. Т. Аксаков упрекал в недооценке гоголевского таланта и Жуковского, и даже Пушкина: они «восхищались его юмором, комизмом — и только».³⁵

У Аксакова были известные основания для такого суждения. Пушкинский круг, как и сам Пушкин, выдвигал на передний план именно гоголевский смех, видя в нем эстетическую и общественную самооценку. Вяземский писал А. И. Тургеневу, впервые прослушав «Ревизора»: «У нас он (Гоголь, — В. В.) тем замечательнее, что, за исключением Фонвизина, никто из наших авторов не имел истинной веселости. Он от избытка веселости часто завирается, и вот чем веселость его прилипчива».³⁶ Розен довольно

³¹ Молва, 1836, № 9. Ср.: Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972, с. 474. Авторство Надеждина для этой статьи обосновано С. М. Осовцовым (Осовцов С. М. «А. Б. В.» и другие. — Русская литература, 1962, № 3, с. 75—101). Более осторожный подход к этой атрибуции см., например: Очерки истории русской театральной критики. Конец XVIII—первая половина XIX века. Л., 1975, с. 200—201 (статья Г. А. Лапкиной).

³² Литературное наследство, т. 58, М., 1952, с. 550 (письмо от 9 мая 1836 г.).

³³ Там же, с. 570.

³⁴ Там же, с. 588.

³⁵ Аксаков С. Т. Собр. соч. в 4-х т., т. 3. М., 1956, с. 177.

³⁶ Остафьевский архив, т. III, с. 285.

хорошо уловил то отношение, которое встретил «Ревизор» в пушкинском кругу. В рецензии Вяземского в «Современнике» учительное начало «Ревизора» было приглушено; критик защищал Гоголя как комика, утверждая серьезное значение самого комического жанра, лишенного дидактических начал.

Есть основания думать, что и сам Гоголь в эти годы был близок к такому пониманию своего творчества. Об этом говорит хотя бы полемическая концовка «Носа», написанная специально для пушкинского «Современника»; в самом замысле и построении «Ревизора» сказывается близкое эстетическое задание.³⁷ 12 ноября 1836 г., жалуясь Жуковскому на овладевшую им «ипохондрию», он замечает: «Меня не веселили мои „Мертвые души“, я даже не имел в запасе столько веселости, чтобы продолжить их» (Гоголь, XI, 74). Обратим внимание на эту попутно брошенную фразу: «Мертвые души» пишутся в веселом расположении духа. Еще через три года он жалуется Шевыреву на невозможность работать в уединении. «Все свои ныне печатные грехи я писал в Петербурге, именно тогда, когда я был занят должностью, когда мне было некогда, среди этой живости и перемены занятий, и чем я веселее провел канун, тем вдохновенней возвращался домой, тем свежее у меня было утро» (письмо от 10 сентября 1839 г. — Гоголь, XI, 248). Пройдет всего несколько лет, и Гоголь будет раскрывать психологию своего раннего творчества совершенно иначе, а иногда и прямо противоположным образом.

Весной 1841 г. Гоголя встретил в Риме П. В. Анненков. Описание этой встречи (после полугодового перерыва) он включил в свои известные воспоминания. «Это был тот же самый, чудный, веселый, добродушный Гоголь, которого мы знали в Петербурге до 1836 года, до первого отъезда за границу <...> Правда, некоторые черты, как увидим, уже показывали начало нового и последнего его развития, но они еще мелькали на поверхности его характера, не сообщая ему одной, господствующей краски. 1841 год был последним годом его свежей, мощной, многосторонней молодости...».³⁸

Наблюдения Анненкова важны для нас по многим причинам, и прежде всего по своему восприятию гоголевской личности. Оно сходно с тем, какое установилось в пушкинском кругу. Подобно Вяземскому и Пушкину, Анненков не видел в «меланхолии» или «грести» органической черты характера писателя; более того, он решительно разделял «раннего» и «позднего» Гоголя. В декабре 1838 г. в Рим приезжал Жуковский, сопровождавший наследника. Встреча его с Гоголем была «трогательна». Искренняя радость звучит в январских письмах Гоголя к А. С. Данилевскому и В. Н. Репниной. «Первое имя, произнесенное нами, было — Пуш-

³⁷ См.: Гиппиус В. В. Проблематика и композиция «Ревизора». — В кн.: Гоголь. Материалы и исследования, 2. М.—Л., 1936, с. 183 и сл.

³⁸ Анненков П. В. Литературные воспоминания, с. 63—64.

кин» (Гоголь, XI, 192, 195). Они проводят время в беседах и длительных прогулках по Риму — до первой декады февраля 1839 г., когда наследник со свитой двинулся далее. В этот месяц у Гоголя была еще одна встреча с прежним петербургским знакомым его и Пушкина — с уже упомянутым нами Розеном, который также находился в свите наследника. Розен описал эту встречу как время «сердечной приветливости» к нему Гоголя, и, можно думать, описал довольно точно. «Он встретил меня с отменным радушием; тотчас ввел между нами дружеское ты (чего дотоле не было); осведомлялся с большим участием о том, что я написал в его отсутствие, и так далее; еще более оживлялся моими уклонениями от этой материи, точно будто бы получил в наследство от Пушкина особенное благоволение ко мне как литератору — одним словом, был чрезвычайно мил и любезен».³⁹ Последнее замечание любопытно; быть может, оно — отзвук каких-то разговоров о Пушкине. Розен не передает их содержания, но намекает, что в сознании Гоголя уже укрепилась идея избранничества. В этой или иной связи, но о Пушкине между ними должна была зайти речь; Розен часто общался с Пушкиным после отъезда Гоголя, был на похоронах и читал в Петербурге свои стихи, посвященные памяти поэта. После Жуковского это был, вероятно, второй человек, который мог сообщить Гоголю о подробностях разыгравшейся трагедии. Он был резко настроен против антипушкинской партии, в том числе и придворной.⁴⁰

Как и Анненков, Розен отмечал у Гоголя состояние подъема душевных сил. Он не замечал в нем перемены, и, вероятно, Анненков имел основания относить лишь к 1842 г. явственно обозначившийся перелом гоголевского мироощущения. Именно с этого года, года выхода «Мертвых душ», стало возможным осмыслять Гоголя как «великого меланхолика».

Знаменитая формула «видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы» (Гоголь, VI, 255), возникающая как полемически заостренный эстетический лозунг, давала первые стимулы к такому осмыслению. Она принимала явственную характерологическую окраску и из области эстетики переносилась в психологию. Ту же судьбу имела и другая близкая к ней формула: «кто льет часто душевные, глубокие слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете» (Гоголь, V, 171). Это — концовка «Театрального разезда...», причем не первой, а второй его редакции, появившейся в 1842 г. Сочувственная Гоголю критика начинала теперь отправляться от этих формул. Так сделал Белинский, пронизировавший в 1842 г. над «умными людьми», видевшими в Гоголе «большого остряка и шутника» и «веселого человека». Но Белинский сумел удержаться на уровне общественно-эстетических проблем; ему важно было подчеркнуть и выделить социально-зна-

³⁹ Сын отечества, 1847, № 6, отд. III, с. 30.

⁴⁰ См.: Л е р н е р Н. Рассказы о Пушкине. Л., 1929, с. 199—203.

чимое начало в гоголевской сатире. Он делал оговорки, что пишет о «Мертвых душах», а не персонально о Николае Васильевиче Гоголе. «Не считая себя вправе говорить печатно о личности живого писателя, мы скажем только, что не в шутку назвал Гоголь свой роман „поэмою“ и что не комическую поэму разумеет он под нею. Это нам сказал не автор, а его книга».⁴¹

Белинский утверждал «трагическое значение комического произведения г. Гоголя».⁴² С диаметрально противоположных позиций, но к той же мысли подошел Шевырев: «... тот недалеко слышит и видит, кто в ярком смехе Гоголя не замечает глубоко затаенной грусти <...> Смех принадлежит в Гоголе художнику <...> но грусть принадлежит в нем человеку».⁴³

Концепция творчества и концепция личности идут рядом, то обособляясь, то сливаясь воедино. Это происходит как раз тогда, когда симптомы творческой и духовной трагедии Гоголя определяются явственно и в нем усиливается склонность к ретроспективной переоценке своего жизненного и писательского пути; когда пишется «Развязка Ревизора» (1846) и идет работа над вторым томом «Мертвых душ»; когда кризисные настроения окрашивают письма писателя и в его творческом сознании уже зреют «Выбранные места из переписки с друзьями». Идея великой миссии овладевает им полностью; с ней приходит идея самоотречения, резиньяции и волевого переустройства своего духовного существа. Наставляя А. С. Данилевского, Гоголь пишет ему 13 апреля 1844 г. очень симптоматичное письмо, где автобиографическое признание возникает как пример насильственного самовоспитания: «Даже истинной веселости духа не приобретешь до тех пор, пока не заставишь себя быть веселым. Веселость я почувствовал только тогда, когда печали и томительные душевные расположения заставили меня устремиться к этой веселости» (Гоголь, XII, 290). Эту мысль он варьирует тогда же в письмах к матери и сестрам (там же, с. 312, 321, 325).

В письме к Данилевскому содержится зерно нового самовосприятия. Оно не распространено еще на характер в целом, но потенции такого распространения есть. Гоголь осуществит его тогда, когда для него станет особенно важной идея органического и закономерного развития собственной личности. Гоголь начинает говорить об этом уже в 1844 г., отвечая С. Т. Аксакову, которого тревожили «мистические» нотки его писем (Гоголь, XII, 301); но лишь с выходом «Выбранных мест» и началом печатной и эпистолярной полемики идея эта делается лейтмотивом его переписки. «Вы в заблуждении, подозревая во мне какое-то новое направление. От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду» (письмо к С. Т. Аксакову от 20 января (н. ст.)

⁴¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1955, с. 220.

⁴² Там же, т. VII, с. 90.

⁴³ Москвитянин, 1842, № 8, с. 348.

1847 г.); «Не думай, что я избрал другую дорогу писаний. Дело у меня то же, какое и было всегда и о котором замыслил еще в юности...» (А. С. и У. Г. Данилевским от 18 марта (н. ст.) 1847 г.); «...я отнюдь не переменял направления моего. Труд у меня все один и тот же, все те же „Мертвые души“» (В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г.) (Гоголь, XIII, 186, 261, 264; ср. также с. 292, 306, 374). Во всех приведенных отрывках речь идет столько же о писателе, сколько о личности в широком смысле слова; это ощущается даже сильнее, чем в 1842—1843 гг. Теперь уже и Вяземский, когда-то настаивавший на самоценности гоголевского комизма, переставляет акценты: «веселость» автора «Выбранных мест», пишет он, никогда не была «беспечной», и «часто в насмешливости его отзывается горечь и глубокая скорбь».⁴⁴ Именно об этом Гоголь собирался писать в «Авторской исповеди»: «...развивал ли я точно самого себя из данных мне материалов или хитрил и хотел переломить свое направление...» (Гоголь, XIII, 320 — письмо к П. А. Плетневу от 10 июня (н. ст.) 1847 г.; см. также с. 334). Теперь концептуальное самоосмысление становилось неизбежным — оно влекло за собою преднамеренное или непреднамеренное ретроспективное построение своей личности в ранние годы. Теперь Гоголь должен отрицать или во всяком случае ограничивать «веселость» своего характера и своих ранних произведений.

Здесь перед ним снова возникает фигура Пушкина.

7

Еще до выхода из печати «Выбранных мест» Гоголь предупредил Плетнева, что он намерен читать «почти все», что будет выходить по поводу его книги (Гоголь, XIII, 160). Это «почти все» в дальнейшем превращается во все без исключений: «жду с нетерпением всех печатных критик» (там же, с. 293). Он обращается с этой просьбой к Плетневу, Шевыреву, А. Россету; он хочет знать, что напечатано «во второстепенных журналах, как-то: „Иллюстрации“, „Литературных прибавлениях“ и не было ли чего в „Инвалиде“» (там же, с. 314). Просьбу эту он повторяет едва ли не в каждом письме на протяжении 1847 г. Критические отзывы он изучает внимательно; многие из них отразились затем в «Авторской исповеди».⁴⁵

Первое упоминание об этой «книжечке» с «повестью» его «писательства» находится в письме к Плетневу от 10 июня (н. ст.) 1847 г. (Гоголь, XIII, 320); последнее — в письме к Шевыреву от 28 августа (н. ст.), где Гоголь сообщал, что пока решился «дело

⁴⁴ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1879, с. 315.

⁴⁵ Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя, т. IV. М., 1897, с. 676—679.

это оставить» (там же, с. 372). Время окончания работы над «Авторской исповедью» неопределенно; считается, что она окончена в том же 1847 г. Для нас, однако, существенно одно обстоятельство — в ней перефразирован фрагмент из письма Шевыреву от 2 декабря (н. ст.) 1847 г.: «Если и эта книга («Выбранные места», — В. В.), которая не более как рассуждение, говорят, неопределительностью своею производит заблуждения, распространяет даже ложные мысли <...> что же было, если бы я выступил с живыми образами повествовательного сочинения наместо этих писем? Я сам слышу, что тут гораздо сильней, чем в рассуждениях. Теперь еще может меня оспаривать критика, а тогда вряд ли был в силах меня кто опровергнуть» (Гоголь, VIII, 457—458). В письме последняя фраза конкретизирована: «Там можно было разбить меня в пух и Павлову, и барону Розену, а здесь вряд ли и Павловым и всяким прочим литературным рыцарям и наездникам будет под силу со мной потягаться» (Гоголь, XIII, 398). По контексту письма очевидно, что оно написано ранее: этим фрагментом Гоголь отвечал на требование Шевырева ускорить работу над вторым томом «Мертвых душ».

Итак, к моменту написания «Авторской исповеди» в руках Гоголя был уже июньский номер «Сына отечества», где появилась статья Розена «Ссылка на мертвых», посвященная литературным взаимоотношениям Гоголя и Пушкина.

Гоголь считал, что полемическая статья Розена «разбила его в пух», хотя сказал это не без некоторой иронии. В статье Розена наряду с мелочными привязками, самовозвеличением и не идущими к делу отступлениями действительно содержались моменты, которые могли привлечь внимание Гоголя. Отправляясь от самого Гоголя, Розен считал его книгу плодом «переходного состояния» писателя, выделял в ней письма от церкви и — в отличие от некоторых других полемистов — не набрасывал тени на личный характер Гоголя. Некоторые фразеологические соприкосновения статьи с «Авторской исповедью», быть может, не случайны.⁴⁶ Как бы то ни было, статья Розена в той или иной мере была Гоголем учтена.

Это существенно, потому что именно в статье Розена, как мы имели случай заметить, есть характерологическое сравнение Гоголя и Пушкина. Пушкин — человек, склонный к «мрачной

⁴⁶ Не исключена возможность, что (наряду с некоторыми другими отзывами см.: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя, т. IV, с. 676) Гоголь имел в виду и статью Розена, когда резюмировал мнения своих полемистов: «Книга эта есть творение доброго, но впавшего в прелесть и обольщение человека, у которого закружилась голова от похвал, от самоуслаждения своими достоинствами» (Гоголь, VIII, 433). Розен писал так: «... человек добрый, любезный, талантливый, во всех отношениях достойный внимания и любви, но в котором по необыкновенному сцеплению внешних обстоятельств засела постоянная идея о собственной невообразимой гениальности» (Сын отечества, 1847, № 6, отд. III, с. 35).

душевной грусти», Гоголь — милый, умный весельчак, безудержной фантазией развлекающий своего литературного патрона.

Согласиться с таким объяснением для Гоголя 1847 г. было бы невысказано. Не забудем, что он всецело во власти идеи о целостности своей личности, органичности своей духовной эволюции; он ищет в своем прошлом следов той «меланхолии», а точнее, «серьезного», «учительного» и даже пророческого умонастроения, которое владеет им теперь. Внутренняя, быть может, подсознательная полемика с Розеном ощущается в строках его «исповеди». «На меня находили припадки тоски, — пишет Гоголь, — мне самому необъяснимой, которая происходила, может быть, от моего болезненного состояния. Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать» (Гоголь, VIII, 438—439).

В те же месяцы пишется письмо Жуковскому (от 29 декабря/10 января 1848 г.), где Гоголь опять возвращается к этой мысли. Письмо это цитировалось нами в начале настоящей статьи. Свое «расположение к веселости» Гоголь прямо объясняет здесь «временными припадками» человека, наделенного от природы характером скорее меланхолическим и склонным к размышлению (Гоголь, XIV, 34). Сравнивая эти фрагменты с письмом к Данилевскому 1844 г., где Гоголь учит адресата насильственно преодолевать тоску «веселостью», мы видим и родство основной идеи, и новую фазу ее развития. Мысль об исконной «меланхоличности» собственного характера окончательно утвердилась. Искусственная «веселость» возводится в ранг некоей душевной потребности, из которой и проистекали ранние произведения, ныне отвергаемые Гоголем во имя новых, уже пророческих книг. В собственных глазах Гоголь превратился в «великого меланхолика» с «редкими минутами веселости». Он воспроизводил схему характера Пушкина — ту самую, которую набросал когда-то Пушкин в неизвестных Гоголю черновиках главы «Москва» и которую теперь повторял Розен в своем психологическом этюде.

Было ли случайностью это совпадение? Думается, что нет. Образ Пушкина, неотступно преследовавший Гоголя с того самого момента, как автор «Мертвых душ» получил известие о его смерти; образ, ставший для Гоголя почти символическим выражением национального гения, завещавшего ему, Гоголю, труд, ставший делом его жизни, — теперь вставал перед ним живой со страниц статьи Розена, воскрешавшей картину их общения в последние петербургские месяцы, накануне трагической гибели поэта. Ощущение преемничества было в Гоголе очень сильно; нужно ли удивляться тому, что Гоголь мог даже произвольно построить свою личность по образцу личности Пушкина, если к этому вел весь долгий и мучительный путь его духовных, интеллектуальных и эстетических поисков.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1974 ГОДА

- Аветисова Р. А. О проведении юбилея А. С. Пушкина. — Рус. яз. и лит. в туркм. школе, 1974, № 2, с. 46—54.
- Альтшуллер М. Г. Два стихотворения на лицейскую годовщину. (Пушкин и Кюхельбекер). — Лит. в школе, 1974, № 6, с. 7—11.
«19 октября» (1825) и «Тени Пушкина».
- Алянский Ю. Пушкинский июнь. — Нева, 1974, № 11, с. 209—210.
- Амирбекян А. А. С. Пушкин и советская поэзия. — Вестн. Ереван. ун-та, Обществ. науки, 1974, № 2, с. 272—274.
Отчет о юбилейной конференции, проведенной Ереванским университетом.
- Андреев Ю. А. Наша жизнь, наша литература. Л., «Сов. писатель», 1974, 288 с.
Стр. 82—92: «Поездка в Михайловское (человек и его нация)».
- Андроников Иракий. Новый Пушкин. — Юность, 1974, № 8, с. 65.
Памятник Пушкину в г. Калинин работы скульптора О. К. Комова.
- Аннинский Л. Звучащая проза Пушкина. — Наука и жизнь, 1974, № 12, с. 140—142.
К выпуску пластинки с рассказами И. Л. Фейнберга «Последний труд Пушкина. Пропавший дневник».
- Антокольский П. Образ времени. Заметки и наблюдения. — Знамя, 1974, кн. 4, с. 207—220; кн. 5, с. 214—227.
Пространство и время в произведениях Пушкина.
- Арсеньева Т. Н., Турута Е. М. А. С. Пушкин и Молдавия. (Метод. рекомендации для библиотек к 175-летию со дня рождения поэта). Кишинев, 1974, 29 с. (Гос. б-ка МССР им. Н. К. Крупской).
- Асадуллаев С. Г. Из истории изучения А. С. Пушкина в Азербайджане. — Рус. яз. и лит. в азерб. школе, 1974, № 11, с. 76—92.
- Асафьев Б. О балете. Статьи. Рецензии. Воспоминания. Л., «Музыка», 1974, 296 с.
Стр. 218—220: «О музыке „Бахчисарайского фонтана“» [впервые в кн.: «Бахчисарайский фонтан». Муз. Б. В. Асафьева. М., 1936].
Стр. 235—236: «Барышня-крестьянка».
- Ахматова Анна. Избранное. М., «Худож. лит.», 1974, 590 с.
Стр. 496—518: «Последняя сказка Пушкина» [впервые: Звезда, 1933, № 1, с. 161—176]. Стр. 519—534: «„Каменный гость“ Пушкина» [впервые в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 2. М.—Л., 1958, с. 185—195].
- Баканидзе О. А., Тухарели Д. А. Наш Пушкин. — Рус. яз. в груз. школе, 1974, № 2, с. 3—5.
- Бекчанова Т. С. Работа над стихотворением А. С. Пушкина «В Сибирь» в VIII классе. — Рус. яз. и лит. в туркм. школе, 1974, № 6, с. 37—41.

- Белинский В. Г. Статьи о Пушкине. Послел. и примеч. С. П. Красной. М., «Худож. лит.», 1974, 191 с. (Нар. б-ка).
- Белкин Д. И. Встреча Пушкина с персидским стихотворцем Фазыл-ханом Шаида. — В кн.: Литературные связи и традиции. Межвуз. сборник. Вып. 4. Горький, 1974, с. 179—186. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского).
- Белкин Д. Мир Востока в творчестве Пушкина. — Азия и Африка сегодня, 1974, № 6, с. 42—44.
- Белкин Д. И. Пушкин и Восток. Конференция в Москве. — Вестн. АН СССР, 1974, № 10, с. 105—107.
- Изложение докладов, прочитанных на конференции «Творчество Пушкина в странах зарубежного Востока» в Институте востоковедения АН СССР (21—22 марта 1974 г.).
- Белкин Д. И. Славянский номер «Литературной газеты» А. С. Пушкина и его друзей. — Сов. славяноведение, 1974, № 3, с. 67—72.
- Белкин Д. Читал ли Пушкин «Шахунталу» Калидасы? — Азия и Африка сегодня, 1974, № 2, с. 44—45.
- Белкин Д. И. Читал ли А. С. Пушкин «Шахунталу» Калидасы? — В кн.: Литературные связи и традиции. Межвуз. сборник. Вып. 5. Горький, 1974, с. 149—158. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского).
- Белюсов Андрей. Пушкин и бурятская литература. — Байкал, 1974, № 3, с. 154—157.
- Белюсов Роман. Силуэт «пиковой дамы» [Н. П. Голицыной]. — В кн.: Белюсов Роман. Из родословной героев книг. М., «Сов. Россия», 1974, с. 233—238.
- Белые ночи. Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., Лениздат, 1974, 568 с. с ил.
- Стр. 52—88: Н. Измайлов. О рукописях А. С. Пушкина. Стр. 282—297: Мария Ковальская. «Дум высокое стремление» [Пушкин и Пушкин]. Стр. 418—426: Юрий Раков. У Демута.
- Благой Д. Д. Пушкин в развитии мировой литературы. Статьи 1 и 2. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1974, т. 33, № 5, с. 394—406; № 6, с. 491—507.
- Благой Д. Д. Стихотворения Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. I. М., «Худож. лит.», 1974, с. 615—641.
- Благой Д. Д. Читал ли Пушкин «Фауста» Гете? — В кн.: Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти акад. Н. И. Конрада. М., «Наука», 1974, с. 104—112. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
- Богач Г. Далече северной столицы... — В кн.: Пушкин А. С. Далече северной столицы... Кишинев, «Карта Молдовеняскэ», 1974, с. 5—15.
- Богач Г. Ф. Пушкинские рукописи в Сибири. Метод. рекомендации лектору. Иркутск, 1974, 21 с. (Обл. организация о-ва «Знание»).
- Связи Пушкина со ссыльными декабристами. Судьба писем и книг, отправленных Пушкиным в Сибирь.
- Богач Г. «Твоей молвой наполнен сей предел...». — Кодры, 1974, № 2, с. 146—148.
- Рец. на кн.: Трубедкой Б. А. «Твоей молвой наполнен сей предел...». Кишинев, 1973.
- Боголепов П., Верховская Н., Сосницкая М. Тропа к Пушкину. Под общ. ред. С. М. Бонди и Ю. Русаковой. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Дет. лит.», 1974, 543 с. с ил.; 33 л. ил. (Школьная б-ка).
- Бозырев В. С. По Пушкинскому заповеднику. Изд. 4-е, доп. М., Профиздат, 1974, 159 с. с ил.; 24 л. ил.
- Путеводитель.
- Боровой Л. Одно подстрочное примечание Пушкина. — В кн.: Боровой Л. Путь слова. Очерки и разыскания. М., «Сов. писатель», 1974, с. 637—644.
- Примечание в заметке Пушкина «Об Альфреде Мюссе».

Бочаров С. Г. О смысле «Гробовщика». (К проблеме интерпретации произведения). — В кн.: Контекст, 1973. Литературно-теоретические исследования. М., «Наука», 1974, с. 196—230. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).

Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М., «Наука», 1974, 207 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).

Содерж.: «Свобода» и «счастье» в поэзии Пушкина. — Стилистический мир романа («Евгений Онегин»). — Повествование в прозе. — Пушкин и Белкин. — «Пиковая дама».

Рец.:

Ломинадзе С. — Новый мир, 1975, № 6, с. 283—284.

Манн Ю. В. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1976, т. 35, № 3, с. 271—273.

Бочарова А. К. Традиции Радищева в очерках Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург». — В кн.: А. Н. Радищев, В. Г. Белинский, М. Ю. Лермонтов. Жанр и стиль художественного произведения. Рязань, 1974, с. 3—21. (М-во просвещения РСФСР. Рязан. гос. пед. ин-т).

Брагинский И. С. Проблема западно-восточного литературного синтеза. Пушкин. Заметки о пушкинском западно-восточном синтезе. — В кн.: Брагинский И. С. Проблемы востоковедения. М., «Наука», 1974, с. 312—332. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

Брагин И. И. Ликующая муза. Предисл. А. Павловского. Рис. П. Бунина. Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974, 415 с. с ил.

Новеллы, этюды, размышления о Пушкине.

Рец.:

Пожидаева Л. — Звезда, 1975, № 6, с. 216—217.

Брагин Илья. Пушкин — это Россия. — Аврора, 1974, № 5, с. 63—68.

Брудный Д. Л. Лирика А. С. Пушкина. (К эстетическому анализу стихотворений «Анчар» и «Вновь я посетил...»). — В кн.: Русский и родной языки в школах народов РСФСР. Вып. 4. Л., «Просвещение», 1974, с. 118—126. (Науч.-исслед. ин-т нац. школ М-ва просвещения РСФСР).

Буачидзе Тенгиз. Во славу Пушкина. — Лит. Грузия, 1974, № 7, с. 83—86.

Бурмагина В. Г. Лексико-синонимические замены в процессе работы Пушкина над языком произведений (в сопоставлении со словоупотреблением других авторов). — В кн.: Теоретические и методические проблемы грамматики и стилистики русского языка. Доклады и сообщения межвуз. семинара каф. рус. яз. выпш. учебных заведений Западной Сибири. Барнаул. 29 сентября—1 октября 1971 г. Барнаул, 1974, с. 185—195. (М-во просвещения РСФСР. Барнаульский гос. пед. ин-т).

Бурсов Борис. Творчество и интерпретации. — Аврора, 1974, № 2, с. 58—62; № 3, с. 55—60; № 4, с. 56—60; № 6, с. 52—57.

На примере восприятия творчества Пушкина его современниками.

Бэлза И. Дорога Пушкина на Запад. — В кн.: Русская литература и ее зарубежные критики. Сборник статей. М., «Худож. лит.», 1974, с. 9—34. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).

Бэлза Святослав. За пушкинской строкой. — Наука и жизнь, 1974, № 9, с. 113—117 с. ил.

Начало см.: Наука и жизнь, 1971, № 4 и 8; 1972, № 9.

«...В морях твоя дорога». — «Казанова в своих записках говорит...». — «О Ваньке Каине...» [сведения о Ф. Ф. Матюшкине, Д. Казанове, Иване Каине].

В мире Пушкина. Сборник статей. Сост. С. Машинский. М., «Сов. писатель», 1974, 600 с.

Содерж.: От составителя. — П. Антокольский. Образ времени в поэзии Пушкина. (Заметки и наблюдения). — А. Гуревич. От «Кавказского пленника» к «Цыганам». — М. Каган. О пушкинских поэмах. — К. Кедров. «Евгений Онегин» в системе образов мировой литературы. — М. Еремин. «В гражданстве северной дер-

жавы...». (Из наблюдений над текстом «Медного всадника»). — В. Соловьев. Одиночество свободы. (О «Каменном госте»). — Л. Озеров. Вторжение прозы. — А. Чичерин. О стиле пушкинской лирики. — С. Соловьев. О некоторых особенностях изобразительности Пушкина. — Е. Полякова. Реальность и фантастика «Пиковой дамы». — Ю. Селезнев. Проза Пушкина и развитие русской литературы. (К поэтике сюжета). — С. Машинский. Поэзия критической прозы. — Б. Соловьев. Пушкин в художественном восприятии Блока. — В. Гусев. Пушкин и некоторые современные проблемы теории стиля. — Ал. Михайлов. Пушкинский идеал и современная поэзия.

Васильев М. Е. Пушкинские Горы. Святогорский монастырь-музей. Псков, Лениздат, Псков, отд-ние, 1974, 56 с. с ил.

Васильева А. Н. К вопросу о специфике художественной речи. Пушкин: Послание в Сибирь, Я вас любил. — В кн.: Исследования по стилистике. Вып. 4. Пермь, 1974, с. 147—165. (Учен. зап. Пермского гос. ун-та им. А. М. Горького, № 302).

Венок Пушкину. Сборник. Сост., подгот. текстов и примеч. С. А. Небольсина. М., «Сов. Россия», 1974, 206 с. с ил.

Винокур Н. Г. и Каган Р. А. Пушкин в музыке. Справочник. Вступит. статья «Пушкин и русская музыка» (с. 8—12) В. Васиной-Гроссман. М., «Сов. композитор», 1974, 375 с. с ил. и нот. ил.

Рец.:

Штейнпресс Б. Нотография музыкальной пушкинианы. — Муз. жизнь, 1975, № 16, с. 24.

Винокуров Евгений. Заметки о Пушкине. — Вопр. лит., 1974, № 1, с. 225—248.

Володина Ю. В. П. В. Анненков об А. С. Пушкине. (Из истории русской литературной критики). — В кн.: 1-я Всесоюзная межвузовская конференция по проблемам изучения и преподавания литературной критики в высшей школе. Краткое излож. докладов. Л., 1974, с. 44—47. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

Вольперт Л. И. А. С. Пушкин и госпожа де Сталь. К вопросу о политических взглядах Пушкина до 1825 г. — В кн.: Французский ежегодник. 1972. М., «Наука», 1974, с. 286—304. (АН СССР).

Вопросы русской литературы. Вып. 1. Львов, 1974, 122 с. (Респ. межвед. науч. сборник).

Стр. 3—13: К. Н. Григорьян. Об эволюции пушкинской элегии. Стр. 14—19: Р. Н. Поддубная. Особенности поэтической структуры «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина и романов Ф. М. Достоевского. Стр. 20—26: В. А. Фабианская. А. С. Пушкин в кругу литературных и общественных интересов В. Г. Короленко. Стр. 94—98: А. В. Чичерин. Пушкин [рец. на кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972]. Стр. 111—118: И. А. Спивак. Из русской советской поэтической пушкинианы (1958—1973).

Вопросы сюжетосложения. Сборник статей З. Сюжет и жанр. Рига, «Звайгзне», 1974, 230 с. (Даугавпилсский пед. ин-т).

Стр. 118—128: В. С. Белъкин д. Принцип циклизации в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина. Стр. 129—142: С. М. Шварцбанд. Жанровая природа «Повестей Белкина» А. С. Пушкина. (Соотношение сюжета, стиля и жанра).

Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., «Наука», 1974, 160 с. с ил. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис.).

Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. Р. Е. Тербенкина. Автограф послания Пушкина к Э. А. Волконской и его история; В. Б. Сандомирская. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова; К. Н. Григорьян. Из элегической поэзии Пушкина начала 1820-х годов. (К истории текста стихотворения «Надеждой сладостной младенчески дыша»); М. Ф. Мурьянов. Пушкин и Песнь песней; Н. В. Вулих. Образ

Овидия в творчестве Пушкина; Я. Л. Левкович. Заметки Жуковского о гибели Пушкина. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1972 г. — III. Мелкие заметки. В. Э. Вацуро. Из разысканий о Пушкине. 1. Пушкинский анекдот о Павле I. 2. «Побежденная трудность». 3. Пушкинская поговорка у Лермонтова. 4. К истории пушкинского экспромта; В. П. Степанов. Литературные reminiscenции у Пушкина. 1. «Записки» С. А. Порошина и «Сказка о золотом петушке». 2. «Сочиненья Эмина» в «Домике в Коломне»; В. В. Крамер. Из истории ранних французских переводов Пушкина; Я. М. Боровский. Необъясненные латинские тексты у Пушкина; Р. Г. Жуйкова. Два малоизвестных рисунка Пушкина. 1. Портрет Шарля-Луи Дидло. 2. Портрет Н. И. Гончаровой; Э. Ф. Карлова. Тригорское в рисунках Пушкина; Д. М. Шапкин. Вокруг «Пиковой дамы». 1. Шведская «Пиковая дама». 2. Эпиграф к главе V; Е. М. Двойченко-Маркова. Отклики на смерть Пушкина в Молдавии и Валахии. — IV. Хроника. Некролог. З. А. Бориневич-Бабайцева; Н. Г. Винокур. Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1972 г.; А. И. Минина. Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1972 г.; Л. А. Казарская. Музей А. С. Пушкина в г. Торжке Калининской области; Ю. И. Левина. Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьковской области в 1972 г.; Б. А. Трубедкой. Пушкинские дни в Молдавии; Н. И. Грановская. «Домик станционного смотрителя».

Выгон М. Пушкин в Крыму. Симферополь, «Таврия», 1974, 71 с. с ил.; 4 л. ил.

Гаджиев А. Д. Мастерство А. С. Пушкина-очеркиста. — Учен. зап. М-ва высш. и средн. спец. образования АзССР. Серия яз. и лит., Баку, 1974, № 4, с. 52—57.

Гейченко С. С. Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина. М., «Сов. Россия», 1974, 48 с. с ил.

Путеводитель.

Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., «Наука», 1974, 226 с. (АН СССР. Серия «Из истории мировой культуры»).

Рец.:

Никитин Андрей. — Октябрь, 1976, № 4, с. 222—224.

Гладыш И. Дом Пушкина в Москве, Кропоткинская, 12/2. — Вопросы и ответы, 1974, № 5, с. 45—52.

Горетцкий В. Г., Геллерштейн Л. С. А. С. Пушкин в начальной школе. — Нач. школа, 1974, № 6, с. 6—10.

Городовиков Б. Б. Певец свободы и счастья. — В кн.: Свет в степи. Альманах № 3. Элиста, Калм. кн. изд-во, 1974, с. 3—10.

Речь первого секретаря Калмыцкого обкома КПСС на вечере, посвященном 175-летию со дня рождения Пушкина, в г. Элисте 28 мая 1974 г.

Гранин Даниил. Прекрасная Ута. М., «Сов. Россия», 1974, 304 с. Стр. 164—186: «Два лика» [впервые: Новый мир, 1968, № 3, с. 214—226]. Стр. 187—240: «Священный дар» [впервые: Новый мир, 1971, № 11, с. 181—210].

Грановская Н. И. Домик станционного смотрителя. Музей дорожного быта начала XIX века. Фото В. И. Логинова. Л., Лениздат, 1974, 20 с. с ил.

Альбом.

Рец.:

Григорьева М. — Звезда, 1975, № 8, с. 220—221.

Грановская Н., Якушева В. В гостях у «станционного смотрителя». — Огонек, 1974, № 12, с. 24 с ил.

Музей «Дом станционного смотрителя» в Выре.

Громова Л. Пушкинские сказки в иллюстрациях Конашевича. — Дет. лит., 1974, № 2, с. 72—76 с ил.

- Гусев Вл. Вновь — Пушкин. (К 175-летию со дня рождения). — Подъем, 1974, № 3, с. 141—142.
- Давыдов Василий. Михайловские рощи. — Сов. профсоюзы, 1974, № 11, с. 26—28.
- Дадашзаде А. М. Ф. Ахундов о А. С. Пушкине. — Изв. АН Азерб. ССР. Серия лит., яз. и искусства, 1974, № 3, с. 131—135.
- Доклад, сделанный на научной сессии, посвященной 175-летию со дня рождения Пушкина, в Институте литературы им. Низами.
- Дамдинов Николай. Прообраз пушкинского «Демона». — В кн.: Дамдинов Николай. Летопись народной жизни. Статьи и заметки о литературе. Улан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1974, с. 77—85.
- Декабрист В. Ф. Раевский — предполагаемый прототип «Демона». Впервые: Вопр. лит., 1972, № 8, с. 179—184.
- Двойченко-Маркова Е. Пушкин и Дмитрий Кантемир. — Лимба ши литературы молдовенякэ, Кишинев, 1974, № 2, с. 45—50.
- Демин Николай Алексеевич. Изучение творчества А. С. Пушкина в 8 классе. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1974, 208 с. (Из опыта работы).
- Дилigentская Н. Загадка старой книги. [Роман А. П. Степанова «Постоялый двор» — дар Пушкина ссыльным декабристам]. — Наука и жизнь, 1974, № 5, с. 112—115.
- Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов. (Сборник науч. трудов). Л., 1974, 267 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Стр. 23—40: Н. Д. Тамарченко. Тема преступления у Пушкина, Гюго и Достоевского. Стр. 119—127: Н. Н. Скатов. Некрасов и Пушкин.
- Дроздова М. Ф. Оперы Чайковского на пушкинские сюжеты («Евгений Онегин») (из факультатива для учащихся 9-го класса «Пушкин в музыке русских композиторов»). — В кн.: В помощь учителю русского языка и литературы. Вып. 7. Челябинск, 1974, с. 3—15. (М-во просвещения РСФСР. Челяб. гос. пед. ин-т).
- Друскин М. Игорь Стравинский. Личность. Творчество. Взгляды. Л.—М., «Сов. композитор», 1974, 221 с.
- Стр. 29—35: «Пушкин».
- Душина Л. Н. Жанр баллады в творчестве Пушкина-лицейца. — В кн.: Жанровое новаторство русской литературы конца XVIII—XIX вв. Сборник науч. работ. Л., 1974, с. 25—41. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Егорова О. «Здравствуй, Пушкин!». — Мол. гвардия, 1974, № 6, с. 174—183 с ил.
- Постановка пьесы А. И. Гессена и И. И. Ром-Лебедева в театре «Ромэн».
- Ениколопов И. Грузинские друзья Пушкина. — В тисках охранки. — В кн.: Дом под чинарами. [Сборник]. 1974. Тбилиси, «Мерани», 1974, с. 241—243.
- Еремин Михаил. «Чем ближе к солнцу, тем холоднее...». — В кн.: Поэзия. Альманах. Вып. 11. М., «Мол. гвардия», 1974, с. 85—93.
- Дельвиг и Пушкин.
- Еремина Л. И. Изобразительное слово в «Медном всаднике» А. С. Пушкина. — Рус. речь, 1974, № 1, с. 56—65.
- Журбина Евгения. Под маской Теофилакта Косичкина. — В кн.: Журбина Евгения. Устойчивые темы. Статьи. М., «Сов. Россия», 1974, с. 134—150.
- Зажурило В. К., Кузьмина Л. И., Назарова Г. И. Пушкинские места Ленинграда. Л., Лениздат, 1974, 222 с. с ил.
- Рец.:
- Куриленко Р. — Звезда, 1975, № 2, с. 219.
- Западов А. В. Истинная школа редакторского опыта. (Заметки А. С. Пушкина на статье П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях

В. А. Озерова). — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сб. XXVIII. М., «Книга», 1974, с. 59—70. (Всесоюз. книжная палата).
Зубков Юр. Служенье муз не терпит суеты. — Москва, 1974, № 2, с. 192—196.

О воплощении образа Пушкина в театре.

Иезуитова Р. В., Пини О. А. Пушкиноведение: итоги и перспективы. Конференция в Ленинграде. — Вестн. АН СССР, 1974, № 10, с. 102—105.

К. П. Юбилею Пушкина посвящается... — Вопр. лит., 1974, № 11, с. 306—312.

Хроника юбилейного года.

Калашян А. В. А. С. Пушкин. Библиография переводов на армянский язык. (1843—1972). Ереван, 1974, XX, 186 с. (Ереванский гос. ун-т. Кабинет лит. связей).

Карташова И. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. — В кн.: Русский романтизм. Под ред. Н. А. Гуляева. М., «Высш. школа», 1974, с. 92—116.

Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. Вступит. статья «Анна Петровна Керн и ее литературное наследие» (с. 5—25), подгот. текста и примеч. А. М. Гордина. М., «Худож. лит.», 1974, 368 с. с ил. (Серия лит. мемуаров).

Рец.:

Мануйлов В. А. — Звезда, 1975, № 9, с. 219—220.

Климентовский В. А. Русские писатели в Татарии. Изд. 3-е, перераб., доп. Казань, Таткнигоиздат, 1974, 175 с.

Стр. 27—37: «А. С. Пушкин».

Козинцев Григорий. Пушкин. Толстой. Заметки к задуманным фильмам. [Публикация В. Козинцевой. Предисл. Вл. Орлова]. — Новый мир, 1974, № 5, с. 222—246.

Стр. 224—234: 1. Маленькие трагедии Пушкина.

Копылова Т. «Пушкин в музыке». — Сов. музыка, 1974, № 9, с. 72—73. Спектакль-концерт на сцене Московского музыкального детского театра.

Косачевская Е. М. Он воспевал мечту прекрасную свободы... (А. С. Пушкин по неопубликованным запискам Н. А. Маркевича). — Радуга, 1974, № 6, с. 153—158.

Косшелева Н. Северная пушкиниана. (Фонды библиотеки). — На Севере Дальнем. № 2. Магадан, Кн. изд-во, 1974, с. 115—119.

Кравцевич Э. Солнце русской поэзии. Методические рекомендации в помощь массовым библиотекам республики. Минск, 1974, 43 с. (Гос. б-ка БССР им. В. И. Ленина. Науч.-метод. отд. библиотекovedения).

Кравцов Н. И. Образец романтической любовной лирики («Талисман» А. С. Пушкина). — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 2. Львов, 1974, с. 57—66. (Респ. межвед. науч. сборник).

Краснокутский В. С. «Арзамасский язык» в письмах Пушкина. — Рус. речь, 1974, № 5, с. 35—41.

Крендель Р. Н., Семибратова И. В., Ходукина Т. И. Александр Сергеевич Пушкин. (1799—1837). Методические и библиогр. материалы для библиотек к 175-летию со дня рождения великого русского поэта. М., 1974, 64 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. рекомендов. библиографии. Науч.-метод. отд.).

Кузьмин А. И. А. С. Пушкин: историческая правда и поэтический вымысел. — В кн.: Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе. М., «Просвещение», 1974, с. 178—221.

Кутейщикова Вера. Друг Пушкина [П. Неруда]. — В кн.: Венок Неруде. М., «Худож. лит.», 1974, с. 273—279.

Кутейщикова Вера. Неруда и Пушкин. — Лит. обозрение, 1974, № 7, с. 102—107.

Левина Ю. И. Пушкинское Болдино. Экскурсионный очерк. Изд. 2-е,

- доп. Худ. Д. Д. Арсенин. Горький, Волго-Вятское кн. изд-во, 1974, 94 с. с ил.
- Лидин В. Г. Домик Нащокина. — Собр. соч. в 3-х т. Т. 3. Рассказы 1967—1968. — Люди и встречи. М., «Худож. лит.», 1974, с. 682—687.
- Первые в кн.: Лидин В. Г. Люди и встречи. М., «Моск. рабочий», 1965, с. 274—279.
- Литературное стихотворение. Анализ и разборы. Учеб. пособие. Л., 1974, 154 с. (М-во просвещения РСФСР. Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Стр. 20—35: Е. Н. Дрыжакова. Кишиневская элегия А. С. Пушкина [«Умолкну скоро я...»]. Стр. 36—44: Ю. Н. Чумиков. «Зимний вечер» А. С. Пушкина. Стр. 45—53: Э. И. Художина. Структура пародии А. С. Пушкина «Ода... графу Хвостову».
- Литвиненко Н. Пушкин и театр. Формирование театральных воззрений. М., «Искусство», 1974, 288 с. с ил. (Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР).
- Лобикова Надежда Михайловна. Пушкин и Восток. Очерки. М., «Наука», 1974, 96 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Рец.:
 Стефанчук Л. Г. — Народы Азии и Африки, 1975, № 5, с. 231—233.
 Шахиди Мунира. Пушкин и Восток. — Памир, 1975, № 8, с. 86—87.
- Маврина Татьяна. «Там чудеса...» — Семья и школа, 1974, № 6, с. 14—16, ил. на обл.
- Макогоненко Г. О «Повестях Белкина» А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Л., «Худож. лит.», 1974, с. 3—24. (Нар. б-ка).
- Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. (1830—1833). Л., «Худож. лит.», 1974, 376 с.
- Рец.:
 Лапкина Г. А. Движущийся мир поэзии Пушкина. — Нева, 1975, № 11, с. 193—195.
 Кулешов В. И. Книга живых идей и споров. — Новый мир, 1976, № 7, с. 258—262.
- Малышева И. В. Музыка в трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери». — В кн.: Роль традиции в развитии литературы и фольклора. Пермь, 1974, с. 3—22. (Учен. зап. Пермского гос. пед. ин-та, т. 137).
- Марандман В. Г. Анализ литературного произведения и читательское восприятие школьников. Метод. пособие. Л., 1974, 176 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Стр. 72—104: 3. О восприятии учащимися произведений разных литературных родов. Лирика. (Стихотворение А. С. Пушкина «Эхо»).
- Марандман В. Г. Проблемные ситуации при изучении романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Урок литературы в школе. (Сборник науч. работ). Л., 1974, с. 96—115. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Марандман В. Г. Роман А. С. Пушкина «Дубровский» в школьном изучении. Пособие для учителя. Л., «Просвещение», 1974, 111 с.
- Марьянов Б. Легенда о блудном сыне. Статья 5. — Наука и религия, 1974, № 2, с. 87—92.
- Начало см.: Наука и религия, 1972, № 2.
- Религиозное толкование творчества Пушкина в современном зарубежном пушкиноведении.
- Марьянов Б. Легенда о блудном сыне. — В кн.: Мир человека. Сост. А. Романов. Худ. В. Грызлов. М., «Мол. гвардия», 1974, с. 126—138.
- О последних днях жизни Пушкина.
- Медведев Н. П. Реализм сатиры Пушкина и декабристов. — В кн.: Филологические этюды. Ростов н/Д., Изд. Рост. ун-та, 1974, с. 28—37. (Серия «Рус. литература». Вып. 2).
- Мейлах Б. Жизнь Александра Пушкина. Л., «Худож. лит.», 1974, 336 с. с ил.

Рец.:

- Сайтанов В. Проблемы пушкинской биографии. — Лит. в школе, 1975, № 3, с. 82—84.
- Гинов Н. Судьба поэта. — В мире книг, 1975, № 6, с. 66—67.
- Дерюгина Л., Турбин В. Археология Пушкина. — Дружба народов, 1976, № 1, с. 274—275.
- Меньшиков Г. «Это веселое имя: Пушкин». — В кн.: Проблемы поэтики. Т. 3. Самарканд, 1976, с. 143—146. (Труды Самарк. гос. ун-та им. Навои. Новая серия, № 258).
- Менабде Лео. Первый поэтический привет русской поэзии. А. С. Пушкин и Петербургская грузинская колония. — Лит. Грузия, 1974, № 9, с. 62—64.
- Мещерский Н. А. А. С. Пушкин — основоположник современного русского литературного языка. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1974, № 14. История, яз., лит., вып. 3, с. 118—127.
- Михайлова Н. И. О некоторых особенностях повествовательной структуры прозы Пушкина (изображение движения в пространстве и времени). — В кн.: Филология. Сборник студенческих и аспирантских научных работ. Вып. 3. М., 1974, с. 54—64. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак.).
- Михайлова Н. И. Пушкину посвящается. — Вестн. Моск. ун-та, 1974. Сер. X. Филология, № 6, с. 88.
- Изложение докладов на заседании кафедры истории русской литературы МГУ, посвященной 175-летию со дня рождения Пушкина.
- Михайлова Наталья Ивановна. Типология повествования в художественной прозе А. С. Пушкина. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1974, 24 с. (МГУ. Филол. фак.).
- Михельсон В. А. «Путешествие» в русской литературе. Ростов, Изд. Рост. ун-та, 1974, 108 с. (Кубанский гос. ун-т).
- Стр. 15—40: «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.» А. С. Пушкина».
- Муза Е. В. «Быстрый карандаш». [Автопортреты, портреты, иллюстрации, пейзажи, росчерки А. С. Пушкина]. М., «Сов. Россия», 1974, 47 с. с ил.
- Муза Е. В. «И образ незабвенный...» [Женские портреты из фондов Музея А. С. Пушкина, сопровождаемые стихами поэта и краткими пояснениями]. М., «Сов. Россия», 1974, 32 с. с ил.
- Расширенный вариант книги «Адресаты лирики Пушкина».
- Мухамедова З. Б. Произведения А. С. Пушкина на туркменском языке. — Изв. АН ТССР. Серия обществ. наук, 1974, № 1, с. 45—50.
- Резюме на туркм. и англ. яз.
- Мухамедова З. Б. А. С. Пушкин в Туркменистане. — Ашхабад, 1974, № 3, с. 73—79.
- Назарова Граната. В те дни, когда в садах Лицей... — Аврора, 1974, № 3, с. 68—70.
- Назарова Г. «Слышано мною от К. Ф. Фукса...». — Нева, 1974, № 3, с. 218—219.
- Впервые публикуется портрет Фукса работы Крюкова.
- Немет Ласло. Пушкин. Пер. с венг. Вступление В. Лакшина. — Иностран. лит., 1974, № 6, с. 230—237.
- Главы из книги. Пер. Т. Воронкиной.
- Нидерландские материалы о дуэли и смерти Пушкина. Вступит. статья и публик. Н. Я. Эйдельмана. — Зап. Отдела рукописей. Вып. 35. М., «Книга», 1974, с. 196—247. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).
- Частично материалы опубликованы во «Временнике Пушкинской комиссии» (1971) и в «Новом мире» (1972, № 3).
- Никифорова Л. Примечания автора в поэмах Пушкина «Полтава» и «Медный всадник». — Труды Кирг. гос. ун-та им. 50-летия СССР, 1974. Серия гуманитар. наук, вып. 10, с. 48—57.

- Новиков И. А. Пушкин в Михайловском. М., «Худож. лит.», 1974, 352 с.
2-я часть дилогии «Пушкин в изгнании».
- Нольман М. Л. Некрасов и Пушкин: ответ анониму. — В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Кострома, 1974, с. 127—133. (Учен. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского—Костром. гос. пед. ин-та им. Н. А. Некрасова, вып. 38).
Об эпитафии к посмертному четырехтомному изданию стихотворений Н. А. Некрасова, взятом из стихотворения Пушкина «Ответ анониму».
- Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина. По новым эпистолярным материалам. — Москва, 1974, № 5, с. 185—200.
Фрагменты из книги «Вокруг Пушкина» (М., «Сов. Россия», 1975).
- Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина. Неизвестные письма. — Москва, 1974, № 11, с. 183—198.
Письма Н. Н. Пушкиной и ее родных к Д. Н. Гончарову и П. П. Ланскому, обнаруженные в ЦГАДА.
- Оганян Л. Н. Общественное движение в Бессарабии в первой четверти XIX века. Ч. II. Под ред. И. Г. Гудака. Кишинев, «Штиинца», 1974, 167 с. (Кишиневский гос. ун-т им. В. И. Ленина).
Гл. II: Прогрессивные направления в литературе и просвещении.
§ 1. Пушкин в Бессарабии. Его влияние на местную литературную жизнь (с. 76—92).
- Озеров Лев. Ровесник поколений. К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — В мире книг, 1974, № 5, с. 71—74.
- Орлова А. А. Мусоргский в Петербурге. Л., Лениздат, 1974, 239 с.
Стр. 108—149: «... Я жил Борисом».
- Павлова Е. О портретах А. С. Пушкина работы А. М. Опекушина. — Искусство, 1974, № 6, с. 57—61 с ил.
- Пантелеев В. М. Пушкин в Полотняном Заводе. Фото Сергея Денисова. Тула, Приокское кн. изд-во, 1974, 18 с. с ил.
- Пауков Н. А. Пушкин в оценке Ленина. — В кн.: По страницам русской классики. Кишинев, «Штиинца», 1974, с. 3—11. (М-во нар. образования МССР. Кишиневский гос. ун-т им. В. И. Ленина).
- Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., «Наука», 1974, 166 с. (АН СССР. Серия «Из истории мировой культуры»).
- Содерж.: Предисловие. — О поэмах Пушкина [впервые под заглавием «Поэмы Пушкина 1820-х годов в истории эволюции жанра поэмы в мировой литературе» в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 7. Л., 1974, с. 100—122]. — О стихотворениях Пушкина. 1. «Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный?..». 2. «Беззаконная комета». 3. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» [впервые под заглавием «А. Пушкин. „Элегия“ («Безумных лет угасшее веселье...»)» в кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., «Наука», 1973, с. 78—95]. 4. «Напрасно я бегу к сионским высотам...». — У истоков «Капитанской дочки» [впервые под заглавием «К творческой истории „Капитанской дочки“»: Рус. лит. 1970, № 2, с. 79—92]. — Как увидела свет «История Пугачева» [впервые под заглавием «Вокруг „Истории Пугачева“» в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 6. Л., «Наука», 1969, с. 229—251]. — Два замысла Пушкина для «Современника» [впервые: Рус. лит., 1966, № 4, с. 153—160].
- Пини О. А. Двадцать третья Пушкинская конференция. — Рус. лит., 1974, № 4, с. 213—218.
- Пирожкова Т. Ф. А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь в журнале «Современник». — Вестн. Моск. ун-та, 1974. Сер. 11. Журналистика, № 3, с. 25—31.
- Платонов Андрей. Ученик Лицея. Пьеса в 5-ти д. Публик. и послесл. М. Платоновой. — Наш современник, 1974, № 6, с. 71—123.
- Плотникова Августа. Солнце русской поэзии. К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Довбас, Донецк, 1974, № 3, с. 115—118.

- Польская Е., Розенфельд Б. Здесь «новый для меня Парнас». А. С. Пушкин. — В кн.: Польская Е., Розенфельд Б. Дорогие адреса. Памятные места Кавказских Минеральных Вод. Ставрополь, Кн. изд-во, 1974, с. 7—13.
- Порудоминский В. А. С. Пушкин. (К 175-летию со дня рождения). — Средн. спец. образование, 1974, № 4, с. 49—51.
- Порудоминский В., Эйдельман Н. Болдинская осень. — Знание — сила, 1974, № 1, с. 26—29; № 2, с. 29—31; № 3, с. 30—32.
То же в кн.: Пушкин А. С. Болдинская осень. Стихотворения, поэмы... [Сопроводит. текст В. И. Порудоминского и Н. Я. Эйдельмана]. М., 1974.
- Поэзия. Альманах. Вып. 13. М., «Мол. гвардия», 1974, 256 с.
Стр. 5—17: [Стихи советских и зарубежных поэтов о Пушкине].
Стр. 18—31: Вадим Кожин. Несколько слов о Пушкине.
Стр. 116—126: Мария Газукова. Гармония мгновения. (Пушкин и проблема времени) [«Евгений Онегин»].
- Прийма Ф. В жестокий век восславил он свободу... — Мол. гвардия, 1974, № 6, с. 250—262.
- Прокушев Юрий. Подвиг Пушкина. М., «Правда», 1974, 62 с. (Б-ка «Огонек», № 52).
Содерж.: Подвиг Пушкина. — Он — наш современник. — Это ты, моя Русь... — Поэт и эпоха. — Во весь голос. — Россия — моя поэзия. — Вперед к Пушкину.
- Прокушев Юрий. Пушкин и Есенин. — Огонек, 1974, № 41, с. 24—26; № 42, с. 12—13.
- Прометей. Ист.-биогр. альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 10. Науч. ред. и сост. Т. Г. Цявловская. Худ. Ю. Нолев-Соболев. М., «Мол. гвардия», 1974, 424 с. с ил.
Содерж.: От редакции. — Биографии. Статьи. Портреты. Т. Г. Цявловская. «Храни меня, мой талисман...»; К. Шилов. Московский адрес; А. А. Формозов. Пушкин и Ходаковский; С. Энгель. Рассказ о Троекурове; В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Из пушкинских маргиналий. (Пометы на книге Вяземского о Фонвизине); М. И. Гиллельсон. Пушкин и «Записки» Е. Р. Дашковой; С. М. Соловьев. Пушкин-колорист. — Поиски. Находки. Гипотезы. М. Меликьян. Невежда; Т. Г. Цявловская. Записка к В. Ф. Вяземской; Л. В. Крестова. «Она одна бы разумела...»; К. И. Тюнькин. «Нет, не черкешенка она...»; В. С. Лаврентьев. Портрет Мицкевича; И. Трофимов. «Полководец»; Н. Натанов [Н. Эйдельман]. Законами, но не кровью; В. И. Порудоминский. «Я люблю Пушкина еще больше...» — Литературное наследие. А. А. Ахматова. Пушкин и Невское взморье. Предисл., подгот. текста и примеч. Э. Г. Герштейн; И. Новиков. За чтением Пушкина. Публик. М. Новиковой-Принц. — Письма. Документы. Т. П. Мазур, Н. Н. Малов. Новые материалы о Пушкине; Т. Г. Цявловская. Неизвестные письма к Пушкину — от Е. М. Хитрово; Н. Б. Востокова. Пушкин по архиву Бобринских. — Дневники. Воспоминания. Воспоминания Павла Воиновича Нащокина, написанные в форме письма к А. С. Пушкину. Публик. Н. Я. Эйдельмана; Из воспоминаний о Пушкине в Кишиневе. Публик. Т. Г. Цявловской. — Исторические очерки. Н. Эйдельман. «По смерти Петра I...»; М. Максимова [М. И. Гиллельсон]. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева (Пушкин и А. И. Тургенев). — Забытые страницы. К. П. Богаевская. Из забытых книг. — Смесь. Л. А. Черейский. Забытые знакомые Пушкина [Фантон де Веррайон и Тардан]; К. П. Богаевская. Н. С. Лесков о Пушкине; М. С. Альтман. Пушкинские эпитеты; С. Гейченко. Поклонник Пушкина [И. И. Лапин]; С. А. Коплан-Шахматова. О знакомстве Пушкина с А. Н. Струговичковым; А. В. Волков-Нахшин. Ошибка или плагиат?

Рец.:

Данина А. — Звезда, 1975, № 6, с. 214—215.

- Пронь Н. А. Стилистическая сниженная лексика произведений А. С. Пушкина (по I тому «Словаря языка Пушкина»). — В кн.: Лингвистический сборник. Вып. 2. Ч. 2. Материалы VIII конференции преподавателей рус. яз. пед. ин-тов Моск. зоны. М., 1974, с. 56—63. (М-во просвещения РСФСР. — Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).
- Просяник Иван. Суриков и Пушкин. — Енисей, 1974, № 4, с. 66—70. Творческое воздействие Пушкина на художника. Общность тем (Петербург, Петр I, Пугачев, Борис Годунов).
- Пушкин. Исследования и материалы. Т. 7. Пушкин и мировая литература. Л., «Наука», 1974, 276 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

Содерж.: Предисловие. — Статьи. Ф. Я. Прийма. Проблема национального и общечеловеческого в наследии Пушкина [впервые: Рус. лит., 1972, № 1, с. 3—18]; Б. С. Мейлах. Пушкинская концепция развития мировой литературы. (К постановке вопроса); Ю. Д. Левин. Некоторые вопросы шекспиризма Пушкина; П. Р. Заборов. Пушкин и Вольтер; Г. М. Фридлиндер. Поэмы Пушкина 1820-х годов в истории эволюции жанра поэмы в мировой литературе. (К характеристике повествовательной структуры и образного строя поэм Пушкина и Байрона); К. Ласорса. К истории изучения Пушкина в Италии. Карло Тенка; А. В. Чичерин. Пушкин, Мериме, Стендаль. (О стилистических соответствиях); Я. Л. Левкович. Переводы Пушкина из Мицкевича; В. Б. Сандомирская. Первый перевод Пушкина из Андре Шенье; Н. В. Измайлов. И. С. Тургенев — переводчик Пушкина на французский язык. — Сообщения. В. Э. Вацуро. Пушкин и Бомарше. (Заметки); С. Л. Донская. К истории стихотворения Пушкина «Телега жизни». — Обзоры. А. Л. Григорьев. Пушкин в зарубежном литературоведении; Д. М. Шарыгин. Пушкин в шведской литературе; Хроника; Указатель имен; Указатель произведений Пушкина.

- А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Вступит. статья «Пушкин в сознании современников» (с. 5—40) В. Э. Вацуро. Сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М., «Худож. лит.», 1974. (Серия лит. мемуаров).

Рец.:

Жезлова Е. Судьба близкая, дорогая. Работа над сборником воспоминаний об А. С. Пушкине. — В мире книг, 1975, № 1, с. 15—18. Ходоров А. — Звезда, 1975, № 2, с. 218—219.

- А. С. Пушкин в стихах русских поэтов XIX века. Сост. и вступит. статья И. Т. Трофимова. М., «Просвещение», 1974, 95 с. (М-во просвещения РСФСР. Науч.-исслед. ин-т школ).
- Пушкин в школе. Сборник статей. М., 1974, 148 с. (М-во просвещения РСФСР. Науч.-исслед. ин-т школ. Сектор обучения литературе). Сост.: В. Я. Коровина, И. С. Збарский.
- Пушкина Н. Н. Новонайденные письма Н. Н. Пушкиной [1833—1836 гг.]. Публ. И. Ободовской и М. Деметьева. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1974, т. 33, № 1, с. 60—74.
- Пушкинские чтения на Верхневолжье. Сб. 2. Калинин, 1974, 150 с. (Калининский гос. ун-т).

Содерж.: Н. В. Фридман. Пушкин-сатирик. — Л. А. Степанов. Автор и читатель в романе «Евгений Онегин». — В. А. Никольский. Стихотворение А. С. Пушкина «Цветок». — Н. К. Дроздова. Загадка «Посвящения» поэмы А. С. Пушкина «Полтава». — В. Ф. Кашкова. Пушкин и тверской учитель А. А. Раменский. — П. А. Гапоненко. Пушкинская традиция в лирике А. К. Толстого. — Т. Н. Сидельникова. Пушкиниана советских прозаиков. — Н. Н. Малов. Неизвестные письма П. В. Аннекова об изданиях сочинений Пушкина.

Пушкинский вечер в школе. Инсценировки. Музыкальные произведения. [Изд. 2-е. Ил.: Б. Дехтерев и В. Панов]. М., «Дет. лит.», 1974, 190 с. с ил. и нот. (Школьная 6-ка).

Пушкинский Петербург. Pushkin's St. Petersburg. Авт.-сост. А. М. Гордин. Науч. ред. акад. М. П. Алексеев. Л., «Художник РСФСР», 1974, 107 с. с ил.; 110 л. ил.

Содерж.: М. П. Алексеев. Пушкин и Петербург. — А. М. Гордин. Пушкинский Петербург. 1800—1820-е годы. 1820—1830-е годы. — А. Gordin. Pushkin's St. Petersburg. — А. Н. Савинов. Художники пушкинского Петербурга. — Именной указатель художников. — Топографический указатель. — Список репродукций. — List of illustrations.

Рец.:

Назарова Л. — Звезда, 1975, № 6, с. 213—214.

Пушкинский сборник. Вып. 2. Рига, 1974, 167 с. (Учен. зап. Латв. гос. ун-та им. П. Стучки. Каф. рус. лит., т. 215).

Содерж.: От редакции. Стр. 4—31: Л. С. Сидяков. Стихи и проза в текстах Пушкина. Стр. 32—55: Р. Д. Тименчик. Ахматова и Пушкин. Заметки к теме. — Стр. 56—86: Д. Д. Ивлев. Б. В. Томашевский как исследователь пушкинского стиха. Стр. 87—115: И. Я. Бергман. К вопросу о восприятии творчества А. С. Пушкина в Латвии. (Очерк Я. Райниса «Александр Пушкин»). Стр. 123—166: Е. А. Тоддес. О мировоззрении П. А. Вяземского после 1825 года.

Пьянов А. «Берег, милый для меня». Пушкинские места Верхневолжья. М., «Моск. рабочий», 1974, 184 с. с ил.; 24 л. ил.

Гравюры А. Мищенко.

Раевский Н. Портреты заговорили. Алма-Ата, «Жазушы», 1974, 408 с.

Содерж.: Предисловие автора. — В замке Бродяны [впервые под заглавием «Если заговорят портреты»: Простор, 1964, № 3, с. 99—115]. — Фикельмоны. — Переписка друзей [Д. Ф. Фикельмон и П. А. Вяземский]. — Д. Ф. Фикельмон в жизни и творчестве Пушкина [впервые в кн.: Раевский Н. Если заговорят портреты. Алма-Ата, 1965, с. 86—134]. — Особняк на Дворцовой набережной [впервые: Простор, 1971, № 12, с. 88—94]. — Д. Ф. Фикельмон о дуэли и смерти Пушкина [впервые: Простор, 1965, № 1, с. 97—112]. — Комментарии.

Рец.:

Архипова Л. П. — Звезда, 1975, № 2, с. 220—221.

Плашевский Юрий. Что говорят портреты. — Простор, 1975, № 7, с. 119—124.

Раков Юрий. По следам литературных героев. М., «Просвещение», 1974, 126 с. с ил. (Мир знаний).

Стр. 20—24: «Город пышный, город бедный...». Стр. 24—32: «День Онегина». Стр. 32—37: «У Покрова». Стр. 37—42: «Дом станционного смотрителя». Стр. 42—46: «Демутов трактор». Стр. 46—54: «По следам „Медного всадника“». Стр. 54—61: «Дом Пиковой дамы». Стр. 61—65: «Хранитель пушкинского Петербурга» [Н. Н. Фокин].

Рассадин Ст. Загадочная «Русалка». — Кодры, 1974, № 6, с. 125—139.

Рассадин Ст. Невольник чести. — Новый мир, 1974, № 4, с. 247—259.

«Скупой рыцарь».

Рассадин Ст. Последняя сказка. (О «Сценах из рыцарских времен» Пушкина). — Вопр. лит., 1974, № 3, с. 213—236.

Резов Б. Г. А. С. Пушкин. История и современность. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1974, № 20. История, яз. и лит., вып. 4, с. 86—89.

Резюме на англ. яз.

Решетников Л. Поездка к поэту. — Сиб. огни, 1974, № 6, с. 152—170. Пушкин в михайловской ссылке.

- Решидова Н. А. С. Пушкин и эстетическая позиция журнала «Московский вестник». — В кн.: Вопросы романтизма. Калинин, 1974, с. 25—56. (Калининский гос. ун-т).
- Розанов Ив. Н. Пушкин — рецензент поэтов. [Отрывки из книги. Публикация и предисл. Е. И. Осетрова]. — Волга, 1974, № 6, с. 124—138.
- Рудь Инна. Пушкин в Захарове. — Муз. жизнь, 1974, № 18, с. 18—19.
- Рудь Инна. Страницы музыкальной пушкинианы. Статьи 1 и 2. — Муз. жизнь, 1974, № 11, с. 7—9; № 12, с. 15—17.
- Русакиев Симеон. Пушкин в Болгарии. — Болгария, 1974, № 9, с. 13.
- Русаков В. М. Потомки А. С. Пушкина. Л., Лениздат, 1974, 176 с. с ил. Приложение: Потомки А. С. Пушкина. Родословная роспись.
Рец.:
Алянский Ю. — Звезда, 1974, № 12, с. 214—215.
- Рыльский Максим. О поэзии. Статьи. Пер. с укр. М., «Сов. писатель», 1974, 343 с.
Стр. 7—15: «России вечная любовь» [впервые в кн.: Рыльский М. Великая дружба. М., 1954, с. 28—37]. Стр. 16—28: «Пушкин и Шевченко» [впервые в кн.: Рыльский М. Дружба народов. Киев, 1951, с. 49—63].
- Сатпаева Ш. К. «... И назовет меня всяк сущий в ней язык». — Изв. АН Каз. ССР, 1974. Серия филол., № 3, с. 3—10.
- Саунин Семен. Пушкин и Жуковский. — В кн.: Сибирь. Альманах. № 3. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974, с. 69—86.
- Сафразбекян Ирма. Туманян и Пушкин. — Лит. Армения, 1974, № 5, с. 79—82.
- Сергеев М. Пушкин в Сибири. (Методические рекомендации лектору). Иркутск, 1974, 20 с. (Обл. организация о-ва «Знание»).
- Сержан Л. С. «Элегия» М. Деборд-Вальмор — один из источников письма Татьяны к Онегину. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1974, т. 33, № 6, с. 536—552.
- Сидоров А. А. «Евгений Онегин» в иллюстрациях Н. В. Кузьмина. — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1974, с. 317—322.
- Сквозников В. «Еще одна высокая, важная песня». О сказках Пушкина. — Дет. лит., 1974, № 4, с. 22—25.
- Скокова Л. И. О месте иноязычной и простонародной лексики в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — Рус. яз. в нац. школе, 1974, № 3, с. 63—67.
- Слоанинский Ю. Балетные строки Пушкина. Л., «Искусство», 1974, 184 с., 4 л. ил.
Рец.:
Данина А. «Душой исполненный полет». — Звезда, 1974, № 6, с. 216—218.
Кара С. За пушкинской строкой. — Нева, 1974, № 6, с. 199—200.
- Смирнова В. Илья Сельвинский читает Пушкина. — В кн.: Смирнова В. Из разных лет. Статьи и воспоминания. М., «Сов. писатель», 1974, с. 677—681.
- Смоктуновский Иннокентий. Букет из потемневших васильков. С предисл. А. Шарымова. — Аврора, 1974, № 9, с. 51—54.
- Смоленский Яков. Четверть века с «Евгением Онегиным». — Аврора, 1974, № 7, с. 66—70.
- Современные проблемы литературоведения и языкознания. К 70-летию со дня рождения акад. М. Б. Храпченко. М., «Наука», 1974, 495 с. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз.).
Стр. 235—245: Д. Д. Благой. Об одной элегии Пушкина.
Стр. 246—254: Б. Г. Рейзов. Из комментариев к «Евгению Онегину». («Кто жил и мыслил...»). Стр. 255—263: Н. К. Гей. Художественный синтез в стиле Пушкина. Стр. 375—388: В. И. Борковский. Синтаксис сказок пушкинских мест.
- Солнцев Роман. «Вот счастье! Вот права...». (К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина). — Енисей, 1974, № 5, с. 59—61.

Соловьев Владимир. Одиночество свободы. — Север, 1974, № 6, с. 118—126.

«Каменный гость».

Соловьев Владимир. «Опыт драматических изучений». (К истории литературной эволюции Пушкина). — Вопр. лит., 1974, № 5, с. 128—158.

Степанов А. Н. Собиратель пушкинских реликвий [А. Ф. Онегин-Отто]. — В кн.: Степанов А. Н. У книг своя судьба... Л., Лениздат, 1974, с. 92—111.

Степанов Лев. Заветы Пушкина-пародиста. — В кн.: Кубань. Альманах. № 1. Краснодар, 1974, с. 100—105.

Степанов Лев Александрович. Проблемы комического в эстетике и творчестве Пушкина. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1974, 19 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

Степанов Н. Л. Лирика Пушкина. Очерки и этюды. [Вступит. статья Ю. Манна]. Изд. 2-е. М., «Худож. лит.», 1974, 368 с. с портр.

Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. [Сборник статей]. Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л., «Наука», 1974, 415 с. (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

Содерж.: От редактора. — В. Б. Сандомирская. «Андрей Шенье». — Р. В. Иезуитова. «Жених». — Б. П. Городецкий. «19 октября» (1825). — Я. Л. Левкович. Липейские «годовщины». — Я. Л. Левкович. «Воспоминание». — Р. В. Иезуитова. «Не пой, красавица, при мне». — Р. В. Иезуитова. «Легенда». — В. Э. Вацуро. «К вельможе». — Б. С. Мейлах. «С Гомером долго ты беседовал один». — Н. В. Измайлов. «Осень». (Отрывок). — Я. Л. Левкович. Наброски послания о продолжении «Евгения Онегина». — Н. Н. Петрунина. «Полководец». — Я. Л. Левкович. «Вновь я посетил...». — Н. Н. Петрунина. «На выздоровление Лукулла». — Н. Н. Петрунина. «Д. В. Давыдову». («Тебе, певцу, тебе, герою!...»). — С. М. Бонди. Из «последней тетради» Пушкина. — Указатель имен. — Указатель произведений Пушкина.

Страницы русской литературы середины XIX века. Сборник научных трудов. Л., 1974, 172 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

Стр. 3—33: Ю. П. Суздальский. Античный мир в изображении А. С. Пушкина. (К вопросу о традициях и новаторстве). Стр. 34—54: М. Н. Дарвин. Стихотворения Ф. И. Тютчева в пушкинском «Современнике». (О становлении русского лирического цикла). Стр. 55—69: Н. П. Сысоева. Тема «Медного всадника» и Петербурга в поэме Н. П. Огарева «Юмор».

Субботин А. Солнце поэзии нашей... — Урал, 1974, № 6, с. 131—136.

Тартаковская Л. А. «...С душою благородной, возвышенной и пламенно свободной...». (К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина). — Рус. яз. и лит. в узб. школе, 1974, № 3, с. 67—72.

Тархов А. Календарь «Евгения Онегина». Сомнения и гипотезы. — Знание — сила, 1974, № 9, с. 30—33.

Предлагается новый календарь «Онегина» на основании записи Пушкина на титульном листе «Тавриды».

Тихонов Николай. Писатель и эпоха. Выступления, литературные записи, очерки. [Изд. 2-е]. М., «Сов. писатель», 1974, 642 с.

Раздел II. Слава поэзии. Стр. 309—361: Александр Пушкин. [Речь о Пушкине. — Пушкин и советская поэзия. — В пушкинских местах].

Трауберг Л. Загадка «Пиковой дамы». — Искусство кино, 1974, № 6, с. 87—93.

Тресков И. В. Этюды о Шоре Ногмове. 2-е доп. изд. Нальчик, «Эльбрус», 1974, 198 с.

Стр. 118—156: «Ш. Б. Ногмов и А. С. Пушкин».

- Трубецкой Б. Молдавское пушкиноведение сегодня. — Кодры, 1974, № 5, с. 136—140.
- Трубецкой Б. Пушкин и Молдавия. — Коммунист Молдавии, 1974, № 6, с. 38—42.
- Тухарели Дмитрий. Неисчерпаемый родник. — Лит. Грузия, 1974, № 9, с. 65—67.

Изучение творчества Пушкина в Грузии.

- Тынянов Юрий. Пушкин. Подгот. текста В. Каверина и Е. Тоддеса. Примеч. Б. Костелянца. Ил.: Л. Овсянников. Л., «Худож. лит.», 1974, 584 с. с ил.
- Устюжанин Д. Л. Маленькие трагедии А. С. Пушкина. М., «Худож. лит.», 1974, 95 с. (Массовая ист.-лит. б-ка).
- Устюжанин Дмитрий Леонидович. «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1974, 16 с. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина).
- Фадеева Н. А. А. С. Пушкин и Тверской край. Библиографический указатель. Калинин, 1974, 35 с. (Калининская обл. б-ка им. А. М. Горького. Библиогр. отд.).
- Февральский А. Брюсов о Пушкине. — Вопр. лит., 1974, № 1, с. 317—319.

Вступительная заметка и публикация в записи Февральского лекции Брюсова, прочитанной в 1918 г. слушателям Социалистической академии общественных наук.

- Февчук Л. П. Семья и современники Пушкина в альбоме Наталии Николаевны Пушкиной. — В кн.: Музейное дело в СССР. М., «Сов. Россия», 1974, с. 178—196. (М-во культуры СССР).
- Фридлиндер Г. Пушкин-драматург. — В кн.: Пушкин А. С. Драматические произведения. М., «Худож. лит.», 1974, с. 3—21. (Нар. б-ка).
- Холщевников В. Е. Инструкция к составлению словаря рифм А. С. Пушкина. Л., 1974, 16 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
- Цявловская Т. Г., Тархов А. Наша первая любовь. Диалог о пушкинской музе. — В мире книг, 1974, № 2, с. 84—86.
- Чикин Борис. «...И дум высокое стремленье». — Молодой коммунист, 1974, № 6, с. 74—77.
- Чичикина Нина. О Пушкине, журналисте и редакторе. — Журналист, 1974, № 6, с. 58.

Рец. на кн.: Станько А. Пушкин — журналист и редактор. Ростов н/Д., 1973.

- Шагинян Мариэтта. Собрание сочинений. В 9-ти т. Т. 7. Статьи. 1917—1973. М., «Худож. лит.», 1974, 663 с.

Стр. 9—21: «Три речи о Пушкине» [впервые: Красная новь, 1937, № 1, с. 105—110]. Стр. 20—30: «О языке Пушкина» [впервые: там же, № 2, с. 240—245].

- Шарипов Д. Пушкин в переводе на узбекский язык. — Звезда Востока, 1974, № 7, с. 142—145.

- Шаров А. Волшебники приходят к людям. Книга о сказке и о сказочниках. Рис. Н. Гольц. М., «Дет. лит.», 1974, 304 с.

Стр. 144—187: Гл. 8. Пушкин и сказка.

- Шумит Арагва предо мною... 175 лет со дня рождения А. С. Пушкина. Сборник. Тбилиси, «Мерани», 1974, 151 с. с ил. и карт.

Сост.: В. Шадури.

Содерж.: А. С. Пушкин в Грузии. — Грузия в творчестве великого поэта. — Грузинские деятели о русском гении. — Пушкинские дни в дореволюционной Грузии. — Пушкинские торжества в Советской Грузии. — Грузинские поэты А. С. Пушкину. — Источники и примечания.

Рец.:

- Брудный Дм. Пушкин и Грузия. — В мире книг, 1975, № 6, с. 65—66.

Шутой В. Если проверить примечания... — *Вопр. лит.*, 1974, № 10, с. 178—185.

Анализ примечаний в поэме Пушкина «Полтава».

Шутой В. Е. Историзм «Полтавы» А. С. Пушкина. — *Вопр. истории*, 1974, № 12, с. 114—126.

Эйдельман Н. «... Страна печальная, гористая, влажная...». — *Вокруг света*, 1974, № 6, с. 58—61.

Заметки Пушкина при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.

Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., «Худож. лит.», 1974, 360 с.

Стр. 147—156: «Увлечение прозой Пушкина. Толстой и Пушкин. Зинаида Вольская и Анна Каренина».

Эстетические взгляды писателей и художественное творчество. Краснодар, 1974, 172 с. (Науч. труды Кубанского гос. ун-та, вып. 183).

Стр. 35—46: И. В. Уварова. К вопросу об эстетических взглядах А. С. Пушкина в лицейские годы. Стр. 48—60: Л. А. Степанов. Пушкин и жанр шутливой поэмы. Стр. 61—77: Л. А. Степанов. Пушкин о комедии.

Янко Дмитрий Григорьевич. Памятник А. С. Пушкину в Киеве. Statue de A. Pouchkine à Kiev. Фоторассказ о памятнике гениальному русскому поэту А. С. Пушкину в Киеве [скульптора А. А. Ковалева]. Киев, «Мистецтво», 1974, 23 с. с ил.

Текст параллельно на рус. и франц. яз.

Журналы юбилейного года

Аврора, 1974, № 6.

Стр. 58—59, 3-я с. обл.: И. Мямлин. Вдохновенные Пушкиным. Стр. 60—67: В. Соловьев. О Моцарте и Сальери. Стр. 72—76: Г. Парчевский, О. Пини. Хранитель Лукоморья [С. С. Гейченко].

В мире книг, 1974, № 6.

Стр. 3—7: Б. Мейлах. Вечный спутник. Стр. 8: М. Луконин. Великому поэту посвящается. Стр. 9—10: Издательства — юбилею; А. Попов. На берегах Невы; Г. Чернобрисов. Истоки вдохновения; П. Заричанский. «Я жил тогда в Одессе...»; А. Павлов. Пушкинское Болдино; А. Ильин. Под сенью рощ. Стр. 26: А. Тархов. Эссе к пушкинской строке. Стр. 45—46: А. Гессен. «Весь день я с ними...». Стр. 47: Н. Сикорский. Пушкиниана Гессена. Стр. 77: В. Сажин. Ремесло, равное с прочими. Стр. 78—79: З. Афанасьева, С. Балашова. Одиссея лицейской библиотеки. Стр. 80—81: Книговед. Книговедческое обозрение. Стр. 82—83: В. Панкратов. «Твой образ был на нем означен...». Стр. 84—85: Мойка, 12. Фоторепортаж Б. Левицкого.

Вестник Московского университета. Сер. 10. Филология, 1974, № 3.

Стр. 3—9: В. И. Кулешов. Вместе с Пушкиным (заметки о некоторых проблемах изучения). Стр. 10—19: Н. И. Михайлова. Повествовательная структура «Пиковой дамы». (К изучению типов повествования в прозе А. С. Пушкина).

Вопросы и ответы, 1974, № 6.

Стр. 49—57: И. Гладыш. «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...». (К 175-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина). Стр. 58—64: Г. Галин. Поиски и находки новых материалов о А. С. Пушкине.

Вопросы литературы, 1974, № 6.

Стр. 3—34: «Величайшая гордость наша». [Ответы писателей и деятелей искусства на анкету редакции журнала «Вопросы литературы»]. Стр. 35—69: Г. Макогоненко. «Самостоянье человека залог величия его...». (Заметки о пушкинском реализме). Стр. 70—115:

С. М а ш и н с к и й. Гармония слова и мысли. [Литературно-критическая деятельность Пушкина]. Стр. 193—213: Н. Эйдельман. Южные декабристы и Пушкин. (По новым материалам). Стр. 315—318: М. Альтман. В орбите Пушкина. (Заметки литературоведа).

Д а л ь н и й В о с т о к, 1974, № 6.

Стр. 3—4: «Наш Пушкин». Стр. 131—138: М. Сергеев. Перо Пушкина. Стр. 139—142: Э. Осипова. Наша пушкиниана (издания А. С. Пушкина в редком фонде Хабаровской краевой научной библиотеки).

Д е т с к а я л и т е р а т у р а, 1974, № 5.

Стр. 35—38: В. Кантор. Пушкин о назначении поэзии. Стр. 64—67: А. Крейн. Прикосновение к Пушкинскому началу [Кузьмин — иллюстратор Пушкина в книге А. М. Пистуновой «Прикасаясь к книге» (М., 1973)].

Д е т с к а я л и т е р а т у р а, 1974, № 6.

Содерж.: Д. Благой. «У нас все ведь от Пушкина». — С. Коваленко. «Всемирная отзывчивость». — В. Непомнящий. «Ребенком будучи...». — В. Сквозников. «Бесконечна, как жизнь». — Б. Марьянов. Прочтите у Пушкина. — Говорят писатели и поэты [С. Баруздин, И. Абашидзе и др.]. — А. Ахматова. Пушкин и дети. — А. Марченко. «Не просто факты, но их осмысление!». — Н. Грановская. Рисунок Пушкина. — Л. Кузьмина. Лицейская библиотека. — Н. Малютина. Что открыл мне Пушкин... — З. Афанасьева. Музей в миниатюре. — Н. Старосельцева. Страницы прошлого. — П. Овчарова. Дорога к пониманию. — А. Каменский. «Кубок, наполненный страстями». — Г. Кузнецова. Как появились сказки с картинками. — Ю. Герчук. От Бовы к царю Салтану. — Д. Шмаринов. Глазами зрелости. — Ф. Константинов. Самая гениальная поэма. — Т. Маврина. От «Лукоморья» до «Медведихи». — Н. Кузьмин. Понравилось бы Пушкину? — А. Иткин. Определенный ясный образ. — В. Конашевич. Из писем С. Алянскому. — В. Кочупалов. «Души прекрасные порывы». — Л. Громова. «За морями, за долами». — Хроника.

Д о н, 1974, № 6.

Стр. 176—177: Л. Февчук. Великий образ [Пушкин в творчестве скульптора М. К. Аникушина]. Стр. 177—181: Я. Левкович. В. А. Жуковский о дуэли и смерти Пушкина. Стр. 181—182: Т. Ликумович. Внучка Пушкина. [Н. А. Воронцова-Вельяминова].

Д р у ж б а н а р о д о в, 1974, № 6.

Стр. 3—7: И. Абашидзе. Думая о Пушкине. Стр. 12—15: Д. Кугультинов. Излучающий свет.

З в е з д а, 1974, № 6.

Содерж.: А. С. Пушкин. Я памятник себе воздвиг нерукотворный; Бессмертное имя — Пушкин; Размышления о поэте: Л. Успенский. Слава России; Е. Моряков. Живой как жизнь; В. Кузнецов. Перед лицом поэта. — Я. Гордин. Годы борьбы. Документальная повесть; [Стихи Н. Брауна, Л. Озерова, Л. Мартынова, Г. Некрасова, В. Азарова, П. Любаева]; Вс. Рождественский. Болдинская осень; Б. Бурсов. Судьба Пушкина. Кн. I. Ч. 1. — Публицистика. Ю. Алянский. В комнате № 14; С. Фомичев. Пушкинский Дом. — Разыскания, исследования. Н. Малеванов. Прадед поэта; М. Максимов [М. Гиллельсон]. Свидетельства друга; Я. Левкович. По неизвестным письмам. [О перепишке родителей с сестрой Пушкина]; С. Абрамович. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым; М. Ромм. Неизвестные строки Пушкина; Л. Яновская. Михаил Булгаков: из черновых тетрадей пьесы «Александр Пушкин»; Н. Я. Эйдельман. «А в ненастные дни»... — Критика. Ю. Петровский. Пушкин и Достоевский. — Литературное обозрение. С. Лурье. Десять тысяч «однажды» (А. Гессен. Жизнь поэта; «Рифма, звучная подруга»);

А. Данина. «Душой исполненный полет». (Ю. Слонимский. Балетные строки Пушкина); А. Титов. По страницам пушкинской биографии («Временник Пушкинской комиссии. 1970»; «Временник Пушкинской комиссии. 1971»); А. Урбан. Пушкиниана «Звезды».

Знание — сила, 1974, № 6.

Стр. 26—27: Г. Курочкина. Дети рисуют [о художественной выставке «Пушкин глазами детей» в Москве, 1973 г.]. Стр. 27—30: В. Рецеттер. «И бездны мрачной на краю...» (Рецетируя «Мопарта и Сальери»). Стр. 31: Е. Кончин. Последний портрет [о портрете Пушкина работы И. Л. Линева, 1836 г.].

Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1974, т. 33, № 3.

Содерж.: В. Д. Левин. О стиле «Медного всадника»; А. Д. Григорьева. «Мне не спится...». (К вопросу о поэтической традиции); Е. А. Маймин. О теме свободы в романтической лирике Пушкина; С. М. Громбах. Примечания Пушкина к «Евгению Онегину»; Э. В. Слинниа. Лирическая композиция стихотворения А. С. Пушкина «К морю»; Н. В. Фридман. Песня Мери; Н. В. Измайлов. Академическое издание сочинений Пушкина; М. Ф. Мурьянов. Б. Л. Модзалевский (1874—1928). — Материалы и сообщения. Л. И. Вольперт. Польско-русский эпизод «Фобласа» и пугачевская тема у Пушкина; В. В. Одинцов. Принципы построения пушкинского диалога. — Обзоры и рецензии. В. А. Сайтанов. Пушкин в современной Англии. — Хроника. А. З. Крейн, Н. Г. Винокур, Е. В. Павлова. В Московском музее Пушкина.

Кодры, 1974, № 7.

Стр. 114—119: А. Лупан. «Здесь лирой северной...». Стр. 120—133: С. Рыбак. Михайловское лукоморье. Стр. 134—136: Е. Двойченко-Маркова. Отклики на смерть Пушкина в Молдавии и Валахии.

Корреспондент, 1974, № 6.

Стр. 38—39: А. В. Западов. Журналистская деятельность А. С. Пушкина. Стр. 40: Ю. Гласс, Вяч. Костыря. «Слух обо мне пройдет...» [юбилей 1899 г. в Туркестане]. Стр. 41: Е. Винокуров. Дон Кихот и Татьяна [первые: Вопр. лит., 1974, № 1].

Литература в школе, 1974, № 1.

Стр. 5—10: Вл. Гусев. О стиле прозы Пушкина. Стр. 62—65: З. И. Нестеренко. Пушкинский клуб в школе. Стр. 92: К 100-летию постановки оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов».

Литература в школе, 1974, № 2.

Содерж.: Н. И. Кудряшев. Школа поэзии Пушкина; М. Лазукова. Время в романе «Евгений Онегин»; Д. Устюжанин. «Драматический поэт, беспристрастный, как судьба...»; Е. Маймин. «К морю». Стихотворение Пушкина; Т. С. Веселова. Тема мятежного народа и фольклор на уроках по повести «Капитанская дочка»; Н. Петропавловская. Рисунки Пушкина на занятиях в старших классах; В. С. Гречинская. Использование иллюстраций при изучении романа «Евгений Онегин»; И. М. Лурье. Уроки внеклассного чтения о Пушкине в V—VI классах; А. Княжицкий. Пушкинский юбилей в школе; Стихи поэтов нашей Родины о Пушкине; Л. Пономарева. Пушкинский музей в сельской школе; Вс. Сахаров. Постигая Пушкина; В. Коровин. Новая книга в «Библиотеке словесника» [рец. на кн.: Петров С. М. А. С. Пушкин. М., 1973]; В. Зайцев. Русские поэты-переводчики; Е. Н. Дрыжакова. Пушкин в изданиях для школьников; В. Литвинов. Новинки детской литературы; Новые книги по литературоведению и методике. По страницам журналов; Н. А. Римский-Корсаков; Рисунки поэта.

Литература в школе, 1974, № 3.

Стр. 14—17: Н. Я. Соловей. «Арион». Стихотворение Пушкина. Стр. 17—19: В. Камянов. «Обвал». Стихотворение Пушкина.

Стр. 54—59: И. И. Славина, Т. С. Мишина. «... Обретает сердце пищу...». Стр. 59—61: Л. Ф. Архипова. Школьный кабинет А. С. Пушкина. Стр. 66—69: Г. Беленький. «Выдумал» ли Пушкин Гринева? (Ответ на вопрос читателя). Стр. 69: Учебные фильмы и диафильмы о Пушкине.

Литература в школе, 1974, № 4.

Стр. 7—14: М. В. Иванов. Пушкин и Радищев. Стр. 70—73: И. Л. Попелюхер. «Пушкин всегда вместе с нами...» [Пушкинский музей в одесской школе № 29].

Литература в школе, 1974, № 5.

Стр. 61—63: Л. А. Щербина. «Итак, я жил тогда в Одессе...». Стр. 64—67: Е. И. Бушина. Всероссийский праздник юных пушкинистов. Стр. 68—70: Л. К. Балясная. Радость общения с прекрасным. (К итогам пушкинского года в школе).

Литературная Армения, 1974, № 6.

Стр. 76—84: С. Даронян. Приемный сын Кавказа. Пушкин и армянская действительность 30—60-х годов XIX века. Стр. 85—96: С. Гулакян. «Говорит армянское преданье». К вопросу об источниках поэмы А. С. Пушкина «Гавриилиада».

Статья С. Гулакян содержит полезные данные о дополнительных списках древнеармянского источника «Гавриилиады», установленного М. Ф. Мурьяновым («Временник Пушкинской комиссии», 1971, с. 73—80). К сожалению, С. Гулакян, критик и переводчик новой армянской литературы, пересказывает содержание работы медиависта М. Ф. Мурьянова от своего имени, а статью филолога-классика С. Лурье она называет «основательно забытой» (!). Развернутую версию своей статьи С. Гулакян опубликовала в сборнике «Пушкин и литература народов Советского Союза» (Ереван, 1975, с. 383—401), куда вошли доклады проходившей в Ереване XXII Пушкинской конференции (1972), на которой она не выступала. В то время статья М. Ф. Мурьянова, находившаяся в печати, была сообщена армянским коллегам для обещанного ими рецензирования. (Ред.).

Литературная Грузия, 1974, № 6.

Стр. 83—89: Ван Шадурц. Пушкин и грузинская литература. Стр. 90—95: Тенгиз Гамкредидзе. Пушкинский перевал. Очерк.

Литературное обозрение, 1974, № 6.

Стр. 3—4: Мирзо Турсун-заде. Великий спутник. Стр. 4—6: Вс. Роджественский. Пушкин, наш современник. Стр. 7—8: В. Цыбин. О самом дорогом. Стр. 8—9: П. Бощу. Всенародная тропа.

Литературный Азербайджан, 1974, № 5.

Стр. 63—66: А. Рошаль. Пушкин на страницах ленинской «Искры». Стр. 67—75: М. Садыхов. «Судьба соединила нас...» [азербайджанская тематика в творчестве Пушкина]. Стр. 76—78: Т. Султанов. «Онегина имя знакомо тебе...» [переводы Пушкина на азерб. яз.].

Литературный Киргизстан, 1974, № 3.

Стр. 24—36: Солнце нашей поэзии. (К 175-летию со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина). [Статьи и высказывания киргизских писателей:] Т. Сыдыкбеков. Пушкин вошел в жизнь и быт нашего народа. — Ч. Айтматов. Кто полюбит Пушкина, тот полюбит и русский язык. — Т. Уметалиев. Дорог по-прежнему и больше прежнего. — К. Маликов. Наш первый наставник, наш современник. — С. Джусуев. Горжусь пушкинским гением. — С. Абдыкадырова. Простота, краткость, выразительность. [Стихи о Пушкине]. — Пушкин в киргизских переводах. (Из хроники).

Москва, 1974, № 6.

Стр. 5—6: Н. Тихонов. Торжество гения. К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Стр. 71: М. Пришвин. О «Медном всад-

- нике». Из дневниковых записей. Стр. 200—208: П. Палиевский. Пушкин и выбор русской литературой мировой дороги.
- Н а р о д ы А з и и в А ф р и к и, 1974, № 6.
Стр. 126—134: Д. И. Белкин. А. С. Пушкин и китаевед о. Иакинф (Н. Я. Бичурин). Стр. 225—228: Д. Б. Исаков. Творчество А. С. Пушкина в странах зарубежного Востока. (Научная конференция в ИВ АН СССР).
- Н а у к а и ж и з н ь, 1974, № 6.
Стр. 45—50: Н. Эйдельман. «Удивительному Александру Сергеевичу...» [полностью воспоминания П. В. Нащокина см.: Прометей, № 10]. Стр. 51—54: А. Шнейдер, Н. Жуковская. Дело об автографах А. С. Пушкина. Стр. 55—57: В. Виргинский. «И суша, и море, и огонь тебе послушны...». А. С. Пушкин о судьбах современной ему науки и техники.
- Н а у к а и р е л и г и я, 1974, № 6.
Стр. 76—83: Б. Марьянов. «Два года незаметных...». Стр. 84—89: А. Шамаро. Святогорский монастырь. Стр. 90—91: С. Коваленко. «Как солнце в малой капле вод...».
- Н а у ч н ы е д о к л а д ы в ы с ш е й ш к о л ы. Филологические науки, 1974, № 3.
Стр. 21—29: С. М. Шварцбаид. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина. (Художественная структура и художественная целесообразность образа литературного автора). Стр. 30—34: И. С. Ильинская. Элегическая лексика в поэзии Пушкина. Стр. 73—74: С. А. Рейсер. К чтению 6-го стиха 33-й строфы 2-й главы «Евгения Онегина» [отзыв: А. И. Моисеев. Как читался 6-й стих 33-й строфы 2-й главы «Евгения Онегина» (И русский Н как N французский)? — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1975, № 2, с. 90—91].
- Н е в а, 1974, № 5.
Стр. 178—188: Г. П. Макогоненко. «...Счастье есть лучший университет». Полемиические заметки об изучении любовной лирики Пушкина. Стр. 189—195: С. Абрамович. К истории дуэли Пушкина. Стр. 219: И. Федоров. В роду Пушкиных.
- Н е в а, 1974, № 6.
Стр. 3—4: [Стихи Вс. Рождественского, А. Алдан-Семенова, И. Михайлова]. Стр. 5—83: Б. Мейлах. Страницы из жизни Пушкина. [Фрагменты из книги «Жизнь Александра Пушкина»]. Стр. 187—192: Р. Е. Терехина. Фонд А. С. Пушкина в Пушкинском Доме. Стр. 193—196: М. Руденская. Лицей откроется вновь. Стр. 199—200: С. Кара. За пушкинскую строкой. [Рец. на кн.: Ю. Слонимский. Балетные спроки Пушкина. Л., «Искусство», 1974]. Стр. 209—210: М. Яшин. Об одном рисунке Пушкина.
- Н е м а н, 1974, № 6.
Стр. 163—167: О. Лойко. Его живые ветви. К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина. [Влияние Пушкина на белорусскую литературу]. Стр. 185—187: Н. Гурина. «...Как с братом брат» [Пушкин и Мицкевич]. Стр. 187—188: Т. Лиюкумович. Пушкин в Могилеве. Стр. 188—189: А. Дитлов. Вас ждет Маркучай. Стр. 190—191: Г. Леонтьев. Дела давно минувших дней. [По поводу статьи М. Гарриса «Пушкинский уголок» («Баян», 1914, № 7—8)].
- Н о в ы й м и р, 1974, № 6.
Стр. 221—232: Б. Мейлах. Великий новатор. Стр. 233—247: Д. Благой. Главаю непокорной. Стр. 248—266: В. Непомнящий. «Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный...». О некоторых современных толкованиях Пушкина.
- О г о н е к, 1974, № 23.
Стр. 1, 8—9: Николай Скатов. Праздник Пушкина. Стр. 10—11: В. С. Виргинский. И в просвещении статья с веком наравне. [Пушкин и наука его времени]. Стр. 12—13: Н. Волович. Края Москвы, края родные. Стр. 13: В. Енишерлов. Вельяшева, мною некогда

воспетая [впервые публикуется фото Вельяшевой]. Стр. 14—15: Евгения Гаврилова. Память о краткой дружбе [Пушкин и К. Брюлов]. Стр. 16: С. Калинин. Как породнились Пушкин и Гоголь; Ю. Гласс, Вяч. Костыря. Не зарастет народная тропа. Стр. 17: Б. Щербаков. Михайловское; В. Крамова. Драгоценные экспонаты [Всесоюзного музея Пушкина]. Стр. 22: С. Абрамович. В этом доме 29 января 1837 года... [история появления мраморной доски на доме, где умер Пушкин]; Лена Васильева. Он бессмертен. Стр. 31: Н. Толченова. Сплю и вижу приехать в Болдино.

Октябрь, 1974, № 6.

Стр. 197—200: К. Кулиев. Певец свободы и света. Стр. 201—205: М. Дудин. Здесь Пушкиным все дышит и живет... [Пушкинский заповедник].

Памир, 1974, № 6.

Стр. 3—5: М. Каноат. Школа Пушкина. К 175-летию со дня рождения поэта. Стр. 5, 29: [М. Миршакар, Б. Сирус о Пушкине]. Стр. 74—75: Х. Мирзо-заде. «И назовет меня всяк сущий в ней язык» [переводы Пушкина на таджикский язык].

Простор, 1974, № 6.

Стр. 100—105: Вс. Рождественский. Болдинская осень. Рассказ. Стр. 106—108: Н. Ивлев. Верненцы — Пушкину. Стр. 109—110: Риман Камысов, Беркут Искаков. Пушкин и казахская литература.

Русская литература, 1974, № 2.

Стр. 32—42: Б. С. Мейлах. Задачи и принципы создания «Пушкинской энциклопедии». Стр. 43—53: С. А. Фомичев. О лирике Пушкина. Стр. 54—73: С. Л. Абрамович. К вопросу о становлении повествовательной прозы Пушкина. (Почему остался незавершенным «Арап Петра Великого»). Стр. 121—130: М. И. Гиллельсон. Проблема «Россия и Запад» в отзывах писателей пушкинского круга. Стр. 131—133: Р. Г. Скрынников. Борис Годунов и предки Пушкина.

Русская литература, 1974, № 3.

Стр. 144—151: Н. В. Измайлов. Борис Львович Модзалевский. (1874—1928). Стр. 182—195: Н. Н. Петрунина. «История Пугачева». От замысла к воплощению. Стр. 196—199: М. С. Альтман. Из наблюдений над поэтикой Пушкина.

Русская литература, 1974, № 4.

Стр. 163—177: Р. В. Иезуитова. Лирика Пушкина в современных советских исследованиях (1958—1973). Стр. 178—188: В. Шоптеряну. «Евгений Онегин» в румынских переводах. Стр. 213—218: О. А. Пини. Двадцать третья Пушкинская конференция [Ленинград, 1974 г.].

Русская речь, 1974, № 2.

Стр. 141—143: В. В. Одинцов. Читая Пушкина. Стр. 143—147: Е. П. Ходакова. Пушкинские каламбуры.

Русская речь, 1974, № 3.

Стр. 25—33: И. Б. Голуб. О звукописи произведений А. С. Пушкина. Стр. 34—39: Л. М. Шелгунова. Язык пушкинских персонажей. Стр. 40—48: Е. П. Ходакова. Словесная шутка. Стр. 49—55: В. А. Плотникова. Из наблюдений над рукописями А. С. Пушкина.

Русская речь, 1974, № 4.

Стр. 33—42: В. Одинцов. Кто автор [о работах В. В. Виноградова по атрибуции пушкинских статей в «Литературной газете» 1830—1831 гг.]. Стр. 43—50: В. А. Плотникова. Безумных лет угасшее веселье... Из наблюдений над рукописями Пушкина. Стр. 51—56: И. С. Ильинская. Незнакомые знакомцы. [Семантика некоторых слов пушкинского языка]. Стр. 56—58: А. И. Журавлева. Читая Пушкина. Стр. 59—63: Н. И. Михайлова. Заметки о прозе Пушкина. Стр. 89—92: Н. Н. Иванова. Отзвуки стиля Пушкина

в поэзии наших дней. Стр. 137—144: Н. Д. Молдавская. Поэтическая речь в восприятии читателей-школьников. [Анализ стихотворения «Коварность»].

Русский язык в армянской школе, 1974, № 3.

Стр. 47—52: Е. П. Тиханчева. Александр Сергеевич Пушкин.

Стр. 52: Издано на армянском языке. Стр. 53—56: Армянские писатели о А. С. Пушкине [А. Исаакян, О. Туманян, А. Цатурян и др.].

Русский язык в казахской школе, 1974, № 6.

Стр. 3—9: Т. М. Мадзигон. Поэт действительности. К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Стр. 10—22: Д. Н. Николич. Пушкинские дни в казахской школе.

Русский язык в киргизской школе, 1974, № 3.

Содерж.: Наш Пушкин; Курман-Гали Каракеев. Открытие нового мира; С. Бекмуратова. С Пушкиным — всю жизнь; С. Козубаева. Родной и близкий; К. Тюменбаев. Читая Пушкина; А. Конурбаев. Он был храбрым, мужественным человеком; С. Абытов. Радостные встречи; Г. Сыдыкова, А. Джаныбеков. Любимые сказки; Т. Акымбаева. Вечно живой. — Опыт учителя. Т. И. Суворова. «Я гимны прежние пою...». (К уроку по стихотворению Пушкина «Арион»); Н. Г. Каменецкая. Изобразительные материалы к роману «Евгений Онегин» в VIII классе; А. Г. Шалева. «Чистейшей прелести чистейший образец». (В школьном Пушкинском музее); Р. Г. Музипов. Начиная с Пушкина-сказочника... (Из опыта факультативных занятий по детской литературе). — Методика. К. Х. Джидеева. Размышляя над поэтической строкой. (Переводы произведений Пушкина на киргизский язык в работе учителя-русиста); З. С. Смелкова. О работе над текстом романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». — Научно-популярный отдел. Л. А. Шейман. К истории опубликования некрологических статей о Пушкине. — Книжная полка. Л. А. Ильина. Сердце, открытое миру; А. И. Боров. Иллюстрации к киргизским изданиям Пушкина.

Русский язык в киргизской школе, 1974, № 4.

Стр. 4—6: В. И. Бутримова. Первые шаги на пути к «Памятнику». Стр. 17—19: З. С. Смелкова. О работе над текстом романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Стр. 23—29: Л. А. Шейман. К истории опубликования некрологических статей о Пушкине [начало: Рус. яз. в кирг. школе, 1974, № 3].

Русский язык в школе, 1974, № 3.

Стр. 3—7: Л. А. Гладышева. Пушкинские строки в языке современности. Стр. 8—10: Н. М. Шанский. Об одном многозначном слове у Пушкина, Лермонтова и Блока [слово *риза*]. Стр. 10—12: Н. Н. Иванова. «Поэтический бокал» Пушкина и традиция стихотворной речи.

Советские архивы, 1974, № 5.

Стр. 82—85: С. Б. Филимонов. Материалы о А. С. Пушкине в фонде Московской краеведческой организации. Стр. 85—88: Г. В. Чичерин о А. С. Пушкине и А. М. Горчакове. [Отрывки из неопубликованной рукописи «Исторический очерк дипломатической деятельности А. М. Горчакова, обнаруженной в ЦГИА СССР. Публик. И. Ф. Ковалева». Стр. 118: Н. К. Ткачева. Вечер памяти А. С. Пушкина, [посвященный изучению документов о Пушкине в ЦГАДА].

Театр, 1974, № 6.

Стр. 3—74: А. С. Пушкин. 1799—1974. Духовной жаждою томим...; В. Непомнящий. «Наименее понятый жанр». Заметки о духовных истоках драматургии Пушкина; Несколько строк: Борис Бабочкин, Александр Борисов, Татьяна Вечеслова и др.; О. Фельдман. Пушкинская теория театра; Л. Бубенникова. Движение замысла [работа Мейерхольда и Прокофьева над «Борисом Годуновым»];

М. Кнебель. Семестр «Маленьких трагедий»; Я. Смоленский. Партитура ритма. От ремарки к мизансцене в «Маленьких трагедиях»; Е. Дубнова. Поэтическая композиция [В. Яхонтова, В. Маратова, Д. Журавлева и др.]; Театральное окружение Пушкина. Е. Пульхритудова. Пушкин — герой драмы.

Художник, 1974, № 6.

Стр. 2: Е. Павлова. Советская пушкиниана. Стр. 3—4: Л. Певзнер. Наш современник [образ Пушкина в советской скульптуре].

Юность, 1974, № 6.

Стр. 52—59: Ю. Карякин. Лицей, который не кончается... [композиция «А. С. Пушкин. „19 октября“»]. Стр. 60—62: П. Бунин. Гений добра. Стр. 63—66: В. Турбин. Без междометий и местоимений или историко-литературная новелла о том, как поэт Пушкин внял голосу хирурга Ферша [заметка Ферша об анчаре, напечатанная в «Благонамеренном», как предполагаемый источник «Анчара»].

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

ТРИ ЗАМЕТКИ К ПУШКИНСКИМ ТЕКСТАМ

1

В «Романе в письмах» содержится часто цитируемое рассуждение о «Клариссе» Ричардсона. В третьем письме Лизы Саше читаем: «Надобно жить в деревне, чтоб иметь возможность прочесть хваленую Клариссу. Я благословясь начала с предисловия переводчика и увидя в нем уверение, что хотя первые 6 частей скучненьки, зато последние 6 в полной мере вознаградят терпение читателя, храбро принялась за дело. Читаю том, другой, третий, — наконец добралась до шестого, — скучно, мочи нет. Ну, думала я, теперь буду я награждена за труд. Что же? Читаю смерть Клар^{иссы}, смерть Ловла^{са}, и конец. Каждый т.^{ом} заключал в себе 2 части, и я не заметила перехода от 6 скучных к 6 занимательным» (VIII, 1, 47).

Процитированный отрывок обычно трактуется как плод художественной фантазии Пушкина. На самом деле перед нами отсылка к вполне точному историко-литературному факту и определенным биографическим обстоятельствам автора. Установление их не только позволяет точнее, чем это делалось до сих пор, прокомментировать пушкинские строки, но и ведет нас к пониманию некоторых сторон творческого процесса у Пушкина.

Многотомное издание «Клариссы Гарлоу», переплетенное по две книги в каждом томе, действительно существовало и было прекрасно известно Пушкину. В составленном Б. Л. Модзалевским списке книг библиотеки села Тригорского читаем: «Lettres angloises, ou Histoire de Miss Clarisse Harlove. Nouvelle édition. . ., Paris, 1777. 14 томов в 7 переплетах, со многими гравированными картинками. [Перевод абб. Prévost]. На чистом, после переплетной крышки, листке в т. I находится женский поясной портрет в профиль, с накинутой на плечи шалью; рисован он несомненно *Пушкиным* (срв. его черновые тетради и рисунки, воспроизведенные в Альбомах Пушкинских выставок, и письмо к брату в ноябре 1824 г.)».¹

«Предисловие переводчика», о котором пишет пушкинская Лиза, также обретает вещественную реальность. Это предисловие Прево, где читаем: «Конечно в первых пяти-шести <томах> не следует ожидать живейшего ин-

¹ Модзалевский Б. Л. Поездка в село Тригорское. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. I. СПб., 1903, с. 26—27.

тереса <...> Нельзя требовать, чтобы огонь пылал, если его не разожгли. Но в конце концов жар делается чувствительным на каждой странице».²

Даже ошибка — шесть томов вместо семи, — вероятно, имеет фактическое объяснение: во французском издании, бывшем в руках Пушкина, «Кларисса» занимает не 14, а 13 томов; последний же, четырнадцатый том представляет собой дополнения издателя. Так что в памяти Пушкина могло задержаться представление о том, что роман кончается не в конце седьмой книги, а раньше.

Пушкин прочел «Клариссу» в Михайловском, причем пользовался экземпляром из тригорской библиотеки. Это удостоверяется не только рисунком на книге, но и словами в письме к брату Льву, написанном в 20-х числах ноября 1824 г.: «Читаю Кларису, мочи нет какая скучная дура!» (XIII, 123). Бросается в глаза близость выражений в пушкинском письме к брату и письме Лизы из «Романа в письмах». Последнее не случайно: известно, какое существенное значение получил для Пушкина обобщенный образ русской провинциальной барышни, художественный тип, наделенный глубоким социально-культурным содержанием. Образ этот, в основу которого легли определенные историко-культурные обобщения, одновременно окрашивался в тона личных наблюдений, в которых особенную роль играли впечатления от общения с женским обществом Тригорского. Библиотека Тригорского и умственный кругозор тригорских барышень становились для Пушкина эталонами определенного женского типа. Показательно, что Пушкин счел возможным наделить этот тип и некоторыми сторонами собственных воззрений.

2

Отрывок, известный под заглавием «Заметка о „Графе Нулине“», обрывается на несколько загадочной фразе: «Бывают странные сближения» (XI, 188). Смысл ее, возможно, несколько прояснится, если мы учтем, что в данном случае перед нами реминисценция из одного из писем Л. Стерна (цитируем по французскому переводу, которым пользовался Пушкин): «Мелкие события, Санчо, сближаются столь же странно, как и великие».³ Это — ответ на письмо негра Игнаса Санчо. Характерно, что именно мыслью о возможности странных сближений не только в мире исторических событий, но и в обстоятельствах жизни отдельного человека это письмо — почти одновременно с Пушкиным — привлекло внимание Байрона, который записал 5 ноября 1821 г.: «„В мелочах нашей жизни, Санчо, бывают порой странные совпадения“, — говорит Стерн в каком-то из писем (если не ошибаюсь), и у меня часто оказывалось именно так».⁴

² «Ce n'est pas dans les cinq ou six premières qu'il faut s'attendre à trouver un intérêt fort vif <...> On ne demande pas qu'un feu brûle, s'il n'est allumé. Mais ensuite la chaleur se fait sentir à chaque page» (Lettres anglaises, ou Histoire de Miss Clarisse Harlove <...> t. I. A Paris, 1777, p. 8).

³ «Les petits évènements, Sancho, coïncident aussi singulièrement que les grands» (Stern L. Oeuvres complètes traduites de l'anglais, t. III. A Paris, 1825, p. 480).

⁴ Байрон. Дневники. Письма. М., 1963, с. 277.

Вопрос о возможности «странных сближений» в сфере исторических событий был поставлен еще в античности. Сочинения Плутарха, которые, по словам И. Д. Якушкина, принадлежали к числу «настольных книг» людей его круга,⁵ были, конечно, известны и Пушкину. Между тем именно Плутарх обратил внимание на закон повторяемости по отношению не только к крупным историческим событиям, но и к частным их деталям: «Поскольку поток времени бесконечен, а судьба изменчива, не приходится, пожалуй, удивляться тому, что часто происходят сходные между собой события. Действительно, если количество основных частиц мироздания неограниченно велико, то в самом богатстве своего материала судьба находит щедрый источник для созидания подобий; если же, напротив, события сплетаются из ограниченного числа начальных частиц, то неизбежно должны по многу раз происходить сходные события, порожденные одними и теми же причинами». Иллюстрируя эту поразительную мысль, Плутарх, в частности, замечал: «Среди полководцев самыми воинственными, самыми хитроумными и решительными были одноглазые, а именно Филипп, Антигон, Ганнибал и, наконец, <...> Серторий».⁶ Современники Пушкина могли прибавить к этому списку Кутузова и Нельсона, пришедших Пушкину в 1826 г. на память одновременно как некоторая плутарховская пара:

Как наш Кутузов иль Нельсон.

(VI, 612)

«Странное сближение» Стерна состоит в следующем: Стерн писал трогательную историю негритянки и не успел еще осушить своих глаз, как ему принесли письмо незнакомого ему негра Санчо, посвященное положению черных. В том же духе «сближение» Байрона: он неожиданно встречает в Италии лорда Клэра, которого, хотя не видал уже много лет, вспомнил накануне в своем дневнике. Таким образом, речь идет о совпадении предмета размышлений и неизвестного еще события реальной жизни. Именно это хотел подчеркнуть Пушкин цитатой из Стерна: в ночь на 14 декабря 1825 г. он размышлял об исторических закономерностях и о том, что из-за сцепления случайностей великое событие может не произойти.

«Странными сближениями» и повторяемостью сцеплений «мелких» и «великих» событий, о чем писали Стерн и Плутарх, видимо, и объясняется постоянный интерес Пушкина к приметам.

⁵ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 20. Ср.: А му син И. Д. Пушкин и Тацит. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 6. М.—Л., 1941, с. 161; Грибоедов А. С. Полн. собр. соч., т. III. Пг., 1917, с. 496. Выписки Рыльева из Плутарха см.: Рязанцев Г. А. Выписки Рыльева из книг античных и западноевропейских писателей. — Литературное наследство, т. 59, М., 1954, с. 324.

⁶ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах, т. II. М., 1963, с. 268—269.

Источник «славной шутки г-жи де Сталь» (XI, 17) продолжает волновать пушкинистов. К высказанным интересным замечаниям⁷ можно было бы добавить еще одно: Пушкин мог опираться на устно переданный ему устный же разговор Жермены Сталь, прославленной мастерицы «увлекательного разговора высшей образованности» (VIII, 1, 151). О возможности этого указывает тот факт, что очень близкие мысли содержатся в записной книжке г-жи де Сталь, относящейся ко времени пребывания ее в России. В окончательный текст книги, по вполне понятным причинам, она их не внесла (вообще книга дает значительно более приглашенные оценки и впечатления). Сталь, оказавшись в Петербурге в десятилетнюю годовщину убийства Павла, была поражена тем, что все ее собеседники упорно молчали об этом событии, хотя, очевидно, постоянно о нем думали. Вообще ее поразило, что в России о самых волнующих людей проблемах предпочитают молчать. Это наблюдение породило цепь размышлений, приведших к высказываниям типа процитированного Пушкиным: «Преступления дворянства не вызывают такого ужаса в стране деспотической, как в стране свободной. Русские не имеют другой опоры против тирании жестокого владыки, кроме этого варварства. Дворянство у них — род кровавой конституции между тираническим владыкой и свирепым народом». «И тем не менее, — добавляет Сталь, — они не созданы для рабства»; и далее: «Они предпочитают менять человека, а не способ правления. Они желают сохранить за собой право наказывать монарха». Далее она называет угрозу убийства тирана «*Nabeas corpus* самодержавия».⁸

Жермена Сталь записала эти слова во время пребывания в Петербурге, где она постоянно встречалась с широким кругом собеседников. Оброненное ею *mot* могло дойти до Пушкина. Многие из собеседников Сталь в Петербурге 1812 г. встречались с Пушкиным в 1817—1820 гг.

Ю. М. Логман

НАДГРОБИЯ ПУШКИНЫХ В ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ

Генеалогия Пушкиных разработана на основании документальных данных, собиравшихся свыше тридцати лет, руководителем архивной службы Академии наук СССР членом-корреспондентом АН СССР Б. Л. Модзалевским.¹ М. О. Вегнер дополнил сведения о ближайших к поэту поколе-

⁷ См.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960 (по указателю); Вольперт Л. И. 1) Пушкин и м-м де Сталь. (К вопросу о политических взглядах Пушкина до восстания декабристов). — В кн.: Французский ежегодник. М., 1974; 2) Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975, с. 125—126.

⁸ *Les carnets de voyage de Madame de Staël. Contribution à la genèse de ses oeuvres.* Genève, 1971, p. 324—325.

¹ Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины. Родословная роспись. Л., 1932.

ниях, проследил генеалогию женских линий.² Вслед за этим в 1940-х годах академик С. Б. Веселовский глубоко проанализировал материал истории рода Пушкиных, показал за перечнем имен и дат живую картину нескольких столетий.³

Однако сведения о Пушкиных, похороненных в усыпальнице Псково-Печерского монастыря, по Тартускому договору 1920 г. отошедшего к буржуазной Эстонии, остались непроверенными. В настоящее время эпиграфический материал усыпальницы издан Институтом археологии АН СССР,⁴ но надписи, относящиеся к Пушкиным, не были здесь прокомментированы и сопоставлены с данными пушкиноведения. Цель настоящего сообщения — взаимная увязка «Родословной росписи» и археологического материала и оценка полученных результатов; при этом нами были использованы сведения, в августе 1975 г. полученные по запросу Рукописного отдела Пушкинского Дома от наместника монастыря архимандрита Гавриила.

Псково-Печерский монастырь возник возле Святой Горы, у подшвы которой стоит Успенский собор (1473), имеющий снаружи только фасадную стену; его внутренние помещения выкопаны в толще горы. В нее же уходит рядом с собором туннель с разветвлениями, общей длиной около 200 метров, представляющий собой усыпальницу; здесь же оборудован алтарь, где совершают заупокойную литургию.⁵ Для индивидуальных захоронений делались ниши, которые замуровывались керамическими плитами (керамидами) с рельефной надписью; их число доходило в конце прошлого века до 400. В настоящее время в доступных частях усыпальницы насчитывается 66 керамид старшего периода — второй половины XVI в., куда относятся все интересные нас погребения. Всего здесь было похоронено не менее семи Пушкиных, данные о которых приводятся ниже.

1. Сисой Пушкин, имеющий по «Родословной росписи» № 103, умер 25 IX 1558 — на месяц раньше, чем датируется самая древняя из ныне существующих керамид, закрывающая прах воина Ивана Федорова Чичачева, который «убьен бысть от немец» 28 X 1558.

2. Инок Симеон Васильев Пушкин, умер 24 I 1565. Его керамида тоже утрачена, но в конце XIX в. она стояла на своем месте,⁶ которое известно: «обратно направо, по длинной братской 5-й улице».⁷

² Вегнер М. О. Предки Пушкина. М., 1937.

³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 39—139 (глава «Род и предки А. С. Пушкина в истории»; опубликовано также: Новый мир, 1969, № 1, с. 170—203; № 2, с. 205—241). Ср.: Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 74, 112.

⁴ Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря. — Нумизматика и эпиграфика, вып. 6, М., 1966, с. 149—206.

⁵ О возникновении и смысле обычая хоронить в монастырях и храмах см.: Kötting B. Der frühchristliche Reliquienkult und die Bestattung im Kirchengebäude. Köln—Opladen, 1965.

⁶ Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты..., с. 192.

⁷ Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Остров, 1893, с. 156.

3—5. «Сразу положены трое Пушкиных», умерших, однако, в разное время — в 1561, 1569 и 1570 гг.; имена их неизвестны, керамид нет.⁸ Перезахоронение — событие совершенно исключительное, так как по каноническому праву могилы неприкосновенны.

В «Родословной росписи» под №№ 147 и 179 значатся умершие в Псково-Печерском монастыре Андрей Иванович Злоба, в иноках Александр (умер 26 XII 15.), его жена Пелагея, в инокинях Параскева (умерла 19 III 15.), и Иван Андреевич (умер 4 IX 15.); третий может быть сыном или отцом первого. Наиболее вероятно, что это одна семья и она являлась объектом перезахоронения, или же число Пушкиных в усыпальнице увеличивается до 10.

Для двух последних Пушкиных керамиды сохранились:

6. «Преставися раб божий Петр Стефанов сын Пушкин убыен от немец под Ельманом» — 7 IV 1575. Он был помещиком Шелонской пятины Новгорода.⁹

7. «Преставися раб божий Иона Пушкин» — 22 XII 1599.¹⁰ Текст этой керамиды исправляет погрешность «Родословной росписи», где Иона значится умершим не то 22 XII 1641 (№ 180), не то 22 XII 1642 (с. 73, № 63). Теперь очевидно, что это Иван (Субота) Стефанов Пушкин, в иночестве Иона, родной брат Петра Стефанова, почему их и похоронили рядом; между ними находилась керамида Симеона Васильева, о которой сказано выше.

Таким образом, за период 1558—1599 гг. приблизительно каждый десятый поступающий в Псково-Печерскую усыпальницу был из рода Пушкиных; захоронения их предвеляют начало хронологического ряда керамид и завершают XVI век. Ни один другой род не похоронил здесь столько своих представителей — факт выдающийся и до настоящего времени оставшийся невыявленным. Вспомним, что на соборе 1598 г., избравшем на царство Бориса Годунова, присутствовали псково-печерский игумен Иоаким и десять Пушкиных, подписавшие документ об избрании Бориса. По сравнению с представительством других фамилий это число «представляется совершенно исключительным».¹¹

Все Пушкины, похороненные в Псково-Печерском монастыре, достоверно не были прямыми предками поэта;¹² ни одно из этих имен не названо в его бумагах, относящихся к собственной родословной и к работе над «Борисом Годуновым».¹³ Наиболее вероятно, что Александр Сергеевич

⁸ Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты... с. 192.

⁹ Там же, № 48.

¹⁰ Там же, № 66.

¹¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 122.

¹² Недавно в Липецкий краеведческий музей поступила с бывшего кладбища при Вознесенской церкви надгробная плита прямого предка Пушкина — капитана Алексея Федоровича Пушкина, позволяющая сделать хронологическое уточнение: он умер не в 1777 г., как значится в «Родословной росписи» (№ 344), а 5 ноября 1779 г. См.: Панюшкин С. Здесь жили Пушкины. — Литературная Россия, 1975, № 45 (с датой: «7 ноября»). По жене капитана, Сарре Юрьевне, приходящейся поэту прабабкой, он являлся Рюриковичем в тридцать первом колене (Ве г н е р М. О. Предки Пушкина, с. 189).

¹³ Ср.: Скрынников Р. Г. Борис Годунов и предки Пушкина. — Русская литература, 1974, № 2, с. 131—133.

их и не знал, поскольку в исторической литературе, изданной до 1837 г., они не упоминаются,¹⁴ а первое списывание всех текстов керамид было произведено лишь в 1883 г. по распоряжению псковского архиерея Нафанаила.¹⁵ В таком случае в чем же состоит значение этих сведений для пушкиноведения?

Как русский историк и владелец поместья на Псковщине, Пушкин знал о выдающейся роли Псково-Печерского монастыря в прошлом края и коротко упомянул об этом в набросках к «Истории Петра» (X, 64). В пушкинское время немислим был псковитянин, в доме которого не было бы ничего известно о проходивших здесь многолюдных престольных праздниках, о крестных ходах от монастыря до Пскова (на 44 версты), устраивавшихся дважды в году, причем весеннему сопутствовала большая ярмарка; это были табельные праздничные дни для Пскова. Не было дня, чтобы на монастырских литургиях не присутствовали люди всех сословий, прибывавшие сюда из ближних и дальних мест, включая Сибирь; даже Александр I был здесь дважды, в 1819 и 1822 гг.

В этих условиях все интересующиеся знали по псково-печерским богослужениям, что в синодиках монастыря записаны роды «Пушкина-окольниковичева и других Пушкиных».¹⁶ Особенностью монастырского богослужения является то, что на поминовении синодики раздаются для немногого прочтения не только духовенству, но всем присутствующим мужчинам. Таким образом, хотя керамиды, скрытые в усыпальницах, были никому неизвестны, синодики способствовали формированию общественного мнения о древности и исторической роли фамилии Пушкиных.¹⁷ Боярин Тихомир Юрьев сын Пушкин, убитый 2 октября 1552 г. при взятии Казани (№ 109; по «Родословной росписи»), фигурировал в синодике главного храма Руси — Успенского собора московского Кремля, где его имя ежегодно провозглашалось в неделю православия;¹⁸ как показало исследование академика Ф. И. Успенского об этом ритуале, такое поминование имело не только семейное, но и общегосударственное значение.¹⁹ Дядя поэта Василий Львович получил сведения об этом предке в 1799 г. из Московского главного архива Министерства иностранных дел, оформившего документы о родословии Пушкиных.²⁰

Все это питало сознание фамильной традиции,²¹ способствовало про-

¹⁴ Описание Псково-Печерского первоклассного монастыря. Дерпт, 1832.

¹⁵ Шереметов С. Псково-Печерский монастырь. СПб., 1895, с. 138.

¹⁶ Первоклассный Псково-Печерский монастырь, с. 147. Окольничество получили следующие Пушкины: Никита Михайлович (1619), Борис Иванович (1646), Степан Гаврилович (1648), Иван Федорович Шиш (1682).

¹⁷ Митрополит и ученый Евгений Болховитинов отозвался на смерть поэта словами: «Я его знал во Пскове, где его фамилия» (Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 42).

¹⁸ Долгова С. «Во дни Александра Невского...». — Литературная Россия, 1974, 5 апреля, с. 16.

¹⁹ Успенский Ф. И. Синодик в Неделю православия. Одесса, 1893.

²⁰ Лукомский В. К. Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных Радше. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии АН СССР, т. 6. М.—Л., 1941, с. 398—408.

²¹ Представляет интерес в связи с этим исторический факт погребения младенца Платона Пушкина, родного брата поэта, в 1819 г. в алтаре Ус-

явлению особого внимания к исторической роли своего рода. В имеющем черты автобиографичности «Романе в письмах» (1829) Пушкин писал: «Я без прискорбия никогда не мог видеть уничтожения наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат <...> Я не корчу английского лорда; мое происхождение, хоть я им и не стыжусь, не дает мне на то никакого права. Но я согласен с Лабрюером: *Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme*»²² (VIII, 53).

Та же мысль выражена в «Отрывке» (1830): «Он столько же дорожил З<мья> строчками летописца, в коих упомянуто было о предке его, как модный камер-юнкер З<мья> звездами двоюродного своего дяди» (VIII, 410).

Об этом говорят и следующие строки поэта:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

(III, 242)

М. Ф. Мурьянов

МОСКОВСКАЯ КВАРТИРА ПУШКИНА

«Пиши мне на Арбат, в дом Хитровой», — сообщал 10 февраля 1831 г. Пушкин своему приятелю Н. И. Кривцову (XIV, 151). В письмах к другим знакомым от 26 марта 1831 г. (к П. А. Плетневу и Е. М. Хитрово) Пушкин также называет свой новый адрес — «дом Хитровой на Арбате» (XIV, 157, 158).¹ Это был адрес квартиры поэта, которую он снял незадолго до свадьбы с Н. Н. Гончаровой 18 февраля 1831 г. (ныне Арбат, д. 53). Владельцем дома был отставной чиновник, губернский секретарь, позднее на дворный советник Никанор Никанорович Хитрово (27 апреля 1791—27 января 1855), женатый на Екатерине Николаевне Лопухиной (умерла в 1858 г.).²

пенского собора Святогорского монастыря: эта почесть, не оказываемая даже псковским архиереям, свидетельствует о том, что род Пушкиных имел какие-то особые отношения к данной обители — вероятно, являлся крупным вкладчиком. Директор Музея-заповедника А. С. Пушкина С. С. Гейченко установил в 1948 г., что могила Платона Пушкина находилась здесь изначально.

²² «Подчеркивать пренебрежение к своему происхождению — черта смешная в выскочке и низкая в дворянине».

¹ Тот же адрес поэт называет в записке, переданной А. М. и А. К. Устиновым (Прометей, т. X. М., 1974, с. 85).

² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 453; Алфавитные списки всех частей г. Москвы. М., 1818, с. 33, 4-я пагинация; Соколов В. Указатель жилищ и зданий в Москве. М., 1826, с. 95, 1-я пагинация; Метлер Камп и Нистрем К. Книга адресов столицы. М., 1839, с. 168, 3-я пагинация.

Биограф Н. Н. Хитрово пишет о нем: «...юнкер л.-гв. Преображенского полка, участник Аустерлицкого сражения <...> в 1812 г. адъютант генерала Николая Ардальоновича Лопухина, на дочери которого Екатерине Николаевне, известной по своей замечательной красоте, женился, выйдя после 1812 г. в отставку. Затем поселился он в своем Карачевском имении и исправлял, пользуясь всеобщей любовью и уважением, должность карачевского предводителя дворянства и почетного смотрителя того же уезда».³

По-видимому, его жена, Е. Н. Хитрово, постоянно жила в Москве, и Пушкин при найме квартиры фактически имел дело с ней как владелицей дома. Указание Пушкина, что он живет в «доме Хитровой», долгое время вводило в заблуждение исследователей,⁴ которые связывали с этим именем «известную всей Москве» своим гостеприимством Анастасию Николаевну Хитрово (10 июня 1762—2 января 1842), дочь генерал-поручика Николая Никитича Каковинского, вдову действительного статского советника Никиты Петровича Хитрово (17 августа 1756—31 октября 1809). В действительности же А. Н. Хитрово имела собственный дом «в конце Пречистинки» (ныне Кропоткинская ул.).⁵

Пушкины снимали квартиру во втором этаже большого двухэтажного каменного дома с флигелем во дворе. Длина дома по улице 12,5 сажени (около 28 м), ширина 8 сажен (10,7 м).

Поэт прожил здесь с молодой женой с 18 февраля по середину мая 1831 г. Расскажем о лицах, посетивших Пушкиных, и о событиях, происходивших в этой квартире.

17 февраля, накануне свадьбы, Пушкин устроил у себя «мальчишник» и «говорил стихи, прощаясь с молодостью». На обеде присутствовали московские друзья поэта — Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов, А. А. Елагин, И. В. Киреевский, П. В. Нащокин, Н. М. Языков, а также Л. С. Пушкин и другие лица.⁶

По совершении брака в церкви «Большое вознесение» у Никитских ворот молодая чета и избранные гости отправились на большой ужин, описанный П. П. Вяземским в его позднейших воспоминаниях. В них он рассказал о «щегольской уютной гостиной, оклеенной диковинными обоями

³ Родословная книга Хитрово. СПб., 1866, с. XVII, XXI, 226—227, 249—250.

⁴ Пушкин. Письма, т. III. Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.—Л., 1935, с. 204; Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 2. М.—Л., 1936, с. 480—481.

⁵ Алфавитные списки всех частей г. Москвы, с. 33, 4-я пагинация; Соколов В. Указатель жилищ и зданий в Москве, с. 96, 1-я пагинация; Метлер Камп и Нистрем К. Книга адресов столицы, с. 43, 3-я пагинация. Неизвестно, почему исследователи не обратили внимания на примечание П. И. Бартенева к письму Пушкина к Нащокину (1831), где сообщается: «Это большой дом на Арбате, бывший Хитровых, против дома Головина»; «Хитровых» не могло относиться к А. Н. Хитрово, овдовевшей задолго до этого времени (Девятнадцатый век. Исторический сборник, изд. П. Бартенева. Кн. 1. М., 1872, с. 384).

⁶ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартенева в 1851—1860 гг. Вступит. статья и примеч. М. Цявловского. М., 1925. с. 53, 129—131.

под лиловый бархат, с рельефными набивными цветками».⁷ Можно с уверенностью предположить участие в ужине Афанасия Николаевича, Натальи Ивановны, Александры Николаевны и Екатерины Николаевны Гончаровых, а также посаженных матерей со стороны жениха и невесты — Е. П. Потемкиной и А. П. Малиновской, посаженных отцов — П. А. Вяземского и И. А. Нарышкина и поручителей — А. С. Передельского и П. М. Азанчевского.⁸

20 февраля Пушкин был с женой на балу у А. М. Щербининой и встретился там со своим петербургским знакомым А. И. Кошелевым. Из письма последнего к В. Ф. Одоевскому от 21 февраля узнаем, что Кошелев в тот же день вечером собирался к Пушкиным.⁹ О «славном бале» у Пушкиных 27 февраля извещал А. Я. Булгаков своего брата 28 февраля. На балу присутствовал также Н. Б. Юсупов. «Ужин был славный <...> Мы уехали почти в три часа», — заканчивал Булгаков свое письмо.¹⁰

Посещали квартиру Пушкиных и другие знакомые поэта. «Пушкин радовался, как ребенок, моему приезду, оставил меня обедать у себя», — писал В. И. Туманский своей кузине С. Г. Туманской 16 марта из Москвы.¹¹

10 апреля Пушкиных навещил С. Н. Глинка и написал экспромт, в котором восторженно отозвался о поэте и его жене.¹²

Из дневника М. П. Погодина узнаем о посещении им Пушкина. 5 апреля Пушкин читал ему «Повести Белкина», которые Погодин назвал «прекрасными и оригинальными». 30 апреля они «четыре битых часа» спорили об участии Годунова в убийстве царевича Дмитрия. 5 мая Погодин читал Пушкину свою трагедию «Петр», которую поэт хвалил, но «не так живо, как Марфу»¹³ (т. е. драму «Марфа Посадница»).

9 мая Пушкин пригласил к себе английского путешественника капитана К. Фрэнкленда. 12 мая состоялась их беседа, в которой приняли участие, по словам гостя, «очень приятные и умные русские» — П. А. Вяземский и И. В. Киреевский.¹⁴

В первую половину мая Пушкиных посетила Мария Федоровна, дочь Арины Родионовны, с которой Пушкин встречался во время своей поездки в село Захарово летом 1830 г.¹⁵

Таковы немногочисленные сохранившиеся сведения о московской квартире Пушкина в доме на Арбате. Ныне на фасаде этого дома установлена мемориальная доска с надписью и барельефом поэта.

Л. А. Черейский

⁷ Вяземский П. П. Собр. соч. 1876—1887. М., 1893, с. 529.

⁸ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 758—759.

⁹ Русская старина, 1904, № 4, с. 206.

¹⁰ Русский архив, 1902, № 1, с. 55—56.

¹¹ Туманский В. И. Стихотворения и письма. СПб., 1912, с. 310—311.

¹² Дамский журнал, 1831, т. XXXIV, № 17, с. 53.

¹³ Пушкин и его современники, вып. XXIII—XXIV. Пг., 1916, с. 112—114.

¹⁴ Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 2. М.—Л., 1936, с. 313.

¹⁵ Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, с. 5—10; Майков Л. Пушкин. СПб., 1899, с. 324.

2. Эпиграф из Э. Бёрка в «Евгении Онегине»

В авторских рукописях первой главы «Евгения Онегина», как известно, было несколько эпиграфов. Впоследствии все они были отброшены Пушкиным, кроме одного («*Rétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil...*»), заменившего все остальные и оставшегося перед текстом первой главы, вышедшей в Петербурге отдельным изданием около 20 февраля 1825 г.² Вопросы о том, почему эти эпиграфы подбирались поэтом, чередовались друг с другом, а затем постепенно исключались из текста его «романа в стихах», почти не привлекали к себе внимания исследователей. Об этом следует пожалеть, так как мы хорошо знаем, какую важную роль играли эпиграфы в творчестве Пушкина во все периоды его жизни и деятельности. Как род цитаты, заимствованной из чужого литературного произведения и долженствующей подготовить читателя к правильному восприятию или пониманию того текста, которому он предпослан, эпиграф стал для Пушкина одним из любимых приемов творческой комбинаторики: он применял его «как к целому произведению, так и к его частям <...> в лирике <...> в поэме <...> в драме <...> в статьях <...> во всей художественной прозе, даже в личных письмах».³ Говоря вообще, поэтика эпиграфа у Пушкина, как тончайшего искусства словесного сопоставления, выбора и применения чужих слов для лучшего уразумения или особой рекомендации читателям собственного авторского текста, эпиграфа, порою сходного со своего рода введением в тональность в музыкальном произведении, с инструментальной прелюдией, предпосланной вокальному тексту, давно заслуживает специального систематического изучения во всех многообразных функциях, какие эпиграф выполняет в его творчестве.

В 20-е годы Пушкин с особым вниманием и тщательностью относился к выбору эпиграфов к своим произведениям, заботливо взвешивал каждое чужое слово и соответствие его тем целям, ради которых он привлекал его к служению собственным созданиям. Можно напомнить здесь хотя бы

¹ Настоящая заметка служит продолжением «Заметок на полях» русской и иностранной пушкинианы, публикация которых была начата в предшествующем выпуске «Временника Пушкинской комиссии. 1973» (Л., 1974, с. 90—94).

² Сиявяский Н., Цявловский М. Пушкин в печати 1814—1837. М., 1938, с. 28 (№ 117—119); Смирнов-Сокольский И. Первая глава «Евгения Онегина». — В кн.: Смирнов-Сокольский И. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 95—112.

³ См.: Путеводитель по Пушкину [приложение к журн. «Красная нива»]. М., 1931, с. 389—390 (в этой статье дается первая сводка данных об эпиграфах у Пушкина). Напомним определение эпиграфа, содержащееся в известном справочнике того времени: «*Эпиграф. Одно слово или изречение, в прозе или стихах, взятое из какого-либо известного писателя или свое собственное, которое помещают авторы в начале своих сочинений и тем дают понятие о предмете оных*» (Словарь древней и новой поэзии, составленный Н. Остолоповым, ч. 1. СПб., 1821, с. 398).

историю эпиграфа к «Кавказскому пленнику», взятого из послания П. А. Вяземского к графу Ф. И. Толстому Американцу и в конце концов исключенного из текста поэмы на том основании, что он мог дать повод к превратному восприятию как героя поэмы, так и живого человека, к которому обращены были цитированные Пушкиным стихи Вяземского. Об этом Пушкин писал самому Вяземскому из Одессы (14 октября 1823 г.), спрашивая его, знает ли он этот эпиграф: «Понимаешь, почему не оставил его? Но за твои четыре стиха я бы отдал 3 четверти своей поэмы» (XIII, 70). Характерно, что в этом же письме Пушкин уверял своего корреспондента: «Бахчисарайский фонтан, между нами, дрянь, но эпиграф его прелесть». Очевидно, в ту пору (приблизительно к тому же времени относится выбор эпиграфов к первой главе «Евгения Онегина», о чем пойдет речь ниже) эпиграфы составляли для Пушкина важную веку в творческой истории каждого из его произведений, оказывая воздействие и на идейный их смысл, и на присвоенное им заглавие. Это явствует, в частности, из того, что шесть лет спустя, отвечая одному из критиков «Полтавы», Пушкин утверждал, что одной из причин, побудивших его остановиться именно на этом заглавии поэмы, а не назвать ее «Мазепой», был избранный к ней эпиграф. «Так и Бахчисарайский Фонтан, — добавлял Пушкин в этой заметке, — в рукописи назван был „Харемом“, но меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня» (XI, 165).

Эпиграфы, подбиравшиеся к «Евгению Онегину» с того времени, как закончена была первая глава, изучались исследователями мало и неравномерно, в особенности исключенные поэтом, а между тем даже хронология их находки и изъятия представляет очевидный и немаловажный интерес для творческой истории этого произведения. Сравнительно малое внимание обращала на себя первая автографическая беловая рукопись «Евгения Онегина», со многими поправками поэта, о которой первые данные появились в печати еще в 1887 г. За три года перед тем эта рукопись была приобретена имп. Публичной библиотекой в Петербурге от сына В. А. Жуковского, Петра Васильевича. Первое краткое описание ее появилось в «Отчете» Библиотеки за 1884 г.⁴

На первом листе интересующей нас небольшой тетрадки (в малую 8°) написан следующий общий эпиграф романа:

Собранье пламенных замет
Богатой жизни юных лет
Баратынский.

Лист 2-й этой тетрадки наводит на мысль, что в момент его заполнения Пушкин думал уже о возможности отдельного издания первой главы «Евгения Онегина», к тому времени в рукописи уже законченной. На указанном листе этого белового автографа Пушкин изобразил предполагаемый титульный лист будущей книжки. Наверху страницы крупными буквами написано заглавие «Евгений Онегин»; ниже следует отделенный двумя чертами английский эпиграф: «Nothing is such an enemy (sic!) to accu-

⁴ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887, с. 130—131.

racy of judgement as a coarse discrimination. *Burke*». Внизу помечено: «Одесса. DCCCXXXIII» (VI, 543).

Приводим для наглядности воспроизведение оригинала (см. с. 101), хранящегося ныне в ИРЛИ (шифр: ф. 244, оп. 1, № 930, л. 2). На обороте л. 2 выписаны другие возможные эпитафии: 1) «По жизни так скользит горячность молодая. К. Взяземский»; 2) «Pas entièrement exempt de vanité il avait encore...», т. е. тот французский эпитафия, который остался в издании первой главы 1825 г., но в несколько отличающейся от известного текста редакции.

Эпитафия из Э. Бёрка воспроизводилась в печати несколько раз в описаниях указанной рукописи, в которую он занесен впервые, но обычно с допущенной Пушкиным ошибкой в английском слове «ennemy» (вместо «enemy»), публикаторами особо не оговоренной; в русском переводе он гласит: «Ничто не является таким врагом (т. е. «Ничто так не препятствует») точности суждения, как недостаточное различение».⁵ Начальные строфы «Евгения Онегина» написаны были Пушкиным в конце мая 1823 г. («28 мая, ночью»), т. е. еще в Кишиневе; в первых числах августа того же года поэт переселился окончательно в Одессу, где он продолжал создавать дальнейшие строфы своего романа; между 23 октября и 3 ноября 1823 г. Пушкин производил подсчеты стихов в семнадцати и в восемнадцати строфах «Онегина», быть может обдумывая уже возможное отдельное их издание.⁶ Отсюда заключают, что как приведенный выше проект титульного листа такого издания первой главы, так и вся указанная тетрадка писаны были Пушкиным «после 22 октября 1823 г.»⁷ В черновом письме к А. А. Бестужеву (от 8 февраля 1824 г.) Пушкин, говоря о различных печатающихся изданиях и имея в виду «Евгения Онегина», сообщал: «Об моей поэме нечего и думать — если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге» (XIII, 88). Из этих слов явствует, что еще в то время поэт не исключал возможности опубликовать ее в другом месте, например в Одессе, где, как он думал, цензура могла отнестись к ней не столь строго, как в столицах.⁸ Такое издание, однако, тогда не состоялось.

Сохранилась еще одна перебеленная рукопись первой главы «Онегина», относящаяся к 1824 г., — по-видимому, та, которую Лев Сергеевич Пушкин отвез по поручению брата в Петербург для напечатания. Из этой рукописи исчезли все прежние эпитафии, кроме одного, на французском

⁵ См.: Модзалевский Л. В. Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. Л., 1929, с. 9; Соловьева О. С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. М.—Л., 1964, с. 23, № 930.

⁶ Цявловский М. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М.—Л., 1951, с. 384, 398, 412. См. также: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 298.

⁷ Соловьева О. С. Рукописи Пушкина..., с. 23.

⁸ Еще 13 июня 1824 г. Пушкин писал брату из Одессы о надеждах, которые возбудило в нем назначение в Петербурге нового министра просвещения (А. С. Шишкова): «С переменной министерства ожидаю и перемены цензуры (...). Попытаюсь толкнуться ко врагам цензуры с первой главой или песнью Онегина. Авось пролезем» (XIII, 97).

Беркнн онтрннр

Nothing is such an enemy to accuracy
of judgment as a coarse discrimination;
Burke.

одесса

МДССХХІІІ .

языке, «извлеченного из частного письма», с поправкой сравнительно с той его редакцией, которая находилась в предшествующей беловой рукописи 1823 г.; не воспроизводились эти эпитафии и во всех последующих изданиях романа.

Издатели и комментаторы «Евгения Онегина» не обратили внимание на все эти эпитафии. Лишь С. М. Громбах в специальной статье, им посвященной, попытался разобраться в их путаной истории и хронологии, справедливо полагая, что смена эпитафий «в значительной мере определяется развитием самого романа и отношением Пушкина к нему».⁹ С. М. Громбах проанализировал каждый из них в отдельности, чтобы выяснить, зачем и откуда выписывались эпитафии поэтом, и определить, какую функцию они должны были выполнить в применении их к стихотворному тексту Пушкина.

Менее всего удалось С. М. Громбаху ответить на эти вопросы по отношению к эпитафии из Бёрка. Отметим прежде всего, что источник этого эпитафия остался ему неизвестен. «Афоризм этот, — пишет он в своей статье, — у Бёрка не обнаружен. Но по духу и смыслу он напоминает некоторые его рассуждения в „A Philosophical Inquiry into the Origin of Our Ideas of Sublime and Beautiful“ (The Works of Edmund Burke in 9 volumes. Boston, 1839, vol. I, p. 70—71)».¹⁰ На самом деле, указания на то, в каком сочинении Бёрка находится эта фраза, были уже сделаны несколько раз, задолго до того, как была напечатана статья С. М. Громбаха. Зарубежные исследователи указывают на сочинение Бёрка «Мысли и подробности о скудости» (Thoughts and Details on Scarcity. Originally presented to the Right Honorable William Pitt in the month of November, 1795). Это записка, поданная Бёрком в 1795 г. тогдашнему премьер-министру Великобритании Вильяму Питту. Она представляет собою целый трактат о состоянии сельского хозяйства в критические для Англии годы борьбы с революционной Францией; записка неоднократно издавалась и входит во все полные собрания сочинений Э. Бёрка.¹¹

«От внимания пушкинистов ускользнуло, — писал Ю. Семенов в 1960 г. в сборнике, изданном Упсальским университетом, — что из этой записки был Пушкиным взят первоначальный эпитафия к „Евгению Онегину“, впоследствии замененный другим».¹² Несколько лет спустя (1964) В. Набоков, в комментарии к своему английскому переводу «Евгения Онегина» уделивший несколько интересных страниц эпитафиям к пушкинскому роману, в том числе и опущенным (см. раздел «Dropped epigraphs» во втором томе комментария), коснулся здесь также и интересующего нас эпитафия из

⁹ Громбах С. М. Об эпитафии к «Евгению Онегину». — Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка, 1969, т. XXVIII, вып. 3, с. 211—219.

¹⁰ Там же, с. 217. Как «невскрытую цитату» из Бёрка определяет этот эпитафия также «Справочный том» академического «Полного собрания сочинений» Пушкина (Л., 1959, с. 109).

¹¹ В собраниях сочинений Э. Бёрка записка печаталась (с 1830 г.) среди его политических писем.

¹² Semionov Jurij. Похвала праздности. Опыт историко-социологической интерпретации некоторых текстов Пушкина. — In: Studia Slavica Gunnaro Gunnarson sexagenario dedicata. Uppsala, 1960 (Acta Universitatis Upsaliensis), p. 105.

Бёрка. Отметив, что в библиотеке Пушкина сохранился знаменитый трактат Бёрка «Размышления о революции во Франции» (1790) в анонимном французском переводе 1823 г.,¹³ В. Набоков предупредил, что в этой книге напрасно было бы искать слова, превращенные Пушкиным в эпитафию, и что источник этой цитаты следует искать в другом сочинении Бёрка. «Я нашел ее, — продолжал В. Набоков, — в записке Бёрка „Мысли и подробности о скудости“».¹⁴

Ю. Семенов в вышеуказанной статье отметил попутно, что записку Бёрка «Мысли и подробности о скудости» хорошо знал К. Маркс и что он цитировал ее в своем «Капитале», впрочем весьма отрицательно отзываясь о ее авторе (этом, по его словам, «известном софисте и сикофанте»).¹⁵ Нам важно подчеркнуть, что эта записка имеет весьма специальный характер и весьма далека от философских или эстетических трактатов Бёрка, в которых тщетно искали слова, взятые Пушкиным для эпитафии. Бёрк размышляет в записке об ухудшающемся положении английских фермеров, говорит о «labouring poor» (неимущих рабочих), утверждая, что «те, кто работает, действительно кормят и пенсионеров <..> называемых богатыми, и самих себя», что «из всех орудий фермерского производства труд есть такое, от которого фермер больше всего может ожидать возвращения капитала. Другие два, капитал в рабочем скоте и <..> телеги, плуги, лопаты и т. д., — ничего не значат без соединения с известным количеством первого» и т. д. Э. Бёрк рассказывает здесь также и о своем собственном практическом опыте в качестве фермера и делает отсюда довольно сомнительные обобщения. В частности, Бёрк говорит в своем сочинении следующее: «Если цена на хлеб не компенсирует цену труда <..> можно опасаться настоящего разорения сельского хозяйства. Ничто не враждебно так точности суждения, как недостаточное различие, отсутствие подобной классификации и распределения, как-то допускает этот предмет» и т. д.¹⁶

Естественно возникает вопрос, как подчеркнутые в этой выдержке слова, вынутые из контекста сельскохозяйственных и экономических соображений, попали к Пушкину и превратились в избранный им эпитафию?

¹³ Burke E. *Réflexion sur la Révolution de France.. Nouvelle édition corrigée et revue avec soin par J. A. A.***. Paris, 1823.* См. также: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, с. 180, № 690. Ранее оба указанных факта (наличие в библиотеке Пушкина «Размышлений» Бёрка в издании 1823 г. и эпитафия из Бёрка в одесской рукописи «Евгения Онегина» того же 1823 г.) были сближены Л. П. Гроссманом в книге «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 6 (М.—Л., 1944, с. 417, прим. 1), впрочем, без всяких выводов.

¹⁴ Eugen Onegin. A novel in verse by Alexander Pushkin translated from Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. Vol. 2. N. Y., 1964, p. 8.

¹⁵ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 334. К. Маркс приводит цитаты из «Thoughts and Details on Scarcity» Бёрка (по отдельному лондонскому изданию 1800 г.) в главах VI, XVIII и XXIV своего труда.

¹⁶ Цитирую по изд.: Burke Edmund. Works, vol. V. London, 1855, p. 90—91 (вся записка напечатана в этом томе — с. 83—109).

Задаваясь этим вопросом в своем комментарии к «Евгению Онегину», В. Набоков писал, что он не может представить себе Пушкина в Одессе — не обладавшего достаточным знанием английского языка и бывшего столь же безразличным к сельскохозяйственным вредителям Англии, как и к саранче в южной России, — читающим «Мысли» Бёрка, в которых между прочим идет речь о произрастании репы и гороха на принадлежавших ему полях и огородах. Поэтому комментатор предполагает, что Пушкин взял вышеуказанные слова не из сочинения Бёрка, а из какой-либо книги цитат, и воспользовался ими для своих целей.¹⁷ Такое предположение правдоподобно, но оно все же не разрешает все недоуменные вопросы, связанные с интересующим нас текстом эпиграфа и возникающие у исследователей Пушкина.

В самом деле: знание английского языка требовалось и для того, чтобы заметить и выбрать цитату, заинтересовавшую поэта в любой книге, в том числе и хрестоматийного характера, или журнале. Отметим также, что хотя эпиграф и приведен Пушкиным в английском тексте, но с характерной ошибкой в слове «enepu» (у Пушкина — с удвоением первой гласной), выдающей тяготение поэта к французскому языку, вероятно догадывавшемуся, что данное английское слово происходит от французского (ennemi). Произошла ли допущенная ошибка при списывании цитаты из печатного источника или во время записи при устном ее произнесении собеседником, мы решить не беремся. Однако уже в то время существовали книги выдержек из сочинений Бёрка хрестоматийного характера, появившиеся вскоре после его смерти, вроде двухтомного труда Уилсона «Красоты Бёрка»,¹⁸ с подборкой сентенций или удачных выражений, взятых из его памфлетов и ораторских речей, или избранных отрывков с пояснениями, каковы, например, более поздние «Selections and Extracts» из Бёрка (с прибавлением эссе другого английского писателя — У. Хэзлитта, писателя и критика, весьма интересовавшего Пушкина в более поздние годы).¹⁹ Это вполне допускало возможность извлечения интересующей нас цитаты не прямо со страницы «Thoughts and Details», а из любого, нам пока неизвестного, посредствующего источника.

Обратим внимание также на то, что все это происходило в одесский период жизни Пушкина, когда он много читал и даже начал собирать собственную библиотеку, жалуясь при этом на недостаток в Одессе русских книг.²⁰ Помимо того, он широко пользовался тогда частными библиотеками своих знакомых; важнейшей из них было богатейшее книжное собрание Воронцовых, в котором объединилось несколько примечательных семейных библиотек. О том, что Пушкин пользовался не только книжными, но и рукописными фондами этой библиотеки, мы знаем из ряда сви-

¹⁷ Eugen Onegin... by V. Nabokov, vol. 2, p. 8.

¹⁸ Wilson C. H. The Beauties of the Late Rt. Hon. Edmund Burke, 2 vols. 1798.

¹⁹ Ряд подобных изданий перечислен в «The Cambridge Bibliography of English Literature», vol. II (1941, p. 632—634), а также в кн.: Howe P. P. The Life of W. Hazlitt. London, 1947.

²⁰ Пушкин писал П. А. Вяземскому 4 ноября 1823 г.: «Одесса город европейской — вот почему русских книг здесь и не водится» (XIII, 74).

детельств.²¹ Уже отмечено было в печати, что здесь находилась книга Бёрка «Reflections on the French Revolution» в лондонском издании 1791 г.;²² последнее представляется вполне естественным: отец М. С. Воронцова, Семен Романович, долголетний русский посол в Лондоне, был лично знаком с Бёрком, о чем сам Бёрк упоминает в своем известном письме к Екатерине II (от 1 ноября 1791 г.), в котором он высказывает свое восхищение действиями русской императрицы в защиту французского трона от революционной Франции.²³ Может быть, тщательный просмотр английских книг одесской библиотеки Воронцовых позволит в конце концов установить искомый источник цитаты из «Мыслей и подробностей» Э. Бёрка. Стоит, кстати, отметить, что именно в первой главе «Евгения Онегина», которая, по словам самого Пушкина, «заключает в себе описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года» (предисловие к изданию 1825 г.), довольно явственно отразились интересы Пушкина к вопросам политической экономии — мы находим здесь упоминание об Адаме Смите (строфа VII) и знаменитые строки, посвященные англо-русской торговле (строфа XXIII):

Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по балтийским волнам
За лес и сало возит нам.

В эту пору и в русской печати намечался интерес к политической экономии.²⁴ Интересующая нас цитата могла быть приведена в английском оригинале и в русской статье; имя Бёрка упоминалось у нас в журналах 1816 г.²⁵

Не забудем также, что этот источник мог быть в руках англичан — собеседников Пушкина в Одессе. Среди них особое место занимает врач Воронцовых, Вильям Гутчинсон, — по аттестации Пушкина, «единственный умный афей», которого он встретил и у которого он брал «уроки чистого афеизма». Гутчинсон не был чужд и литературной деятельности:

²¹ См.: Пушкин и библиотека Воронцова. — В кн.: Пушкин. Статьи и материалы, вып. II. Изд. Одесского Дома ученых. Одесса, 1926, с. 92—98. В октябре 1823—феврале 1824 г. Пушкин в библиотеке Воронцова между прочим читал переписку А. Н. Радищева с А. Р. Воронцовым, замечания Екатерины II (в копии) к «Путешествию» Радищева, «Записки» Екатерины II. См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, с. 413.

²² Гроссман Л. Кто был «умный афей»? — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 6. М.—Л., 1941, с. 417.

²³ Burke Edmund. Works, vol. V, p. 434.

²⁴ Ковалев В. П. О движении экономической мысли в русской периодике конца XVIII—первой половины XIX в. — Вестник Ленингр. ун-та, 1974, № 4 (История, язык, литература, вып. 3); Боборыкин А. Д. Социально-экономические вопросы в журнале «Невский зритель». — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, 1957 (Кафедра политической экономии, т. XXVI), с. 123—182.

²⁵ См.: Краткое обозрение писем из Лондона. — Русский инвалид, 1816, № 171, с. 670 (заметка В. И. Козлова о Ричарде Парлисе, имевшем «жаркие прения с Бурком»).

двумя изданиями он выпустил в Лондоне (в 1820 и 1821 гг.) рассуждение о детоубийстве, посвященное им Джеймсу Макинтошу, видному историку, публицисту и государственному деятелю, знаменитому, в частности, тем, что он был автором памфлета, переведенного на французский язык, «Апология французской революции», направленного против реакционных идей трактата Бёрка.²⁶ Гутчинсон был не единственным англичанином, с которым Пушкин мог беседовать о Бёрке в Одессе. В начале июля 1824 г. сюда приехал молодой граф М. Д. Бутурлин вместе со своим весьма образованным гувернером — Слоаном. М. Д. Бутурлин рассказывает в своих «Записках», что он быстро познакомился с Пушкиным, приходившимся ему «дальним родственником»: «Мы с первого дня знакомства стали звать друг друга — *mon cousin*; однажды Пушкин при встрече со мной сказал: Мой Онегин (он только что начал его тогда писать) это ты, *mon cousin*».²⁷

Остается выяснить, с какой целью Пушкин остановился на словах Бёрка и выписал их в качестве эпитафии на титульный лист задуманного им издания первой главы «Евгения Онегина», — после предшествующего лирического эпитафия (на 1-м листе тетрадки), заимствованного из поэмы Е. Баратынского «Пиры».²⁸ Отвечая на этот вопрос, С. М. Громбах в указанной выше статье высказывал предположение, что Пушкин цитировал Бёрка для того, чтобы заставить читателя противопоставить автора его герою. «Нужно было, — пишет исследователь, — всеми способами, в том числе и эпитафией, подчеркнуть не столько автобиографическую линию, сколько линию отграничения автора и его героя...». Недаром Пушкин, превращая Онегина в друга автора («С ним подружился я в то время...»), был «рад заметить разность» между собой и Онегиным и демонстративно подчеркивал:

Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

(VI, 28—29)

Готовя к печати первую главу «Онегина», Пушкин хотел приложить к ней рисунок, изображающий Онегина и его самого на фоне петербургского пейзажа (иллюстрация к строфе XLVIII), эскиз которого он набросал сам. Поэтому слова эпитафия «Ничто не враждебно так точности суждения, как недостаточное различие» — полемика с будущими критиками первой главы: «В данном случае — различие автора и его героя. Это явный комментарий к стихам LVI строфы:

Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,

²⁶ Гроссман Л. Кто был «умный афей»? с. 414—419. Ср.: Struve G. *Marginalia Pushkiniana*. — *Modern Language Notes*, 1950, № 5, p. 300—305.

²⁷ *Словарь одесских знакомых Пушкина*. — В кн.: Пушкин, статьи и материалы, вып. III. Одесса, 1927, с. 28.

²⁸ Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 226. Как известно, Пушкин хотел впоследствии эти стихи предпослать в качестве эпитафия четвертой главе «Онегина».

Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет. . .».²⁹

Предположение, что эпитафия из Бёрка по расчетам Пушкина должен был служить своего рода сигналом или предупреждением для читателей первой главы «Евгения Онегина», как им следует воспринимать взаимоотношения между «образом автора» в романе и его главным героем, безусловно справедливо. Однако оно не ново в пушкиноведческой литературе. Ранее приблизительно то же самое утверждал В. Набоков в своем комментарии, ссылаясь, в частности, на ту же LVI строфу и напоминая, кстати, вероятно известные Пушкину факты о том, как Байрон относился к отождествлению его с героями его поэм, к чему постоянно прибегали английские критики и читатели.³⁰ Характерно, однако, что умножившиеся в последнее время исследователи первой главы «Евгения Онегина», на разные лады толковавшие роль «образа автора» в этом произведении и обращения Пушкина к читателям, вовсе не учитывали исключенный в рукописи эпитафия, хотя он, как указано выше, был обнародован впервые еще в 1887 г.³¹ Это лишний раз свидетельствует, как недостаточно еще изучены эпитафии к «Евгению Онегину», да и к прочим произведениям Пушкина вообще.³²

²⁹ Громбах С. М. Об эпитафии к «Евгению Онегину», с. 216—217.

³⁰ Eugen Oegin... by V. Nabokov, vol. 2, p. 8.

³¹ См., например: Семенко И. М. О роли образа автора в «Евгении Онегине». — Труды Ленингр. библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской, т. II, Л., 1957, с. 127—146; Виноградов В. В. Стиль и композиция первой главы «Евгения Онегина». — Русский язык в школе, 1966, № 4, с. 3—21; Hielscher Klara. A. S. Puškin's Verseepik. Autoren Ich- und Erzähl-strukturen. München, 1966 (Slawische Beiträge, Bd. 22), S. 24—26; Макаров А. Противоречий очень много. . . — Вопросы литературы, 1968, № 9, с. 184; Степанов Л. А. Автор и читатель в романе «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкинские чтения на Верхневолжье, сб. 2. Калинин, 1974, с. 43—59 (здесь подробно указана предшествующая литература вопроса).

³² Укажем попутно, что правильное истолкование эпитафии ко второй главе «Евгения Онегина» («O rus! Hor.; O Русь!») долгое время затруднено было из-за неясности, откуда он попал к Пушкину. Еще в 1824 г. в авторской рукописи этой главы латинская часть эпитафии сопровождается ссылкой на Горация, как на источник цитации, но этим объяснялось не все; комментаторы Пушкина быстро уточнили, что Пушкин взял усеченный стих из 6-й сатиры II книги Горация и что весь стих читается так: «O rus, quando ego te aspiciam?» (Sat. II, 6, 60), т. е. «O деревня, когда я увижу тебя?». Оставалось, однако, неизвестным, самому ли поэту принадлежит каламбурное сопоставление латинского вопроса-восклицания и русского, или оно уже делалось до него. Предполагая, что сближение сходно звучащих предложений — латинского и русского — принадлежит Пушкину, Е. П. Карнович положил каламбурный эпитафия в основу своего публицистического очерка («Один из вымыслов нашей истории»), где писал, что Пушкин «с идиллическим восклицанием Горация сопоставил свое шутовское восклицание, обозвав таким образом наше отечество просто-напросто „деревней“, „деревенщиною“, которую, впрочем, он на этот раз поэтически восхвалялся» (см.: XXV лет (1859—1884). Сборник, изд. Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884, с. 537). Указанный стих Горация в краткой и полной форме неоднократно цитировался у писателей польских (см.: Czapiński L. Księga

Ю. М. Лотман отметил, что «строфы XLV—XLVIII первой главы дают совершенно новый характер взаимоотношений героя и автора <...> Поскольку интеллектуально герой стал в ряд с автором, тон иронии, отделявший одного от другого, оказался снятым. Однако изменение оценки героя создало угрозу возвращения к характерному для романтической поэмы слиянию героя и автора, что было для Пушкина уже пройденным этапом. Пока герой был отгорожен от автора проническим тоном повествования, подобной опасности не существовало. Характерно, что именно в конце первой главы, когда мир героя и мир повествователя сблизились,

przysłów, sentencji i wyrazów łacińskich używanych przez pisarzy polskich. Warszawa, 1892, str. 361), русских (см.: Бабкин А. М., Шендеров В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода, кн. 2. М.—Л., 1966, с. 970) и французских. Эпиграф «O rus» с ошибочной ссылкой на Вергилия вместо Горация встретился мне в 10-й оде поэтического сборника В. Гюго «Odes et ballades». Несколько раз указывали на цитирование этого стиха в дневнике Стендаля, но уже в той каламбурной форме, какую мы встречаем у Пушкина. Стендаль писал в 1837 г., что, когда в 1799 г. Суворов был в Швейцарии, аристократическая партия ожидала его в Гренобле, восклицая: «O Rus, quando ego te aspiciam»; тот же эпиграф Стендаль избрал для главы 31 своего романа «Красное и черное» (1831). См. комментарий В. Набокова (Eugen Onegin... by V. Nabokov, vol. 2, p. 217); ранее об этом писал В. Я. Брюсов в «Marginalia — puschkiniana» (Русский архив, 1916, № 4, с. 398—399). Еще в 1903 г. И. А. Шляпкин в своей книге «Из неизданных бумаг Пушкина» (СПб., 1903, с. 5—6), цитируя строки из «Альбома Онегина» в 7-й главе: «...и эпиграммы площадные, из Biévgian'y заняты», указал, что под «Бьеврианой» имеется в виду книга маркиза де Бевра (1747—1789) «Альманах каламбуров» (1771), впоследствии не раз выходившая в свет под заглавием «Biévgiana ou jeu de mots de M. de Biévgte» (см., например, 3-е издание: Paris, an IX). Из этого издания И. Шляпкин приводит следующую цитату: «Когда в VII году от начала революции говорили о приходе русских в Париж, один из их друзей выразил свое желание с помощью стиха из Горация O Rus (o Russes), quando ego te aspiciam» (p. 204). «Это — вероятный источник эпиграфа Евгения Онегина», — прибавляет И. А. Шляпкин. Добавим от себя, что «Альманах каламбуров» де Бевра в свою очередь был источником вышеприведенной цитаты у Стендаля. Как это ни странно (чтобы не сказать печально), но этот бесспорный источник указывался в литературе о Пушкине несколько раз без всякой ссылки на предшествующие указания или попросту забывался; сошлемся здесь на книгу Л. П. Гроссмана «Этюды о Пушкине» (М., 1923, с. 53). В. Набоков, следуя за Л. П. Гроссманом, не нашел указанной цитаты в парижском издании «Бьеврианы» 1800 г., но И. А. Шляпкин, впервые обнаруживший ее в 3-м издании этой книги (IX года революции), где она находится на 204-й странице, для верности сообщил даже шифр, под которым «Бьевриана» хранилась в имп. Публичной библиотеке в Петербурге (здесь находится она и поныне). Несмотря на то что Шляпкин опубликовал свое открытие в 1903 г., много лет спустя ряд видных исследователей Пушкина все еще продолжал настаивать на том, что той же сатире Горация «Онегина» имеет своим источником одного лишь Горация. Об этом писал, например, Б. В. Томашевский в статье «Пушкин и Лафонтен» (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3. М.—Л., 1937, с. 218), подкреплявший свое наблюдение ссылкой на то, что той же сатире Горация Пушкин подражал и ранее, в своем «Послании к Ф. Ф. Юдину» (1815), при описании сельского уединения в Захарове. Такой же точки зрения придерживался и Д. П. Якубович в своей последней (неоконченной) статье «Пушкин и античность» (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 6. М.—Л., 1941, с. 112).

Пушкину пришлось прибегнуть к знаменитому декларативному противопоставлению себя Онегину в строфе LVI. Быстрая эволюция воззрений Пушкина привела к тому, что в ходе работы над первой главой замысел сдвинулся. Характер героя в конце главы оказался весьма далеким от облика его в начале. Отношение автора к нему также коренным образом изменилось». ³³ В этом и заключались, очевидно, те «противоречия» в тексте «Онегина», которые заметил и сам Пушкин. Устранить их было, однако, трудно, так как пришлось бы переделывать весь текст; устранить же эпиграф было легко, что Пушкин и сделал, догадавшись, что последний не может далее исполнять ту роль, которую он играл вначале, когда избирался поэтом: сохранять его в отдельном издании первой главы или в ее позднейших перепечатках не имело смысла. Тем самым устанавливается, что как выбор указанного эпиграфа, так и исключение его в творческой истории «Евгения Онегина» имели определенное хронологическое значение.

3. Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча

В статье, напечатанной в 1840 г. в «Северной пчеле» и озаглавленной «Нынешняя орфография», ³⁴ Н. И. Греч между прочим вспоминал о русских писателях, интересовавшихся вопросами русской грамматики, и называл среди них Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского. «Знаете ли вы, кто еще из наших писателей был отличный грамматик, любил толковать о грамматике, старался решать затруднительные вопросы?», — спрашивал Греч далее в этой статье и отвечал: «Пушкин», тут же подтвердив это наблюдение следующим воспоминанием: «Вскоре после выхода моей Грамматики (в декабре 1827 г.) встретились мы с ним (Пушкиным, — М. А.) на обеде у почтенного барона Пальмшерны (шведского посланника в С.-Петербурге). Он тотчас же вступил со мною в разговор и в спор о разных частях ее, и сообщил мне многие дельные и умные замечания».

Это воспоминание представляет для нас двоякий интерес. ³⁵ С одной стороны, оно удостоверяет лишний раз хорошо известный интерес Пушкина к лингвистическим вопросам, в частности к различным разделам русской грамматики. С другой стороны, цитированные строки не только называют шведского дипломата, у которого на обеде состоялся запомнившийся Гречу разговор с Пушкиным, но и дают новую дату в летописи жизни русского поэта — декабрь 1827 г. Самое знакомство Пушкина с указанным шведским дипломатом и ранее предполагалось исследователями, ³⁶ но теперь подтверждается документальным свидетельством.

³³ Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. Тарту, 1975, с. 29.

³⁴ Греч Н. И. Нынешняя орфография. — Северная пчела, 1840, № 34.

³⁵ Приведенное свидетельство Греча не учтено в статье Н. О. Лернера «Заметки о Пушкине, XV. Из отзывов Н. И. Греча о Пушкине» (Пушкин и его современники, вып. XVI. СПб., 1913, с. 70—73).

³⁶ Л. А. Черейский включил Пальмшерну в свой справочник «Пушкин и его окружение» (Л., 1975, с. 300—301) на том основании, что, по сви-

Попробуем определить более точно, когда могла произойти та встреча с Пушкиным на обеде у шведского посла в Петербурге, о которой Греч вспомнил в 1840 г.

Барон Нильс Фредрик Пальмшерна (Nils Fredrik Palmstierna, 1788—1863) был хорошо известен в Петербурге: должность шведского посланника при русском дворе он занимал целую четверть века (с 1820 по 1845 г.).³⁷ Характеристика его, данная П. А. Вяземским в «Старой записной книжке», во всяком случае дает полное основание считать, что знакомство Пальмшерны с Пушкиным было естественным и вполне закономерным; сам Вяземский, по-видимому, знал его довольно близко, нередко встречаясь в петербургских гостиных, хотя, вспоминая об этом, допустил характерное искажение в русской транскрипции его имени.³⁸ «Шведский посланник Пальменштерн (sic!) многие годы занимал в Петербурге место свое. Он был умный и образованный человек. В сравнении с другими сослуживцами его, аккредитованными при русском дворе, можно сказать, что он довольно обрусел. Он очень порядочно выучился нашему языку, ознакомился с литературою нашею и со вниманием следил за движениями ее. За такую внимательность литература наша, не избалованная (особенно в то время) ухаживанием иностранцев за нею, должна помянуть его добром и признательностью. На его дипломатические обеды бывал даже приглашаем Греч, что совершенно вне посланнических обыкновений дипломатических преданий. Пальменштерн был очень вежлив и общжителен, хотя и пробивалась в нем некоторая скандинавская угловатость и суровость». Правда, Пальмшерна, по словам того же Вяземского, был страстным картежником, и «вежливость совершенно изменяла ему за игорным столом. Карты, особенно когда он проигрывал, пробуждали в нем страсти, воинственность и свирепость поклонника Одина».³⁹ Вяземский

детельству В. А. Жуковского, Пушкин был знаком со всеми членами дипломатического корпуса.

³⁷ Биографию Н. Пальмшерны, основанную на его послужном списке, с точными датами, см. в кн.: Nordisk Familjebok. Konversationslexicon och realencyklopedi, Bd. 20. Stockholm, 1914, s. 1371. После своего отозвания из Петербурга Н. Пальмшерна жил в Гамбурге, где и умер.

³⁸ П. А. Вяземский именует его на немецкий лад («Пальменштерн»); В. А. Жуковский во время пребывания в Швеции отметил в своем дневнике (запись от 31 мая/12 июня 1838 г.) встречу с двумя петербургскими знакомыми: «Пальменширна (sic!), Нордин»; см.: Жуковский В. А. Дневники. С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903, с. 231. Густав Нордин в конце 30-х годов состоял секретарем шведского посольства в Петербурге. Сохранилось письмо к нему Пушкина 1835 г. (см.: Найдич Э. Э. Письмо Пушкина к Густаву Нордину. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. Л., 1958, с. 217—219). То обстоятельство, что оно найдено в Стокгольме, в составе автографического собрания Людвиг Мандерстрёма, состоявшего в 1838—1839 гг. секретарем посольства Швеции в Петербурге, наводит на мысль, что в том же собрании могли сохраниться какие-либо другие документальные следы о знакомстве и встречах Н. Пальмшерны с Пушкиным.

³⁹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. VIII. СПб., 1883, с. 214—215. Ошибка в имени Пальмшерны и другие данные свидетельствуют о том, что приведенная запись Вяземского внесена в «Старую записную книжку»

сообщает здесь также несколько анекдотов о Пальмшерне, ходивших среди посетителей петербургских великосветских салонов.⁴⁰

Приведенная характеристика Н. Пальмшерны, принадлежавшая перу П. А. Вяземского, в известной мере удостоверяет фактическую, а вместе с тем и хронологическую достоверность воспоминания Н. И. Греча. Последний, в частности, говорит, что его встреча с Пушкиным на обеде у Пальмшерны состоялась вскоре после выхода в свет его «Грамматики» — в декабре 1827 г. Это свидетельство следует считать вполне правдоподобным.

Отметим прежде всего, что в 1827 г. «Грамматика» Греча вышла в Петербурге в двух редакциях: 1) «Пространная грамматика...», т. I. СПб., 1827 (цензурное разрешение помечено еще 25 апреля 1825 г.; второй том издан не был) и 2) «Практическая грамматика». СПб., 1827 (цензурное разрешение 24 февраля 1827 г.). По-видимому, обе грамматки вышли в свет одновременно, притом не ранее начала ноября 1827 г. Об этом можно судить, во-первых, на основании рецензий на эти книги, появившиеся в печати. «Северная пчела» опубликовала рецензию на оба издания (в отделе «Новые книги») вместе с указанием адресов, где их можно приобрести, в № 138, вышедшем 17 ноября. Эта рецензия, подписанная полным именем издателя газеты — Фаддея Булгарина, носила дружеский и рекламный характер: «Вот плоды двадцатилетних трудов и наблюдений для составления правил русского языка, плоды давно ожидаемые с нетерпением всеми ревностными любителями русского слова». Признаваясь, что он не должен был бы хвалить эти труды, поскольку сам является другом и в то же время «учеником» автора в постижении русского языка,⁴¹ Булгарин тем не менее все же отмечал, что «в нашей литературе давно не выходило столь важных, общезанимательных, полезных и драгоценных книг для русского языка, как сии две грамматки», и что «две ныне изданные грамматки составляют полный, подробный, ясный, удобоповятный курс языка русского, которым может пользоваться и юноша и созрелый чиновник».

В журнале «Сын отечества», который редактировал Н. И. Греч, тогда же появилась рецензия на обе грамматки, подписанная «С—ов» (т. е. О. Сомов), в которой говорилось: «В сих двух книгах издатель „Сына оте-

через много лет, при ее переработке для публикации. В новейшем издании (Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1963) цитированный отрывок не воспроизведен).

⁴⁰ Н. Пальмшерна, вероятно, был нередким гостем в петербургском салоне австрийского посланника графа К. Ф. Фикельмона, женатого на дочери Е. М. Хитрово, приятельнице Пушкина. См.: Kauchtschisch-wili N. Il diario di Dar'ja Fedorowna Fickelmont. Milano, 1968, p. 165 (запись от 26 июня 1831 г.). Вспоминая о салоне Фикельмонов, П. А. Вяземский говорит, что здесь «и дипломаты и Пушкин были дома» (Полн. собр. соч., т. VIII, с. 226).

⁴¹ «Как другу и товарищу г. Греча мне нельзя хвалить того, что я признаю в душе моей достойным всех похвал (<...> Я обязан ему настоящим моим познанием русского языка и за честь себе вменяю называться его учеником».

чества“ как бы отдал отчет в долгодетных трудах своих на пользу языка и словесности российской». ⁴²

С другой стороны, известно, что не без ведома самого Греча общественное изъявление ему признательности за выпущенные им грамматики приурочено было ко дню его именин, т. е. к 6 декабря 1827 г. Об этом праздновании и участии в нем Пушкина сохранилась записка в секретном архиве М. Я. фон Фока, управлявшего в то время III отделением и, по словам Б. Л. Модзалевского, «сосредоточившего в своих опытных руках все нити жандармского сыска и тайной агентуры». ⁴³ В этой записке, автором которой, вероятно, являлся Ф. Булгарин, между прочим говорилось: «В день св. Николая журналист Николай Греч давал обед для празднования своих именин и благополучного окончания Грамматики. Гостей было 62 человека: все литераторы, поэты, ученые и отличные любители словесности». Описывая далее этот праздник в весьма тенденциозном духе, полном верноподданнических чувств, автор записки, в частности, упоминает, что один из гостей под конец обеда, «взяв бокал в руки, пропел следующие забавные куплеты, относящиеся к положению Греча и его Грамматики:

Уж двадцать лет прошло, как Греч
Писать Граматику затеял;
Конец труду и тяжесть с плеч,
Пусть жнет теперь, что прежде сеял.
Лились чернила, лился пот,
Теперь вино польется в рот
и т. д.»

Четвертая, заключительная строфа этого стихотворения читалась следующим образом:

Теперь, ура, друг Николай! (т. е. Греч, — М. А.)
Ты наш жандарм языкознанья,
Трудись, живи да поживай
Без всяких знаков препинанья.
Друзья, воскликнем, наконец,
Ура, грамматики творец! ⁴⁴

«Трудно вообразить, какое веселие произвели сии куплеты», — замечает автор записки и добавляет, что куплеты государю «повторены были громко всеми гостями» и что «Пушкин был в восторге и беспрестанно

⁴² Сын отечества, 1827, ч. 116, № XXII, отд. VI, с. 159 (цензурное разрешение части 27 октября этого года). О различных редакциях «Граматики» Греча см.: Водовозов В. Русские грамматики. — Педагогический сборник, 1871, кн. 10, с. 1255—1256; Г. Геннади. Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. I. Берлин, 1876, с. 255—257; Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. включительно, вып. 1. М., 1954, с. 48—49.

⁴³ Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. Пб., 1922, с. 40.

⁴⁴ Там же, с. 40—41.

напевал их, прохаживаясь. Он списал эти куплеты и повез к Карамзиной, Нечаев повез их в Москву».⁴⁵

Поведение Пушкина на обеде в честь Греча едва ли точно описано в цитированном секретном донесении, хотя в 1827 г. поэт сохранял еще с Гречем и даже с Булгариным вполне лояльные отношения; с последним Пушкин познакомился лично лишь незадолго до этого времени.⁴⁶ Однако дата самого празднования (6 декабря) интересна для нас в данном случае по другой причине. Хотя в дошедшей до нас части библиотеки Пушкина «Грамматики» Греча не имеется, но несомненно, что она была в руках поэта вскоре после ее выхода в свет; во всяком случае он знал о ней, так как присутствовал на ее прославлении в начале декабря 1827 г. Приведенные данные не предоставляют нам возможности решить, когда состоялась встреча Пушкина с Гречем на обеде у шведского посланника — до или после 6 декабря; однако не подлежит сомнению, что дата, указанная самим Гречем, т. е. «декабрь 1827», указана точно. Мы склонны предположить, что обед у дипломата Н. Пальмшерны состоялся после празднования именин Греча, о котором в Петербурге, благодаря большому числу присутствовавших на нем лиц, распространились разнообразные слухи, но такая догадка требует еще документального подтверждения или обоснования.⁴⁷

М. П. Алексеев

«ДВИЖЕНЬЕ» ПУШКИНА И «НЕЧТО О БАРЩИНЕ» Н. И. ТУРГЕНЕВА

В конце ноября—начале декабря 1825 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Ты приказывал, моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха <...> вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть, избираю

⁴⁵ Там же, с. 42. Б. Л. Модзалевский указывает, что в записке автор поздравительных стихов не указан, но что они сохранились в бумагах самого Греча с подписью А. Е. Измайлова (Русский архив, 1869, с. 603). Список С. Д. Нечаева напечатан в «Русском архиве» (1893, кн. 1, с. 446).

⁴⁶ Пушкин. Письма, т. II. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., 1928, с. 266—268 (здесь полностью напечатана также записка о празднике в честь Греча из архива III отделения).

⁴⁷ Отметим, кстати, что о Пальмшерне (именуя его Пальмштиерна) и знакомстве его с А. Мицкевичем в Петербурге в конце 20-х годов рассказывает Ципринус (О. А. Пржецлавский) в своем «Калейдоскопе воспоминаний» (Русский архив, 1872, № 9, стлб. 1952): «Теперь несколько слов о самом Пальмштиерне. Это был человек умный, ученый и с манерами истого джентльмена. Он бывал в одних домах с Мицкевичем и со мною и был близко с нами знаком. К тому же, не знаю какими судьбами, он хорошо знал польский язык, свободно говорил на нем и был пламенным поклонником поэтического гения Адама. Он был приятным гостем в высшем петербургском обществе, но до известной степени. Он имел странный недостаток: не мог хладнокровно играть в карты, и как только взял их в руки, то вдруг из джентльмена делался грубым и дерзким». Ср.: Адам Мицкевич в русской печати (1825—1955). Библиографические материалы. М.—Л., 1957, с. 219 (№ 1135) (см. также по указателю).

невиннейших». Далее шел текст пяти стихотворений: «Совет», «Соловей и кукушка», «Движенье», «Дружба», «Мадригал» (XIII, 245—246).

М. П. Алексеев, тщательно проанализировавший историю создания «Движенья», его связь с научными поисками эпохи, отмечает «жанровое родство всех указанных пяти пьес <...> законченность образуемого ими цикла». Автор отметил и «последовательность их расположения, к сожалению нарушаемую в собраниях его (Пушкина, — В. П.) сочинений». Исследователь обратил внимание и на изменение порядка «расположения этих „эпиграмм“», первоначально установленного самим Пушкиным.¹ В первой публикации (в «Урагии») «Движенье» идет после «Мадригала», открывающего цикл. Во второй части «Стихотворений» Пушкина, изданных в 1829 г., «Движенье» напечатано первым.

Думается, что первоначально Пушкин сознательно упрятал «Движенье» в середину. Из всех пяти стихотворений оно было наиболее значимым и наименее «невинным».

Эпиграмма была многозначна. Наряду с постановкой глубоких философских проблем² стихотворение полемизировало с ретроградами и скептиками — «Аристархами», как называл их Н. И. Тургенев в неоконченной полустатье-полужаписке «Нечто о барщине» (1818).³ Там говорилось: «Разница в мнениях часто происходит не только от различных понятий о вещах, но даже и от неодинакового смысла, в котором принимаются самые слова. Так, у нас слово рабство не всеми принимается ныне в одном и том же смысле. Некоторые стараются доказывать, что рабство не рабство, а что-то другое, и даже, что рабство составляет не бедствие, но благоденствие народов; и что невыгодное мнение о рабстве есть одна только игра воображения молодых умов. Так древние скептики утверждали, что люди ошибаются, думая, что они двигаются, когда ходят, и что сие мнение происходит единственно от воображения. Известен способ, употребленный одним афинским весельчаком для опровержения скептиков. Я никогда не присоветую употребить то же средство для убеждения наших Аристархов. Замечу только, что убеждение не может иметь место там, где мнение направляется пристрастием и корыстью. Но, оставив и смешных скептиков древних и наших печальных политиков, обратимся к делу. Для ясного суждения о вещах надлежит исследовать не название, но свойство их. К тому же надобно принимать вещи так, как мы их находим, а не так, как они иногда могут быть. Следуя сему правилу, рассмотрим, что обыкновенно разумеют под словом рабство и что под оным разуметь должно».⁴ Далее доказывалось, что русские крепостные — рабы.

¹ Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972, с. 49.

² Там же, с. 45—66.

³ «Аристарх» употреблен иронически, как нарицательный термин, обозначающий строгого, педантичного резонера. Именно в таком смысле он часто встречается у Пушкина (см.: Словарь языка Пушкина, т. I. М., 1956, с. 46). Термин восходит к древнегреческому филологу-критику Аристарху Самофракийскому. Другой Аристарх, Самосский, «Юперник древности», вряд ли повлиял на возникновение этого термина.

⁴ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 гг., т. III. Пг., 1924, с. 49.

Пушкин хорошо знал и взгляды Тургенева, и его произведение. Влияние их очевидно в «Деревне»,⁵ да и в других произведениях Пушкина. Эпиграфом ко второй главе «Евгения Онегина» послужили слова Горация «O rus! Nog. O Русь!». Замена дословного перевода текста римского поэта («О деревня») русской транскрипцией привела к отождествлению деревни и Руси в целом, что вызывало в сознании читателя ассоциацию с пушкинским изображением рабства в «Деревне».⁵

Вероятно, в 1825 г., создавая «Движенье», Пушкин опять вспомнил политическую интерпретацию Тургеневым парадокса о Зеноне Элейском и использовал этот прием. Но по-другому. У Пушкина опровергает Галилей — символ мученичества, упорства, научного дерзания и победы прогресса.⁷

В. В. Пугачев

«ТЫ, МОЦАРТ, НЕДОСТОИН САМ СЕБЯ»

Как известно, слова, вынесенные в заглавие настоящей заметки, принадлежат Сальери и выражают данную им оценку характера и поведения Моцарта. Поводом для этих слов явился эпизод, где Моцарт впервые появляется перед читателем, ведя за собой слепого скрипача, которого он слышал в трактире и игрой которого он собирается «угостить» Сальери. Далее следует авторская ремарка: «Старик играет арию из Дон Жуана; Моцарт хохочет».

На лукаво-простодушный вопрос Моцарта: «Ах, Сальери! Ужель и сам ты не смеешься?» — Сальери отвечает краткой, но внушительной тирадой, построенной по всем правилам риторики — с анафорой, параллелизмом, развернутым сравнением, эффектным enjambement:

Нет.

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.

Мы остановились с такой подробностью на этом эпизоде потому, что смысл его, как представляется, может оказаться ключевым в психологической характеристике и противопоставлении двух героев трагедии.

⁵ Подробнее см. в моей статье «Декабрист Н. И. Тургенев и пушкинская „Деревня“» (Изв. ОЛЯ, 1975, № 6, с. 496—506).

⁶ Подробнее об эпиграфе из Горация в «Евгении Онегине» см. в статье М. П. Алексеева в настоящем сборнике (с. 107—108).

⁷ Имелись в виду и «отречение» Галилея, и приписываемая ему фраза «А все-таки она вертится». Характерно, что в марте 1826 г. декабрист А. И. Якубович, давший показания против своих товарищей, просил их: «Я имел высокие намерения, по богу, верно, неудобно было дать мне случай их выполнить. Братцы! Не судите по наружности и не обвиняйте прежде времени». Текст этот написан карандашом на главном листе журнала, на одной стороне которого напечатано: «Московское ежемесячное издание. Октябрь». В оглавлении — «Сон Галилеев» (с. 94—107).

Надо сказать, что истолкование данного эпизода обычно встречается с известными трудностями. В самом деле, Сальери как будто не совсем прав в своем горячем заступничестве за искусство. Его пскреннее возмущение решительно не вяжется с тем «амплуа» холодного «знатока»,¹ ремесленника, сухого «техника»,² «частичного человека»,³ которое ему обычно приписывается во всех «антисальеристских» работах, посвященных данной трагедии, на основании известных его слов из первого монолога, хотя, между прочим, и в этом монологе говорится о «восторге и слезах вдохновения» и вообще главной темой его является именно восторженно-благоговейное отношение к искусству. Явная односторонность трактовки Сальери только как антипода Моцарта давала повод к появлению другого ряда работ, так сказать, «сальеристских», в которых именно позиция Сальери сопоставлялась с художественными взглядами самого Пушкина,⁴ где указывалось на автобиографическую основу слов о «фигляре презренном» (в связи с известной историей о плагиате Булгарина)⁵ и т. п.

С другой стороны, позиция Моцарта в этом эпизоде также остается не совсем ясной. Обычно указывается — в качестве наиболее очевидного объяснения — на демократизм гения, радующегося своей популярности «у народа»,⁶ либо на его простодушие⁷ и снисходительность. Однако, во-первых, такая характеристика Моцарта не совсем согласуется с его заключительными, предсмертными и потому особо значительными словами об избранности «единого прекрасного жрецов». Здесь опять, как и при характеристике Сальери, очевидная, «напрашивающаяся» интерпретация плохо согласуется со всем текстом трагедии.

Но даже если и принять тезис о демократизме Моцарта, приходится признать, что данное качество не много говорит о нем как о гениальном художнике: демократичным и терпимым можно быть, и не будучи творцом «Дон Жуана». Эту кажущуюся бедность и скупость характеристики Моцарта, особенно заметную на фоне исповеди Сальери, некоторые исследователи пытаются объяснить тем, что «Моцарту и не требуется много говорить, так как за него „говорит“ его музыка».⁸ Однако такое объяснение парадоксальным образом смыкается со взглядом Сальери на Моцарта, отличаясь от последнего только эмоциональным тоном, проявляющимся в подборе эпитетов.

¹ См.: Малышева И. В. Музыка в трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери». — В кн.: Роль традиции в развитии литературы и фольклора. Пермь, 1974 (Учен. зап. Пермского гос. пед. ин-та, т. 137), с. 7—8.

² Глумов А. Музыкальный мир Пушкина. М.—Л., 1950, с. 218.

³ Блюменфельд В. К проблематике «Моцарта и Сальери» Пушкина. — Вопросы литературы, 1958, № 2, с. 117.

⁴ Арденс Н. Пушкин и музыка. — Новый мир, 1936, № 12, с. 275.

⁵ Городецкй Б. П. Драматургия Пушкина. М.—Л., 1953, с. 282—283.

⁶ Малышева И. В. Музыка в трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери», с. 10—11.

⁷ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, с. 619 и сл.

⁸ Малышева И. В. Музыка в трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери», с. 9.

Нам кажется, что смысл рассматриваемого эпизода и возникающие в связи с этим проблемы могут быть объяснены при учете того обстоятельства, что данная сцена имеет некоторый реальный подтекст, связанный с творчеством Моцарта.

Чтобы пояснить данную мысль, обратимся к партитуре финальной сцены «Дон Жуана». Она начинается картиной веселого ужина: герой пробует различные блюда, отдает приказания Лепорелло и слушает «концерт». Приглашенные музыканты играют популярные мелодии из опер 1780-х годов:⁹ из «Редкой вещи» Висенте Мартин-и-Солера (1786 г.), «Когда двое ссорятся, третий радуется» Джузеппе Сарти (1782 г.) и, наконец, знаменитую арию Фигаро («Мальчик резвый») из оперы самого Моцарта (1786 г.). Услышав ее, Дон Жуан восклицает: «Эта музыка мне знакома!». Тем самым вся сцена (с последующим появлением статуи Командора, апокалиптическим хором небесных сил и т. д.) комическим образом приобретает «злободневную» временную окраску — вполне в духе этой *dramma giocosa* («веселая драма») Моцарта. Дело, однако, не столько в самом наличии в музыке цитат и автоцитаты, сколько в том, как Моцарт цитирует «сам себя».

Поскольку «концерт» происходит в рамках бытовой ситуации, исполняемая музыка интерпретируется соответствующим образом. Это проявляется прежде всего в составе оркестра: в «концерте» участвуют только деревянные духовые и валторна. Отсутствуют струнные — основа симфонического оркестра, отсутствуют труба и тромбон — важные средства оркестровой красочности и драматизации в партитурах Моцарта. Вместо симфонического оркестра перед нами типичный бытовой, уличный ансамбль. В результате все оркестровое богатство и сложность оригинала, сложная переключка и полифоническое соединение тембров, сопоставления контрастных регистров, контрасты динамики, фразировки, характерные для этой арии, здесь полностью исчезают. Комическое впечатление производят неуклюжая передача гобоем и кларнетом воздушных скрипичных пассажей, примитивно-однообразная басовая партия и т. д.

Но не только фактура и оркестровка оригинала теряются, сводятся к примитиву. Теряется также сложная мотивная структура, тематические связи и сопоставления, в которые включается эта ария в контексте всей оперы. В частности, поскольку содержанием арии Фигаро служит рассказ о судьбе, ожидающей Керубино на военной службе, на всем ее протяжении постоянно звучат фанфары медных инструментов, героические призывы трубы (которые, однако, причудливым образом напоминают мелодические обороты из романтической канцоны самого Керубино). В то же время иронически-насмешливый подтекст передается характерной быстрой фигурой у скрипок, которая возникает в опере уже с первого такта увертюры (ре—до—диез—ре—до—диез—ре), как заставка, как эпитафия, и затем сопровождает партию Фигаро, задавая насмешливый тон всему музыкальному повествованию; в частности, в рассматриваемой арии данная фигура играет важную роль.

⁹ Напомним, что «Дон Жуан» был написан в 1789 г.

Но все это, конечно, в оригинале. В репродукции данная смысловая игра полностью теряется уже в силу отсутствия соответствующих тембровых средств. Даже тональность сменена: вместо блестящего героического до мажора оригинала камерный си бемоль мажор, преимущество которого (немаловажное для неумелых исполнителей) заключается в его большом удобстве для кларнета.¹⁰

В итоге текст обесмысливается, превращаясь в заурядный бытовой музыкальный номер, типичную *Tafelmusik*. Перед нами та самая картина, которую так драматически живописал Сальери: шедевр, изуродованный уличными музыкантами, нагрывающими на потеху публике. Параллель между этой сценой и пушкинским слепым скрипачом, играющим в трагедии (он, кстати, в трагедии исполнил арию из «Свадьбы Фигаро», а перед Моцартом и Сальери — из «Дон Жуана»), очевидна. Учитывая несомненно отличное знание Пушкиным «Дон Жуана»,¹¹ можно предположить, что в этой сцене трагедии поэт имел в виду рассмотренный нами эпизод из оперы Моцарта.

Тем самым существенно смещается психологический аспект данной сцены. «Величественность» Сальери и «простодушие» Моцарта составляют лишь верхний ее смысловой пласт, так сказать, доступный глазам Сальери. Глубинный же подтекст сцены заключается в том, что Моцарт уже здесь выявляет свои творческие методы, обнаруживая глубину гениального художника. Его полупуштливые восхищение игрой скрипача объясняется не благодушием и простотой, а тем, что эта игра привела его к художественной находке. Так в результате через этот эпизод читатель приобщается к творческому поискам композитора во всей их напряженности и в то же время свободе от всяких шор, от всякого ложного пафоса и стеснения, — к поискам, непонятым в этом их качестве Сальери.

Чтобы яснее стал этот творческий аспект эксперимента, осуществленного Моцартом и, по-видимому, понятого и оцененного Пушкиным, зададимся вопросом: в чем его смысл? С этой целью вернемся вновь к сцене из «Дон Жуана»; при более внимательном рассмотрении она приоткрывается с другой стороны.

¹⁰ Эффект получается такой, как будто невежественный исполнитель, взяв ноты оригинала (написанного в до мажоре), не дает себе труда транспонировать, а просто играет на своем кларнете in B (т. е. понижая на тон), так что в результате получается си бемоль мажор.

¹¹ Возможные источники музыкальных впечатлений Пушкина детально рассматриваются в работах: Ливанова Т. Моцарт и русская музыкальная культура. М., 1956; Глумов А. Музыкальный мир Пушкина. Оба автора приходят к выводу, что Пушкин неоднократно мог слышать «Дон Жуана» как в Москве и Петербурге, так и во время южной ссылки. Весьма обширная осведомленность Пушкина относительно литературы о Моцарте впервые была выявлена в комментарии М. П. Алексеева к «Моцарту и Сальери» в кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. VII. М., Изд. АН СССР, 1935. В дальнейшем вопрос о широкой осведомленности поэта в фактах творчества и биографии как Моцарта, так и Сальери с наибольшей подробностью разрабатывался в работах И. Бэлзы. См., например: Бэлза И. 1) Моцарт и Сальери. М., 1953; 2) Моцарт и Сальери (к исторической достоверности трагедии Пушкина). — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.—Л., 1962.

Во-первых, в этом «примитиве» есть скрытая, не сразу заметная сложность и тонкость. Бедность и однообразие оркестра парадоксальным образом компенсируются тем, что вокальная партия исполняется двумя певцами — баритоном и басом: Дон Жуан и Лепорелло переговариваются во время «концерта», и это создает вокальную тембровую переключку, которой нет в оригинале. Во-вторых, выключенность из мотивной структуры тоже оказывается мнимой, и вот почему. «Концерт» обрывается внезапным появлением Донны Эльвиры, которая пришла в последний раз умолять Дон Жуана оставить путь, ведущий к гибели; непосредственно вслед за тем является и Командор. Драматическое появление Донны Эльвиры, обрывающее празднество, сопровождается введением струнных, которые после долгого перерыва звучат очень ярко: в басу (у виолончелей и контрабасов) возникает стремительная мелодическая фигура, тяжело поднимающаяся по ступеням вверх (как шаги Командора): си бемоль—ля—си бемоль—ля—си бемоль, до—си—до—си—до, ре—до диэз—ре—до диэз—ре; в этой фигуре внимательный слушатель может уловить неожиданную связь с насмешливым скрипичным лейтмотивом Фигаро. Наконец, транспонирование арии в другую тональность тоже имеет определенный, хотя и скрытый смысл: си бемоль мажор — это тональность заглавной арии Дон Жуана, дающей наиболее полное самовыражение героя, и тем самым данная тональность ориентирует цитату на образ главного героя. Таким образом, композитор как бы бросает вызов слушателю, шокируя его примитивом и в то же время расставляя скрытые знаки высочайшего мастерства.

Но зачем вообще понадобилась в «Дон Жуане» эта ссылка на предыдущую оперу Моцарта? это напоминание о Керубино (поскольку ария посвящена именно будущей судьбе Керубино)? Последний вопрос содержит в себе одновременно и ответ, ибо сопоставление Керубино и Дон Жуана несомненно играет роль в характеристике последнего. Оно всплывает сначала в словесном тексте: ¹² Керубино в I действии рассказывает Сюзанне о том, что каждая женщина кажется ему прекрасной, у каждой (включая Марцелину) он находит какие-то достоинства; аналогично, весьма сходными словами, Лепорелло характеризует Дон Жуана в большой арии, в которой развертывается список подвигов Дон Жуана и рассказывается, что он всем воздаст должное — блондинкам и брюнеткам, старым и молодым, величавым и миниатюрным, графиням и камеристкам. Данное сопоставление в финале, таким образом, оказывается закрепленным музыкально. Тем самым весь эксперимент приобретает органический характер в смысловой ткани оперы: блестящая и насмешливая художественная «игра» приобретает неожиданный и глубокий смысл.

Заметим в этой связи, что аналогичное сопоставление присутствует, причем также в скрытом виде, в трагедии Пушкина: в первом своем монологе Сальери называет Моцарта «безумцем, гулякой праздным» — оценка, как кажется, ориентированная на образ Дон Жуана; в дальнейшем тот же Сальери называет Моцарта «херувимом» («Что пользы в нем? Как некий херувим, Он несколько занес нам песен райских...»). Считать это чистой

¹² Либретто к обеим операм написаны Л. да Понте.

случайностью трудно, учитывая все сказанное выше, тем более что сопоставление Керубино и Дон Жуана выявляется и в подборе музыкальных номеров, исполняемых слепым скрипачом: сначала это канцона Керубино, затем — ария из «Дон Жуана».

Вообще ориентация на «Дон Жуана» Моцарта проходит через всю трагедию (не говоря уже об упоминании Бомарше и его «Женитьбы Фигаро», а также арии «Voi che sarete», которые, через посредство рассмотренной выше ассоциации, также вступают в связь с темой «Дон Жуана»). Так, «Черный человек» вызывает ассоциацию с Командором. Интересна также «программа» музыки, которую Моцарт принес показать Сальери:

Представь себе... кого бы?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка, —
С красоткой или с другом — хоть с тобой, —
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незапный мрак или что-нибудь такое...

Данная «программа» весьма напоминает содержание последней сцены «Дон Жуана».¹³ На это уже указывалось в ряде работ.¹⁴ Смысл данного сходства, однако, выясняется на фоне проделанного выше анализа. В самом деле, именно по поводу этого произведения Моцарта Сальери восклицает:

Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! — Боже!
Ты, Моцарт, недостоин сам себя.

Но так как в памяти читателя возникает, повторяем, финал «Дон Жуана», то как бы оказывается, что патетическое восклицание Сальери относится к музыке, в которой как раз имитируется игра «слепого скрипача». Так Пушкин с чисто моцартовским лукавством ставит ироническую «ловушку» Сальери, для которого смысл эксперимента и творческой свободы художника — не более чем легкомыслие.

Отметим также, что приведенные выше слова Моцарта одновременно могут быть интерпретированы как содержание первой половины «Пира во время чумы». Если сопоставить с этим эпиграф к «Каменному гостю», оказывается, что «моцартианское начало» (и прежде всего отсылка к «Дон Жуану», которого, судя по всему, Пушкин воспринимал как квинтэссенцию музыки Моцарта) бросает отблеск едва ли не на весь цикл «Маленьких трагедий».¹⁵

¹³ Неопределенность и альтернативность этой «программы» нарочиты, поскольку здесь преследуется цель не превратить «программу» при ее явном сходстве с оперой в прямую ссылку, так как «Дон Жуан» предполагается уже написанным ранее.

¹⁴ См.: Ливанова Т. Моцарт и русская музыкальная культура, с. 22.

¹⁵ Заметим кстати, что Скупой рыцарь сравнивает себя с «повесой» («Как молодой повеса ждет свиданья С какой-нибудь развратницей лукавой Иль дурой, им обманутой»), что в свою очередь служит отсылкой к образу Дон Гуана (которого Лаура дважды называет «повесой»). Да и описание того, что может Барон сделать с помощью своего золота, весьма похоже на картину, которую мы реально наблюдаем в финале «Дон

Подводя итог, мы можем констатировать, что известный тезис о «моцартовской природе» пушкинского гения получает в связи с рассмотренным эпизодом более конкретное содержание. Мы видим, во-первых, поразительное проникновение поэта в художественный мир Моцарта, в котором за внешней гармонической простотой скрыты необычайная сложность, тонкость, а подчас и смелая насмешливая игра, своего рода «стернианство». Стоит ли удивляться тому, что автор «Домика в Коломне» и «Повестей Белкина» оказался исключительно проникновенным слушателем «Свадьбы Фигаро» и «Дон Жуана»?

Тезис о глубоком понимании Пушкиным творчества Моцарта высказывался неоднократно; при этом обычно указывается на один момент — действительно с замечательной глубиной выявленный у Пушкина драматизм, контрастность¹⁶ и даже «демонизм»¹⁷ музыки Моцарта. Рассмотренный нами эпизод позволяет осветить данную проблему и с другой стороны — с точки зрения соприкосновения Пушкина не только с общим характером, но и с внутренней структурой, так сказать, техникой моцартовского творчества.

Одновременно полученные данные могут служить, как кажется, существенным аргументом против распространенного в работах 20—30-х годов взгляда, что в трагедии Пушкин рассматривает общехудожественные и общечеловеческие проблемы, а собственно музыкальный аспект затронут им весьма поверхностно.¹⁸ Надо признать, что ссылка на вводимую в текст трагедии музыку, используемая обычно в позднейших работах в качестве контраргумента, выглядит не совсем убедительно. Действительно, собственно музыкальные цитаты обозначены в тексте трагедии весьма неопределенно и скорее свидетельствуют о том, что для поэта было не особенно важно, какая конкретно музыка будет звучать в том или ином эпизоде: старик играет арию из «Дон Жуана» (какую?), Моцарт играет отрывок из «Реквиема» (какой именно?); наконец, исполняемая фортепианная пьеса вообще остается проблематичной с точки зрения ее реального музыкального прототипа.

Теперь мы можем, однако, утверждать, что глубокое постижение музыкальных проблем выражено в словесном тексте трагедии. «Моцарт и Сальери» — не «музыкальная драма», а драма о музыке: ее смысл выявляется в поэтическом слове, в системе словесных отсылок к музыке в гораздо большей степени, чем в собственно музыкальном оформлении действия. Именно в сценическом действии пушкинский Моцарт оказывается достоверным: перед нами не просто тип художника, не олицетворенное «моцартианство», но именно Моцарт, который буквально

Жуана». Ср. в этой связи замечание Д. Д. Благого об эротической окрашенности страсти Барона (Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина, с. 535—536). Ср. также сопоставление Барона и Дон Гуана у Дарского (Дарский Д. Маленькие трагедии Пушкина. М., 1915, с. 24 и сл.).

¹⁶ Ср.: Малышева И. В. Музыка в трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери», с. 13—14; Ливанова Т. Моцарт и русская музыкальная культура, с. 31.

¹⁷ Чичерин Г. Моцарт. Л., 1970, с. 126.

¹⁸ Ср., например: Эйгес И. Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., 1937, с. 179 и сл.

создает свою музыку на наших глазах, и создает ее такой, какой она предстает в реальных произведениях композитора.

Проведенный анализ позволяет сделать и некоторые дополнительные выводы в связи с проблемой соотношения образов Моцарта и Сальери. Мы уже видели, что попытки «дискредитировать» Сальери как ремесленника, недоступного вдохновению, не подтверждаются текстом трагедии — ни исповедью самого Сальери, ни той оценкой, которую дает ему Моцарт. Тем самым остается не вполне выясненным, в чем же проявляется превосходство Моцарта, и притом превосходство не чисто «бытовое» (как простодушного, честного, благородного человека, чуждого зависти и подозрений и т. д.), а как творца, гениального художника? в каких чертах своего характера и поведения Моцарт обнаруживает глубину, конгениальную его музыке и недоступную Сальери? что в Моцарте-музыканте — от «глубины», «смелости» и «стройности» его произведений? Нам кажется, что предложенная в настоящей работе трактовка дает определенный дополнительный материал для ответа на данные вопросы.

Мы можем теперь сказать, чего же недостает Сальери как музыканту, в чем та, непонятная для него, причина, по которой не он, а Моцарт оказывается создателем гениальных произведений. Профессиональное совершенство Сальери не подлежит сомнению, так же как и глубина его размышлений об искусстве, искренность его художественных переживаний и вдохновения; Моцарт по праву причисляет его к избранным «сыновьям гармонии», и нет никакой необходимости для объяснения драмы Сальери ставить под сомнение все то, что у него есть, потому что в трагедии ясно показано, чего у него нет: смелости и свободы, неожиданности и индивидуальности гения, его нестесненности искусственными барьерами «низкого» и «высокого», «подобающего» и «неподобающего», той «божественной игры» (*jeu divin*), которая позволяет повсюду находить материал для своего искусства и придавать ему самые неожиданные повороты. В глазах Сальери эта свобода и нестесненность творческого сознания выглядят легкомыслием и неразборчивостью, полное владение материалом, могучая творческая воля — обидной легкостью и иррациональностью творческого акта. Ясно, что эти высшие творческие проблемы, не постигнутые даже Сальери, не могли быть представлены в трагедии в качестве самоочевидных истин, доступных поверхностному читательскому наблюдению. Если человеческое, моральное превосходство Моцарта с достаточной очевидностью выявляется в его высказываниях, в особенности во второй сцене трагедии (и не раз было прокомментировано исследователями), то его чисто творческая, «профессиональная» победа (и тем самым неосновательность сетований Сальери) становится ясной лишь в том случае, если мы внимательно взглянем в механизм творческого поведения гения, как он был понят и показан Пушкиным.

Проведенное нами сопоставление текста трагедии с музыкой Моцарта позволяет также более конкретно поставить вопрос о проникновении идей, приемов, тем моцартовского творчества в поэзию Пушкина.

Б. М. Гаспаров

Высказывания Пушкина о Куликовской битве и ее поэтических отражениях в средневековой письменности пока не были предметом специального изучения. Между тем они любопытны не только как свидетельства интереса к столь значительному событию отечественной истории. Думается, что в гораздо большей степени эти высказывания важны при интерпретации тех оценок, которые давал Пушкин некоторым существенным явлениям истории русской литературы и ее развитию в целом.

С. М. Бонди пришел некогда к заключению, что начатую в 1829 г. статью «О ничтожестве литературы русской» Пушкин в 1834 г. писать «бросил» вследствие появления в печати известной статьи Белинского «Литературные мечтания», совпадающей «по основной установке и даже по общему плану» с названной статьей Пушкина¹ (аналогичное мнение высказывал несколько позже М. А. Цявловский).² Реконструируя историю этой статьи, С. М. Бонди отмечал, что Пушкиным были в ней использованы датированные 1830 г. так называемые «наброски статьи о русской литературе». Это тот самый текст, в котором содержится широко известное утверждение: «... к сожалению — старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь — и на ней возвышается единственный памятник: *Песнь о Полку Игореве*» (XI, 184). В статье «О ничтожестве литературы русской» этому соответствует следующее место: «... старинные наши архивы и виллиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и *Слово о Полку Игореве* возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» (XI, 268). Нынешние исследователи «Слова о полку Игореве» не раз с сожалением замечали в данной связи, что «Пушкин считал это произведение исключительным»,³ объясняя приведенные только что высказывания Пушкина недостаточной в его время степенью известности древнерусского рукописного наследия.

Говоря о материалах, которыми пользовался Пушкин в работе над статьей «О ничтожестве литературы русской», С. М. Бонди называл между прочим два сохранившихся в пушкинских рукописях плана истории русской литературы. Один из них, краткий, исследователь приводил целиком и датировал 1829—1830 гг.; далее он приводил самое начало второго плана, подробного, а также начало еще одного пушкинского наброска (не имеющего отношения к литературе древнерусской), заметив, что «датировать их трудно».⁴ Впоследствии редакторы шестнадцатитомного «Полного собрания сочинений» Пушкина датировали первый из этих планов 1829 г., а второй — 1834 г. Воспроизводим здесь оба плана полностью в наиболее авторитетной их транскрипции (XII, 208).

¹ Бонди С. М. Историко-литературные опыты Пушкина. — Литературное наследство, т. 16—18, М., 1934, с. 441.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. V. М.—Л., «Academia», 1936, с. 676.

³ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, с. 3.

⁴ Бонди С. М. Историко-литературные опыты Пушкина, с. 430.

<1.>

Летописи, сказки, песни, пословицы.
Послания царские, Песнь о плку, Побошце Мамаево.
Царствование Петра. Царств.ование> *Елисаветы*, Екатерины —
Александра. Влияние французской поэзии.

<1829>

<2.>

Язык. Влияние греческ.<ое>
Памятники его
Литература собств.<енно>
Причины 1) ее бедности
2) отчуждения от Европы
3) уничтожения или ничтожности влияния сканди-
навского

Сказки, пословицы: доказательство сближения с Европою
Песнь о Плку Игор.<еве>
Песнь о побошце Мамаевом
Сказки, мистерии
Песни

Пословицы (*эротек*)
Народность *сказок* (пересказать по-своему — Кальдерон)
Les *Épîtres des Patr.<i>arches*, de< > tz.<i>ars ne sont pas purement
de la littérature ayant un autre but.⁵

<1834>

У комментаторов не было единодушия по поводу того, относятся ли эти два плана к статье «О ничтожестве литературы русской». М. А. Цявловский в 1934 г. относил их к ней «с известной долей вероятности»,⁶ а в 1936 г., в примечаниях к сочинениям Пушкина в издании «Academia», уже не связывал их с этой статьей.⁷ Так же поступили позднее С. М. Бонди — в большом академическом (шестнадцатитомном) издании сочинений Пушкина (XI, 494—496) и Б. В. Томашевский — в подготовленном им десятитомнике.⁸ Однако еще более поздний редактор определенно называл планами статьи «О ничтожестве литературы русской» оба

⁵ Перевод редакторов тома: «Послания патриархов, царей не являются в точном смысле литературой, так как имеют иную цель» (XII, 485). С малосущественными отклонениями в прочтении рукописей первый из этих планов был впервые опубликован в 1884 г., второй — в 1903 г. В собраниях сочинений Пушкина они печатаются с 1929 г.

⁶ Тексты Пушкина. Транскрипция и комментарий М. Цявловского. — Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. III, М., 1934, с. 21.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. V. М.—Л., «Academia», 1936, с. 675—676.

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. VII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1951, с. 701—702 (то же в последующих переизданиях).

приведенных нами выше пушкинских текста, которые С. М. Бонди первоначально также соотносил с замыслом данной статьи.⁹

Легко видеть, что уже первый из этих планов не вполне соответствует той общей характеристике средневекового материала, какую находим в приблизительно современных ему кратких набросках статьи Пушкина о русской литературе. По-видимому, наброски эти потому остались в то время без продолжения, что они предшествовали составлению краткого пушкинского плана, в котором уже более полно учитывались тогдашние сведения о средневековой русской словесности. Характеристика же этой словесности в начатых набросках статьи, по всей вероятности, имела своим косвенным источником какой-либо из уже существовавших опытов обзора русской литературы. Говоря о допетровской эпохе, авторы этих обзоров как раз и выделяли по существу одно только «Слово о полку Игореве».¹⁰ Поскольку начатая Пушкиным статья посвящалась преимущественно XVIII и началу XIX столетия, не вызывает удивления то обстоятельство, что при беглой характеристике литературы более раннего времени Пушкин сначала просто доверился общему впечатлению, вынесенному (отчасти, может быть, еще в лицейские годы) из трудов его предшественников.

Возобновив через несколько лет работу над этой статьей, Пушкин прежде всего воспользовался началом ее, которое находилось в его бумагах. Но возросший у него в то время специальный интерес к «Слову о полку Игореве» имел своим следствием все более широкое знакомство с тогдашней ученой литературой, не только прямо, но и косвенно относившейся к этому предмету занятий Пушкина. Иначе невозможно объяснить ту часть второго пушкинского плана, где одно за другим идут два сходных названия: «Песнь о Плку Игореве» и «Песнь о побоище Мамаевом».

Еще Н. М. Карамзин, характеризуя источники своего труда, обращал внимание на произведение, как он писал, «баснословное», сочиненное в «сказочном слоге» и известное ему между прочим в рукописи «под титулом: *История или повесть о нашествии безбожного царя Мама с безчисленными агаряны*».¹¹ Скептическое отношение Карамзина к исторической достоверности некоторых частей повести (цитаты из которой он приводил) основывалось на бывших у него под рукой списках, не отличавшихся, как видно, и достаточно высокими поэтическими достоинствами. Но существовали и другие рукописи. Уже в следующем году К. Ф. Калай-

⁹ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти т., т. VI. М., Гос. изд. худож. литературы, 1962, с. 435—437.

¹⁰ См., например: Борн И. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808; Грамматин Н. Рассуждение о древней русской словесности. М., 1809; Языцкий Н. Введение в науку стихотворства, или Рассуждение о начале поэзии вообще и краткое повествование восточного еврейского, греческого, римского, древнего и среднего российского стихотворства. СПб., 1811; Бестужев А. Взгляд на старую и новую словесность в России. — Полярная звезда, СПб., 1823 (этот альманах находился в библиотеке Пушкина, см.: Модзалевский Л. Библиотека Пушкина. Новые материалы. — Литературное наследство, т. 16—18, М., 1934, с. 1013).

¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. V. СПб., 1817, с. 421 (примеч. 65).

дович писал: «Повесть о победе, одержанной Дмитрием над Мамаем, особенно в некоторых рукописях, не менее Песни Игорева исполнена возвышенных мыслей, силы языка и пленительных описаний»¹² (далее он приводил несколько таких описаний).

Два года спустя К. Ф. Калайдович, характеризуя труды скончавшегося Р. Ф. Тимковского, упоминал о «драгоценном сочинении, найденном г. Тимковским в рукописи XVII века», которое представляет собой «исповедание и сказание о побоище великаго князя Дмитрия Ивановича Донскаго». Отмечая близость этого сочинения к текстам, написанным «в пиитической прозе», К. Ф. Калайдович обращал внимание на то, что «некоторые места сей героической песни имеют сходство с Словом о полку Игоря, из которого, по-видимому, оные заимствованы».¹³

В 1829 г. уже самый текст был напечатан в «Русском зрителе», издававшемся К. Ф. Калайдовичем.¹⁴ Публикации было предпослано краткое предисловие И. М. Снегирева, где он писал, что «сие эпико-историческое описание победы великаго князя Дмитрия над Мамаем находится неполное в разных сборниках и летописях; полное, здесь помещаемое, отыскано <...> Р. Ф. Тимковским». По заключению автора предисловия, «сия *умильная* повесть» принадлежит современнику событий, что «доказывают следующие в ней слова: *се же слышашом от вернаго самовидца*». Однако «достоинством своим сия повесть ниже Игорева песни, хотя в ней есть места истинно пиитические и обстоятельства для истории важные; но рассказ нередко прерывается позднейшими вставками <...> искажается анахронизмами, по-видимому не всегда принадлежащими самому сочинителю».¹⁵ Далее следовал текст памятника, занимавший 60 страниц. Публикация эта до самого недавнего времени была неизвестна исследователям повестей о Мамаевом побоище.¹⁶ Но о существовании ее знали некоторые из тех,

¹² Неизвестный [Калайдович К. Ф.]. Опыт решения вопроса, предложенного в Обществе любителей российской словесности, основанном при имп. Московском университете, о том, на каком языке писана Песнь о полку Игоря: на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг священного писания, или на каком-нибудь областном наречии? — Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете, 1818, ч. XI, с. 13.

¹³ Калайдович К. О трудах профессора Тимковского по части русской истории. — Вестник Европы, 1820, ч. 110, с. 131—132.

¹⁴ Приступая к своему изданию в 1827 г., К. Ф. Калайдович обратился к Пушкину с письмом, прося прислать что-нибудь для первого выпуска (это письмо опубликовано: XVII, 68). Вскоре после его получения Пушкин, обращаясь к М. П. Погодину, писал: «Извините меня перед Калайдовичем, объясняя невозможность исполнить просьбу последнего тем, что у него нет готовых произведений, не предназначенных уже для какого-нибудь издания (XIII, 350).

¹⁵ Снегирев И. М. «Сказание о побоище великаго князя Дмитрия Иоанновича Донскаго». — Русский зритель. Журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов, 1829, ч. V, с. 3—4.

¹⁶ Ср., например: Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржигя, Л. А. Дмитриев. М., 1959. По-видимому, первым на указанную публикацию обратил внимание В. С. Мингалев; впрочем, результаты его разысканий в архивах и библиотеках были напечатаны

кого занимал специальный интерес Пушкина к «Слову о полку Игореве». Сообщалось, что «книжка эта сохранилась в библиотеке Пушкина» и что он отмечал в тексте места, близкие к «Слову».¹⁷

Однако довольно многочисленные пометы и закладки Пушкина в этой «книжке» (которая является отдельным оттиском из «Русского зрителя») свидетельствуют о его особом внимании именно к напечатанному здесь «эпико-историческому описанию победы великого князя Дмитрия над Мамаем», а не только к случаям сходства со «Словом о полку Игореве». Так, из одиннадцати слов, которые Пушкин в тексте подчеркнул (ркучи, стязи ревут, ползует, Хърс, собранною, стужают, разсунушася, бугай, ре-нут рози), только четыре встречаются в «Слове». Части текста, которые Пушкин отметил на поле чертой или крестом, тоже в большинстве своем не имеют параллелей в «Слове». Отсутствуют в последнем и все слова, которые Пушкин написал в виде пояснений на полях (соборную, разсоватися, волны).¹⁸

По всей вероятности, Пушкин был знаком не только с самим этим изданием, но и с предшествовавшим ему сообщением К. Ф. Калайдовича в «Вестнике Европы» о нахождении «сей героической песни» в бумагах Р. Ф. Тимковского, а может быть, и с выполненными Калайдовичем сопоставлениями этой «песни» («О победе, одержанной Дмитрием над Мамаем») и «Слова о полку Игоря».

Во всяком случае, достаточно ясно следующее: второй план истории русской литературы, датируемый 1834 г., отразил утвердившееся убеждение Пушкина, что существовало произведение средневековой русской сло-

не полностью и лишь спустя семь лет после того, как стали известны в машинописи ленинградским исследователям древнерусской литературы (см.: Мингалев В. С. Списки «Сказания о Мамаевом побоище» в ЦГАДА. — Советские архивы, 1970, № 6). До 1963 г., когда рукопись В. С. Мингалева поступила в ИРЛИ, самой ранней публикацией считалось осуществленное уже после смерти Пушкина переиздание текста И. М. Снегиревым в «Русском историческом сборнике» (т. III, кн. 1. М., 1838).

¹⁷ Новиков И. А. Собр. соч., т. 4. М., 1967, с. 97 (очерк «Пушкин и Слово о полку Игореве», впервые напечатанный отдельным изданием в 1951 г.).

¹⁸ Рукописный отдел ИРЛИ, Библиотека Пушкина, № 132. Все пометы и закладки тщательно отмечены Б. Л. Модзалевским в описании этой библиотеки (Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, с. 36—37). Но в описании не оговорено, что книга представляет собой оттиск из «Русского зрителя». Установить это было трудно из-за отсутствия каких-либо указаний на журнал в оттиске. Он снабжен особым титульным листом, где памятник имеет заглавие, несколько отличное от того, которое далее предшествует тексту публикации — как в оттиске, так и в журнале. После титульного листа в оттиске имеется лист с торжественным посвящением попечителю Московского университета и его учебного округа, председателю Общества истории и древностей российских А. А. Писареву (чего тоже нет в журнале). Оттиск имеет цензурное разрешение, датированное 23 апреля, тогда как весь выпуск журнала разрешен 2 мая. Однако нумерация страниц самого оттиска точно соответствует журнальной и начинается с 3-й страницы, а не с 5-й (как должно было бы быть, если бы оттиск являлся вполне самостоятельным изданием, имеющим вначале четыре нумерованных страницы).

весности, которое следует ставить в один ряд с «Песнью о Пяку Игоре», а именно «Песнь о побойце Мамаевом».¹⁹

Это убеждение было бы несовместимо с той частью неоконченной статьи Пушкина «О ничтожестве литературы русской», где говорится, что «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности». Поскольку работа Пушкина над этой статьей была им прервана в том самом 1834 г., которым датируется упомянутый только что план, вполне очевидно, что он не мог служить для этой статьи материалом.

Напрашивается естественное предположение: незавершенность статьи следует объяснить, в частности, тем, что занятия Пушкина, отразившиеся в новом плане, привели его к решительному изменению прежних представлений о «пустыне нашей древней словесности», а может быть, и о «ничтожестве литературы русской».

Пушкинский план интересен и в том отношении, что он отчасти как бы предваряет некоторые последующие достижения русской академической филологии. М. К. Азадовский писал о приведенном выше подробном плане истории русской литературы: «Здесь, в сущности, предвосхищены позднейшие теории о процессе сказочного творчества и вообще о процессе усваивания каждым национальным фольклором иноземных элементов <...> В сущности, в этом зерно теории А. Н. Веселовского, который подчеркивал, что в заимствовании важен не факт заимствования, а формы национальной обработки заимствованного».²⁰ Может быть, фраза Пушкина, которую имел в виду М. К. Азадовский: «Народность сказок (пересказать по-своему — Кальдерон)», и не вполне достаточна для столь широкого вывода, но некоторые основания для его центральной мысли она, безусловно, содержит, хотя относится скорее к сказкам литературным.²¹

¹⁹ Изложение здесь перипетий дальнейшей судьбы текста, изданного И. М. Снегиревым, не имеет отношения к пушкиноведению. Автора же этой заметки изучение упомянутого текста привело к выводу, что памятник, некогда находившийся, как оказалось, в руках Пушкина, отразил первоначальный вид Повести о Мамаевом побойце, основанный на записи устного героического сказания (Азбелев в С. Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла). — В кн.: Летописи и хроники. М., 1976, с. 95—101).

²⁰ Азадовский М. К. Пушкин и фольклор. — Временник Пушкинской комиссии, вып. 3. М.—Л., 1937, с. 177.

²¹ Цитированная строка Пушкина, вероятно, имеет в виду русские литературные обработки международных фольклорных сюжетов, получившие особенное распространение в рукописной литературе XVII в. (а с XVIII в. отразившиеся и в изданиях, часть которых была в библиотеке Пушкина). В подтверждение этого говорит упоминание о Кальдероне, в данном контексте обязанное скорее всего знакомству Пушкина с П. В. Киреевским. Последний в 1832 г. (т. е. незадолго до составления этого плана Пушкиным) занимался переводом с подлинника знаменитой драмы Кальдерона «Маг-чудодей», представлявшей собой испанский вариант обработки средневековых сказаний о человеке, продавшем свою душу дьяволу (Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964, с. 147). Известно, что Пушкин встречался с Киреевским как раз осенью 1832 г. (см.: Соймов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971, с. 129). Хотя

Можно вспомнить в связи с этим планом и менее известную, чем теория А. Н. Веселовского (но также развитую затем в конкретных работах ряда исследователей), концепцию И. И. Срезневского, выдвинутую им после обнаружения двух рукописей «Задонщины» и преимущественно на их основе, но с опорой и на тот текст, который был уже в руках Пушкина. И. И. Срезневский считал, что поэтические отражения Куликовской битвы — отнюдь не «рабское подражание» «Слову о полку Игореве» (как полагали тогда многие), а явления, в некотором отношении параллельные «Слову»: как и оно, они восходят к своеобразной и некогда весьма развитой, но позднее исчезнувшей устнопоэтической традиции, подавляющее большинство произведений которой не оставило достаточно явных следов в средневековых русских рукописях.²² В пушкинском плане фигурирующие рядом «Песнь о Плке Игореве» и «Песнь о побоище Мамаевом» оказались похожими по названиям¹ и помещенными в окружении сказок, поговорок и собственно песен. Таким образом, идея, высказанная через двадцать лет после смерти Пушкина в специальной работе одного из наиболее выдающихся знатоков средневековой русской словесности, перекликалась — по крайней мере отчасти — с мыслями, которые отразил неизвестный еще тогда пушкинский план истории русской литературы.

Интерес Пушкина к памятнику, впервые изданному И. М. Снегиревым, повлиял, может быть, не только на замысел статьи по истории литературы. О крайне отрицательной роли татаро-монгольского завоевания в истории России Пушкин с горечью упоминал не раз как в художественных своих произведениях, так и в историко-литературных статьях (VI, 18; XI, 32, 268, и др.). Что же касается победы над татарами на Куликовом поле, то она получила более или менее подробное отражение только в неоконченной поэме, написанной в 1833 г. и условно именуемой редакторами «Езерский» (V, 97—103, 515). В 1836 г. Пушкин напечатал части ее, в несколько переработанном виде, как «отрывок из сатирической поэмы» — «Родословная моего героя» (III, 425—428). Сатирическая окраска была присуща и тем строкам «Езерского», которые относятся к татарскому игу (с незначительными изменениями они вошли в упомянутый «отрывок»). Вот эти строки (V, 98):

Отсель фамилию свою
Ведут Езерские. При Калке
Один из них был схвачен в свалке.

Пушкин изучал в то время испанский язык, находившееся в его библиотеке издание Кальдерона на языке подлинника осталось неразрезанным (Алексеев М. П. Очерки..., с. 145, 149, 150—151). Вообще же доказанная исследованием М. П. Алексеева громкая известность Кальдерона (сначала из вторых рук) в русских литературных кругах 20—30-х годов XIX в. отразилась и в предшествовавших цитированному плану высказываниях Пушкина. Он писал, например, в 1830 г., что анахоризмы у Кальдерона при переделке литературного источника не мешают ему стоять «на высоте недосягаемой» среди авторов, чьи произведения «составляют вечный предмет наших изучений и восторгов» (XI, 177).

²² Срезневский И. И. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича¹ и брата его Володимера Ондреевича. — Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности, 1857, т. VI, стлб. 337—344.

А там раздавлен, как комар,
Задами тяжкими татар;
Зато со славой, хоть с уроном.
Другой Езерский, Елизар,
Упился кровию татар
Между Непрядвою и Доном.
Ударя с тыла в кучу их
С дружиной суздальцев своих.

Хотя в целом «родословная» героя вымышлена, ей придана видимость некоторой исторической достоверности путем вольной передачи действительных фактов, которые засвидетельствованы в летописях и несомненно были в общих чертах известны читателям Пушкина из книг по русской истории. Так, например, Н. А. Полевой, описав трагическое поражение русских войск при р. Калке в 1224 г., сообщает далее, что татары трех русских князей — Мстислава Романовича Киевского и двух зятьев его — обманом захватили в плен (не сумев взять их укрепленный лагерь) и затем «умертвили ужасным образом — раздавив живых под досками, на которых сели пировать воины и воеводы двух ханов, главных повелителей».²³ Достоверны в своей основе и сведения «Езерского» о стойившей больших жертв славной Куликовской победе 1380 г. (при впадении в Дон р. Непрядвы), где исход боя решил неожиданный для татар (которые уже теснили главные силы русских) удар спрятанного в засаде войска под главенством князя Владимира Андреевича Серпуховского. В данном случае Пушкин мог воспользоваться и известным ему первоисточником, где этот решающий эпизод Куликовской битвы описан достаточно образно: «И выедоша из дубравы единомысленныя друзи, аки соколи испущени, и ударихася на стада журавлина <...> Погании же видевше и крикнуша глаголюще: „Увы нам, паки Русь нас умудриша! Хутчие с нами бишася, а лутчие соблюдошася“. И обратихася погании, даша плещи своя. Сынове же руский <...> бяху их и <...> аки лес клоняху, аки трава от косы постигается, рускими мечи секутся татарския же полки».²⁴

Существенно, что находящийся в библиотеке Пушкина оттиск публикации И. М. Снегирева имеет как раз в этом месте пушкинскую закладку, а начало цитированного нами отрывка рукой Пушкина отмечено вертикальной чертой и крестом на поле. Следовательно, особенное внимание его привлек, в частности, именно эпизод, который Пушкин описал в поэме «Езерский».

Однако все же более важным для нас представляется отношение Пушкина к Куликовской битве не в собственно поэтическом его творчестве, а в его историко-литературных суждениях.

С. Н. Азбелев

²³ Полевой Н. История русского народа, т. III. М., 1830, с. 302. Ср.: Карамзин Н. М. История государства Российского, т. III. СПб., 1816, с. 234.

²⁴ Русский зритель, 1829, ч. V, с. 58—59.

«ДУБРОВСКИЙ» И «ГАЙ МЭННЕРИНГ» В. СКОТТА

Долголетнее увлечение Пушкина творчеством В. Скотта общеизвестно с давних пор: об этом существует довольно обширная исследовательская литература. К сожалению, наиболее «капитальная», по отзыву Б. В. Томашевского, работа на тему «Пушкин и В. Скотт» (1939), написанная Д. П. Якубовичем, в печати не появилась; тем не менее целая серия статей Д. П. Якубовича, которые должны были быть включены им в указанную монографию, все же увидела свет.¹ В этих статьях исследователь уделил большое внимание вопросам литературной техники обоих писателей, анализируя, например, параллелизм ситуаций в их повествовательных произведениях, устанавливая сходство в отдельных эпизодах, близость некоторых композиционных приемов, характеристик действующих лиц и т. д. у В. Скотта и Пушкина.

Еще в 1824 г., живя в ссылке в Михайловском, Пушкин просил брата посылать ему книги («книг, ради бога, книг») и среди них все «новое», что можно достать из изданий В. Скотта: это — «пища души».² С этих пор библиотека Пушкина стала пополняться произведениями В. Скотта на русском, французском и английском языках.

«Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности», — писал Пушкин в «Литературной газете» 1830 г., в статье об «Истории русского народа» Н. Полевого (XI, 121). Сам Пушкин также не избежал воздействий В. Скотта во многих своих прозаических произведениях 20—30-х годов. Следы этих воздействий были замечены почти во всех важнейших произведениях его повествовательной прозы, начиная с «Арапа Петра Великого». Немало подобных следов отмечают в «Повестях Белкина», где Пушкин следует шотландскому романисту в мистификации авторства и в обрамлении книги; сходны и многие приемы изложения в самих повестях; так, реминисценции из «Ламмермурской невесты» ощущаются в «Барышне-крестьянке», из «Сен-Ронанских вод» — в «Метели»; ряд эпизодов в других повестях Пушкина напоминают сцены из «Роб Роя», «Эдинбургской темницы» и т. д. В общеизвестной статье о В. Скотте в «Путеводителе по Пушкину» Д. П. Якубович писал: «Идя от „Дубровского“, где Пушкин использует ряд сюжетных положений из романов В. Скотта, концентрируя их, сокращая длинноты аналогичных мест, переводя их в русский колорит. Пушкин приходит к „Капитанской дочке“, являющейся между прочим синтезом его изучения романов Скотта».³ Есть, однако, основания полагать, что поиски литературных аналогий даже между «Дубровским» и романами В. Скотта еще не завершены. На одну из них мы хотели бы обратить внимание и в настоящей заметке.

¹ См.: *Томашевский Б. В.* Д. П. Якубович. — В кн.: *Пушкин. Временник Пушкинской комиссии*, т. 6. М.—Л., 1941, с. 12—13 (в приложении к этому некрологу см. перечень всех работ Д. П. Якубовича о Пушкине, с. 14—17).

² См. письма Пушкина к брату из Михайловского от первой половины ноября 1824 г. и от 22—23 апреля 1825 г. (XIII, 120—121, 163).

³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 6-ти т. [Приложение к журн. «Красная нива»]. Т. VI. Путеводитель по Пушкину. М., 1931, с. 333.

В повести «Дубровский» и в романе «Гай Мэннеринг»⁴ заслуживают внимания два несомненно сходных эпизода: описание трагической кончины помещика Андрея Дубровского и сцена смерти лэрда Годфри Бертрама. До сих пор это совпадение не было замечено исследователями. Его не зафиксировал Д. П. Якубович.⁵ Близость указанных эпизодов не отмечалась и в работе Т. П. Соболевой, посвященной «Дубровскому»,⁶ а также в исследованиях общего характера.⁷

Приводим для сравнения тексты.

Роман «Гай Мэннеринг» («Guy Mannering, or the Astrologuer», 1815) в русском переводе 1824 г.:⁸

«Тогда послышались звуки разных голосов со стороны развалин <...> — Боже мой! — сказала Сампсону мисс Бертрам, — это голос негодяя Глоссина. Ежели батюшка его увидит, то этого будет достаточно, чтобы его убить.

Сампсон разом повернулся и большими шагами пошел навстречу Глоссину, выходявшему в сию минуту из-за развалин. — Поди прочь, — вскричал он, — поди отсюда прочь! разве ты хочешь убить его, чтобы завладеть замком?

— Убирайтесь, убирайтесь, почтеннейший Доминус Сампсон! — сказал ему Глоссин: — вы не очень горазды и на кафедре говорить слово, так к чему вам мешаться здесь проповедовать? Мы идем с законом в руках, мой любезный; так вы поучение поберегите для себя.

Чтобы вывести г-на Бертрама из самого себя, с некоторого времени было достаточно одного имени сего человека. Звук его голоса, узнанный им в ту же минуту, произвел удивительное действие над всем его составом. Он встал с места сам, без всякой посторонней помощи, и, обратившись к нему, сказал с запальчивостью, которая ни мало не согласовалась

⁴ Как известно, этот роман имелся в библиотеке Пушкина в английском подлиннике, см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. — Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, с. 333. Ср.: Пушкин в мировой литературе. Л., 1926, с. 370.

⁵ Якубович Д. П. Незавершенный роман Пушкина («Дубровский»). — В кн.: Пушкин. 1833 год. Л., 1933, с. 33—42. См. также: Пушкин А. С. Дубровский. Редакция текстов и статья Д. П. Якубовича. Л., Гос. изд. худож. литературы, 1936, с. 125—146.

⁶ Соболева Т. П. Повесть А. С. Пушкина «Дубровский». М., 1963.

⁷ Сопоставления отдельных эпизодов «Дубровского» с аналогичными сюжетными мотивами романа Вальтера Скотта «Роб Рой» приводит в своей статье П. Калецкий: несправедливо отнятое имя, случай с чемоданом, эпизод ограбления помещика Спицына, сражение разбойников с правительственными войсками (Калецкий П. От «Дубровского» к «Капитанской дочке». — Литературный современник, 1937, № 1, с. 160).

⁸ Маннеринг, или Астролог. Сочинение сира Валтера Скотта. Перевод с французского, изданный Владимиром Броневским. Ч. I—IV. М., 1824. См. рецензию: Литературные листки, 1824, ч. IV, № 19, с. 52—53. Ср.: Левин Ю. Д. Прижизненная слава В. Скотта в России. — В кн.: Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975, с. 35.

с бледностью его лица: — Поди с глаз моих, змея, злая ехидна, уязвившая отогревшую тебя грудь! Разве ты не боишься того, что стены жилища отцов моих распадутся и тебя раздавят, порог дверей Елленгованского замка разверзнется, чтобы поглотить тебя? Не был ли ты без опоры, без крова, без пропитания, когда я подал тебе руку помощи; и не ты ли меня и эту невинную девицу изгоняешь из замка, в котором столько веков жили мои предки, в то время когда я не имею ни друзей, ни крова, ни пропитания?

Ежели бы с Глоссином никого не было, то он, не останавливаясь, прошел бы своим путем; но присутствие сопровождавшего его, по-видимому, землемера и вид постороннего человека, находившегося подле Елленгована, побудили его противопоставить правде бесстыдство. Но несмотря на всю его наглость, он не легкое взял на себя дело. „Милостивый государь, — с трудом произнес он, — г-н Бертрам! не я виноват в том, что... собственное ваше неблагоприятие причиною тому, что...“.

Негодование полковника возросло до высочайшей степени. Прервав Глоссина, — Государь мой! — сказал он ему, — не входя в дальнейшее разбирательство сего предмета, я напоминаю вам, что ни место, ни обстоятельства, ни даже, может быть, и присутствие мое не позволяют вам продолжать теперь объясняться, и вы меня одолжите, ежели уберетесь, не говоря более ни слова.

Глоссин был человек высокой, плечистой и сильной. Он предпочел лучше выдержать нападение чужого человека, не казавшегося ему страшным, нежели продолжать защищать свой дурной поступок от упреков прежнего благодетеля. — „Государь мой! — сказал он, — я не знаю, кто вы, и никогда и никому не позволю мне говорить того, что вы мне сей час сказали“.

Маннеринг был несколько вспыльчив. Глаза его засверкали от гнева; он столь сильно закусил себе нижнюю губу, что из нее выступила кровь, и, подошедши к Глоссину, — нужды нет, — сказал он, — что вы меня не знаете, но я, я вас знаю; и ежели вы в сию же минуту не сойдете с этого пригорка, не говоря более ни одного слова, то ручаюсь вам, что вы с одного размаха слетите на самый низ.

Важный и грозный вид полковника укротил бесстыдство негодяя; он повернулся на каблуках и, пробормотав сквозь зубы, что не хочет беспокоить молодой особы, освободил их от гнусного своего присутствия.

Почталион мистрис Мак-Кендлиш, приехавший ксгати, чтобы видеть происшедшее, закричал Глоссину, что ежели он когда-нибудь попадетс я ему на дороге, то он, Жак Жабос, будет иметь гораздо более удовольствия опрокинуть его с повозкою, нежели вытянуть квартиру доброго пива.

В то время он доложил, что повозка готова для отвозения старого ба-рина и его дочери.

Но сия помощь сделалась бесполезною. Напряжение, произведенное г-ном Бертрамом, когда он предался своему негодованию, истощило малый остаток его сил, и, упав обратно на свои кресла, он испустил дух без всякого страдания, без малейшего стопа. Смерть столь мало изменила его черты, что зрителям сей печальной сцены кончину его возвестил един-

ственно крик его дочери, увидевшей глаза его угасающими и почувствовавшей прекращения биения его пульса».⁹

Приводим для сравнения цитату из «Дубровского»:

«... Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа — и въехал прямо во двор.

В это время больной сидел в спальней у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его — багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он проносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и поражен был его состоянием. Большой указывая пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся — и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания — паралич его ударил. — Скорей, скорей в город за лекарем! — кричал Владимир. — Кирила Петрович спрашивает вас, — сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора — пошел. — Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками. — Батюшка ты наш, — сказала она пискливым голосом, — погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас. — Молчи, няня, — сказал с сердцем Владимир, — сейчас пошли Автона в город за лекарем. — Егоровна вышла.

В передней никого не было — все люди сбежались на двор смотреть на Кирила Петровича. Она вышла на крыльцо — и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его сидя на джонках. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня с шумом толковала о сем происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: — Не надобно лекаря, батюшка скончался.

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенес его Владимир; правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь — не было уж и признака жизни в сем теле, еще не охладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взвыла — слуги окружили труп, оставленный на их попечение, вымыли его, одели в мундир, спитый еще в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину» (VIII, 177—178).

Сходство сюжетных ситуаций в приведенных сценах из произведений Пушкина и В. Скотта бросается в глаза, но это не исключает существен-

⁹ Маннеринг, или Астролог. Сочинение сира Валтера Скотта..., ч. I, с. 228—233. Ср. современный перевод А. М. Шадрина: Скотт Вальтер. Собр. соч. в 20-ти т., т. 2. М.—Л., 1960, с. 128—130.

ных различий в их содержании и композиционном применении. Установить преемственные черты сходства между действующими лицами двух эпизодов, где сталкиваются главные антагонисты, практически невозможно. Лэрд Годфри Бертрам Элленгауэн не имеет ничего общего с помещиком Андреем Гавриловичем Дубровским. В свою очередь русский барин Кирилла Петрович Троекуров ничем не напоминает авантюриста Глоссина. Между ними нет характерологических связей, они выполняют и различную сюжетную роль.

У Вальтера Скотта Глоссин — негодяй по натуре. Троекуров не был таковым от природы. Ему свойственны гуманные порывы: он предлагает свое покровительство Андрею Дубровскому, желая спасти его от униженной бедности. Однако лучшие человеческие черты Троекурова изуродованы феодально-крепостнической действительностью. Акция Глоссина по отношению к его жертве рассчитана и обдумана, его преступление подготовлено заранее. Троекуров же действует импульсивно, как истый крепостник-самодур, который ни в ком не терпит противоречия и неповиновения. Но, совершив подлость, он испытывает угрызения совести и готов помириться. Отсюда и различие в художественных приемах подготовки сравнимых сцен. В романе «Гай Мэннеринг» роковая встреча Глоссина и лэрда Бертрама происходит случайно — обычный прием писателей-романтиков. Став хозяином имения Элленгауэн, Глоссин целиком поглощен хозяйственными заботами, и судьба разоренного им лэрда Бертрама насколько его не волнует. Встреча с семьей Элленгауэн неожиданна для него самого. У Пушкина Троекуров едет к Дубровскому, чтобы заглянуть ссору, возвратив старому товарищу незаконно отнятое имение.

По мнению Б. В. Томашевского, в «Дубровском» традиции писателей-романтиков сказались не столько «в изображении и подборе характеров», сколько «в деталях, в разработке отдельных сцен, в сцеплении событий».¹⁰ Действительно, преемственно близки в данном случае только приемы композиции. В эпизоде из романа «Гай Мэннеринг» Пушкина привлекли прежде всего расстановка действующих лиц, техника сцены, мастерство шотландского писателя в создании конфликтной ситуации. Оттолкнувшись от сюжетного эпизода этого произведения, Пушкин нашел убедительное художественное решение сцены последней встречи Троекурова и Дубровского. Он сохранил даже сходную развязку: внезапную смерть героя, вызванную сильным душевным потрясением. Но сцену из романа Вальтера Скотта автор «Дубровского» использовал в самом общем виде. Так, в приведенном эпизоде из «Гая Мэннеринга» малообразованный, недалекий лэрд Годфри Бертрам при виде своего врага Глоссина неожиданно произносит яркую, патетическую, литературно правильную речь в стиле романтического героя. На это противоречие уже указывали исследователи.¹¹ У Пушкина же парализованный Дубровский способен произнести только невнятные звуки. Все его негодование проявилось в жесте, полном ужаса и гнева.

¹⁰ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 410.

¹¹ Клименко Е. И. Народная речь в романах Вальтера Скотта. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, № 212. Серия филолог. наук, вып. 28. Зарубежная литература, 1956, с. 108.

Кроме того, у Вальтера Скотта активная роль в данном эпизоде принадлежит Мэннерингу, фигура которого объединяет сюжетные линии романа, а главный герой произведения — Браун-Бертрам — не принимает в них участия. В пушкинской сцене на первом плане появляется молодой Владимир Дубровский, который отдает приказание прогнать Троекурова. Так завязывается новый сюжетный узел.

В эпизоде столкновения с Глоссином у Вальтера Скотта принимает участие всего шесть человек. Пушкин создает массовую сцену. Непосредственное участие в происходящих событиях принимает дворня. Люди Дубровского остро реагируют на происходящее: решается участь не только господ, но и самих крепостных. Все это значительно меняет характер действия, которое разыгрывается на фоне народной толпы. Интересно, что Вальтер Скотт только бегло упоминает о встрече Мэннеринга со старой служанкой лэрда Элленгауэна. В повести «Дубровский» няня Егоровна является участником описанного драматического события, которое отчасти передано через ее восприятие.

У Пушкина полностью меняется эстетическая окраска всего эпизода смерти Дубровского — он имеет трагическое звучание. В романе Вальтера Скотта участие в сходном эпизоде чудаковатого Сэмсона и трусливого кучера миссис Мак-Кэндлиш вносит комический элемент в действие.

В романе «Гай Мэннеринг» смерть лэрда Годффри Бертрама, не являясь собственно завязкой действия, дает толчок всем последующим событиям (борьба за наследство детей Элленгауэна, интриги Глоссина и его столкновение с Мэннерингом, перипетии судебного процесса и т. д.). Аналогичную сюжетную функцию в повести Пушкина выполняет и сцена смерти Андрея Гавриловича Дубровского. Она завершает экспозицию произведения и приводит к завязке основного действия. В романе Вальтера Скотта в борьбу с Глоссином вступает Браун-Бертрам, сын Элленгауэна. В повести Пушкина «сын Дубровского — Владимир принимает от отца „эстафету“ вражды и ненависти к Троекурову, к несправедливости».¹² На этом сюжетное сходство оканчивается. Дальнейшее развитие конфликта в произведениях Пушкина и Вальтера Скотта не имеет ничего общего.

И. В. Зборовец

ОБ ОДНОЙ ПАРАЛЛЕЛИ К «ГРОБОВЩИКУ»

«Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру и принуждены признать, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу. Адриан Прохоров обыкновенно был угрюм и задумчив» (VIII, 89).

¹² Соболева Т. П. Повесть А. С. Пушкина «Дубровский», с. 26.

Это место в начале повести «Гробовщик», представляющее читателям ее героя, хорошо известно и обычно цитируется, когда идет речь о творческой связи Пушкина с названными английскими писателями.¹ Но до сих пор никто не обращал внимания на то, что весьма близкое сообщение содержится в ХХІХ главе знаменитого романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». Глава эта озаглавлена «Рассказ о том, как нечистая сила похитила пономаря» («A story of the goblins who stole a sexton») и представляет собою вставную новеллу, героем которой является пономарь и могильщик (sexton and gravemaker) Гебриел Граб. Приводим соответствующее место в русском переводе:

«Если человек — могильщик и постоянно окружен эмблемами смерти, из этого отнюдь не следует, что он должен быть человеком угрюмым и меланхолическим; наши могильщики — самые веселые люди в мире; а однажды я имел честь подружиться с факельщиком, который в свободное от службы время был самым забавным и шутливым молодцом из всех, кто когда-либо распевал залихватские песни, забывая все на свете, или осушал стакан доброго крепкого вина одним духом. Но, несмотря на эти примеры, доказывающие обратное, Гебриел Граб был сварливым, непокладистым, хмурым человеком — мрачным и замкнутым...».²

Сходство, как мы видим, разительное: то же двойное противопоставление, в результате которого читателя знакомят с угрюмым, мрачным героем, имеющим дело с обрядом погребения. Между тем оба отрывка возникли независимо друг от друга. Пушкин писал «Гробовщика» болдинской осенью 1830 г., почти за шесть лет до начала публикации «Пиквикского клуба». С другой стороны, хотя «Гробовщик» до 1836 г. издавался в составе «Повестей Белкина» дважды — в 1831 и 1834 гг., английский его перевод появился только в 1847 г.³ А русским языком Диккенс не владел.

Таким образом, перед нами совпадение в развитии мысли у двух не связанных между собою писателей. Но, как справедливо замечает М. П. Алексеев, «сходство между литературными произведениями, вообще говоря, лишь в редких случаях может быть обусловлено случайными совпадениями».⁴ Каковы же причины, сделавшие данное совпадение закономерным?

Известно, что одним из интереснейших приемов искусства является освобождение изображаемого объекта от привычных связей, показ его в необычном аспекте и т. п., с тем, чтобы уничтожить автоматизацию его

¹ См., например: Якубович Д. П. Реминисценции из Вальтер-Скотта в «Повестях Белкина». — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXVII. Л., 1928, с. 111; Алексеев М. П. Пушкин и Шекспир. — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 271.

² Диккенс Чарльз. Собр. соч. в 30-ти т., т. II. М., 1957, с. 476 (перевод А. В. Кривдой и Е. Л. Ланна).

³ The Coffin-maker. Translated from the Russian of Pushkin by T. V. Shaw. — Bentley's Miscellany, vol. XXII, 1847, October, p. 354—359. См.: Аринштейн Л. М. Томас Шоу — английский переводчик Пушкина. — В кн.: Сравнительное изучение литератур. Л., 1976, с. 124.

⁴ Алексеев М. П. Державин и сонеты Шекспира. — В кн.: XVIII век, сб. 10. Л., 1975, с. 228.

восприятия, заменить узнавание предмета видением его. Прием этот неоднократно характеризовался в работах по теории искусства. Вспомним в этой связи термин «остранение», выдвинутый В. Б. Шкловским, или «эффект отчуждения» (*Verfremdungseffekt*), который отстаивал Бертольд Брехт в своих театрално-эстетических декларациях. «Искусство существует среди обычного, — пишет В. Б. Шкловский, — но оно пересматривает обычное, выявляет конфликты, снимая привычность с характеристики предмета».⁵

Мрачная, скорбная обстановка погребального обряда закономерно распространяется на представление о характере человека, с этим обрядом связанного. Но такая зависимость слишком «естественна», автоматична, и она не вызывает интереса. И Диккенс сразу же начинает с ее разрушения: «Если человек — могильщик... из этого отнюдь не следует...» и т. д. Пушкин же раскрывает и художественный смысл приема: «дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение».

Но, с другой стороны, Пушкин подчеркивает, что такой ход в литературе не новый, и намечает его родословную: Шекспир—Вальтер Скотт. Имеются в виду 1-я сцена V действия в «Гамлете», где могильщик, роющий могилу Офелии, поет, а также острит по поводу дальнейшей судьбы человеческих останков, и XXIV глава романа «Ламмермурская невеста», в которой показан кладбищенский сторож, успешно совмещающий две должности: могильщика и скрипача на свадьбах. Скотт сам указал на своего литературного предшественника, поставив эпитафю к этой главе реплики из шекспировской трагедии:

Г а м л е т. Или этот молодец не чувствует, чем он занят, что он поет, роя могилу?

Г о р а ц и о. Привычка превратила это для него в самое простое дело.

Г а м л е т. Так всегда: рука, которая мало трудится, всего чувствительнее.⁶

В этих словах, правда, более подчеркивается равнодушие могильщика к погребению, нежели его веселость. Но всякому, кто вспоминает сцену трагедии, рисуется созданный в ней образ грубого шутника и забавника. Подобную репутацию приобрел и могильщик Вальтера Скотта. Д. П. Якубович отметил в этой связи характерное место из письма В. Ф. Одоевского к Г. П. Волконскому о холерной эпидемии в Москве 1831 г.: «На улицах гробовые дроги, и на них веселые лица гробовщиков, считающих деньги на гробовых подушках, — все это было Вальтер-Скоттов роман в лицах».⁷

В отличие от Пушкина Диккенс не ссылался на авторов, изображавших веселых могильщиков. Но он-то обращался к английским читателям,

⁵ Шкловский Виктор. Повести о прозе. Размышления и разборы, т. II. М., 1966, с. 302.

⁶ Перевод М. Л. Лозинского.

⁷ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III. СПб., 1890, с. 329. См. также: Якубович Д. П. Реминисценции из Вальтер-Скотта в «Повестях Белкина», с. 112.

которым это было хорошо известно, и ограничился лишь указанием: «наши могильщики — самые веселые люди в мире».

Таким образом, возник новый стереотип могильщика — могильщика-весельчака, который оттеснил старый. Восприятие нового стереотипа также автоматизировалось, и автоматизацию следовало разрушить. Закономерным следствием этого явилось создание противоположного образа — мрачного меланхолика. Произошло своеобразное отрицание отрицания. Этим путем независимо друг от друга пошли Пушкин и Диккенс.

Такова, на наш взгляд, причина указанного совпадения. Интересно отметить и дальнейшие схождения в двух повестях, обусловленные отчасти общностью исходной установки, а также и другими обстоятельствами.

Для того чтобы подчеркнуть угрюмую мрачность героев, они показаны на фоне веселящихся людей: у Пушкина это гости на серебряной свадьбе Шульца, у Диккенса — горожане, справляющие сочельник. Видимо, фольклорная традиция побудила обоих писателей населить повести о служителях смерти сверхъестественными силами: ожившими мертвецами, которых некогда погребал Адриан Прохоров, и кладбищенскими призраками (goblins), похитившими Гебриела Граба. Однако, введя этот мотив, писатели-реалисты — и русский, и английский — дают ему одинаковое рациональное объяснение: это сон, который привиделся герою, находившемуся под действием винных паров. У Пушкина это — единственное истолкование описанных событий: повесть завершается пробуждением гробовщика, выясняющего, что то, что ему виделось, не происходило в действительности. Иначе введен тот же мотив в романе Диккенса. Здесь чудесная история Гебриела Граба вложена в уста одного из персонажей романа — Джема Уордла, который сам в нее не верит, но рассказывает в угоду престарелой матери, не сомневающейся в том, что пономарь в самом деле общался с нечистой силой. И, завершая свой рассказ, Уордл иронически замечает, что мнение, будто «Гебриел Граб выпил весь джин и потом заснул на могильной плите», «никогда не пользовалось большой популярностью» и «со временем было отвергнуто».⁸

Ю. Д. Левин

«ПИКОВАЯ ДАМА» И ПОВЕСТЬ МАРМОНТЕЛЯ «ОКНО»

В «Пиковой даме» Пушкин тщательно обрисовывает культурно-исторический фон, на котором происходит действие повести, старательно подбирает характерные «приметы времени».¹ Одной из таких примет могло быть знакомство персонажей повести с «Нравоучительными рассказами» знаменитого в конце XVIII—начале XIX в. французского писателя Жана-Франсуа Мармонтеля. Пушкин отмечал, что Мармонтель и подобные ему

⁸ Диккенс Ч. Собр. соч. в 30-ти т., т. II, с. 486.

¹ См.: Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени. — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. с. 95—110.

беллетристы «овладели русской словесностью» (XI, 496). По словам В. В. Сиповского, Мармонтель оставил в сознании современников Н. М. Карамзина глубокие следы.² «Славный» Мармонтель признавался русской критикой того времени одним из лучших европейских прозаиков.³ Литературные образцы, которым следовал автор «Нравоучительных рассказов», — английский «семейный» роман Ричардсона и художественно-педагогическая проза Руссо. Повести позднего Мармонтеля — «семейные» романы в миниатюре, изображающие повседневную действительность и проникнутые сентиментальным психологизмом, культом чувства.

Действительно, эпизод ухаживания Германна за Лизой имеет аналогию в повести Мармонтеля «Окно» («La fenêtre»), переведенной Н. М. Карамзиным и открывающей изданные им сочинения французского беллетриста.

Герой этой повести Ипполит, бедный клерк, горит желанием разбогатеть; подобно Германну, он «решился переменить свое состояние и выбрать такую дорогу, которая скорее всех прочих обогащает людей».⁴ Он хотел бы жениться на девушке Филиппине, за которой можно взять хорошее приданое — «триста тысяч ливров <...> и еще золотом». Эта девушка, как и Лиза, сирота; к тому же Филиппина не знает, что она богата. Ее опекает старуха-тетка, напоминающая старую графиню скверным обращением с воспитанницей. «Я почитала себя беднейшею сиротою, живущею милосердием своих родственников», — говорит Филиппина, от имени которой ведется рассказ (с. 3—4). Филиппину, как и Лизу, держат взаперти. «До шестнадцати лет я видела свет только из окна своего: а в шестнадцать увидела нечто совсем новое и гораздо приятнейшее: молодого, прекрасного мужчину, который был клерком или писарем у нотариуса» (с. 4). То же приключается и с Лизой: «Однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком за пальцами, нечаянно взглянула на улицу, и увидела молодого инженера, стоящего неподвижно и устремившего глаза к ее окошку» (VIII, 234).

У Лизы не было «привычки кокетничать с прохожими». Не имела такой привычки и Филиппина: «Какое-то сердечное чувство сказало мне, что молодой девушке неприлично сидеть долго под окном, когда смотрит на нее молодой мужчина, смотрит пристально и с удовольствием» (с. 5). Лиза «опустила голову и снова занялась работой; через пять минут взглянула опять, — молодой офицер стоял на том же месте <...> Она встала, начала убирать свои пальцы и, взглянув нечаянно на улицу, опять увидела офицера» (VIII, 234). И Филиппина, по ее словам, в аналогичной ситуации ведет себя похоже: «я <...> встала, отошла прочь, хотела заниматься своими птичками, и приходила опять на то же место; удалялась, отворачивалась, и потихоньку смотрела, глядят ли на меня. Любезный клерк стоял неподвижно, не спуская с меня глаз своих» (с. 5).

² Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа, т. 1, вып. 1 (XVIII-й век). СПб., 1909, с. 78.

³ См.: Сиповский В. В. Из истории русского романа и повести, ч. 1. XVIII-й век. СПб., 1903, с. 242.

⁴ Новые Мармонтелевы повести, изданные Н. Карамзиным. Пер. с французского. Ч. I. М., 1822, с. 16. Далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте.

У Германна «черные глаза <...> сверкали из-под шляпы» (VIII, 234). И Филиппина «не видела <...> ничего, кроме черных глаз». «Я, — говорит она, — желала скорее ночи, чтобы быть одной и чтобы увидеть во сне черные глаза» (с. 5—6). Правда, черные глаза более к лицу пылкому французу, чем расчетливому и педантичному петербургскому немцу. Но эта романтическая деталь вписана в портрет Германна не по оплошности, а по тонкому артистическому расчету Пушкина: таков герой в восприятии Лизы, которая смотрит на него, подобно Татьяне «воображаясь героиней своих возлюбленных творцов».

Увидев молодого мужчину, соответственно инженера и клерка, Лиза и Филиппина весь день томятся и отвечают невпопад на реплики своих старых воспитательниц. «Что ты, мать моя! глуха, что ли! — закричала старуха» (VIII, 235). «Она (тетка, — Д. III.) стала говорить со мною; но я ни на что не могла отвечать порядочно, и сказала, что у меня кружится голова и что я хотела скрыть от нее дурноту свою, боясь оскорбить ее нежность — нежность, которой никогда не бывало в сердце моей любезной тетушки!», — повествует Филиппина (с. 6). Лиза пытается читать вслух старой графине и обнаруживает свою душевную смятенность: «— Раскрывай первый том; читай вслух <...> Барышня взяла книгу и прочла несколько строк. — Громче! — сказала графиня. — Что с тобой, мать моя? с голосу спала, что ли? ...» (VIII, 234). Ничего не выходит из чтения и у Филиппины: «Желая не показать ей своего замешательства, я вздумала читать; но не видела в книге ничего, кроме черных глаз...» (с. 5). Волнение Лизы объясняется тем, что «впервые входила она в тайные, тесные сношения с молодым мужчиною <...> Она упрекала себя в неосторожном поведении» (VIII, 237). И Филиппина, волнуясь, «сама себя укоряла, что свела знакомство с молодым мужчиною...» (с. 7).

Роман между героями обеих повестей развивается по одному и тому же стереотипу. Лиза и Германн находятся в «неусловленных сношениях»: «Взоры их встречались. Через неделю она ему улыбнулась...» (VIII, 235). То же происходит, по словам Филиппины, между нею и Ипполитом: «Взоры наши встретились <...> я <...> поклонилась ему...» (с. 6). Лиза с довольно далекого расстояния замечает, «как быстрый румянец покрывал его бледные щеки» и многое другое; ее дальновзоркость объясняется тем, что «она видела острым взором молодости». Столь же острый взор и у Филиппины: «Вы спросите, как могла я видеть это издали? Но в 16 лет глаза у нас бывают очень хороши для таких вещей и в таких случаях» (с. 8). Письма от своих возлюбленных обе героини получают на улице: Лиза сопровождает старую графиню на бал, а Филиппина в сопровождении родственников прогуливается по Елисейским полям. У Мармонтеля больше авантюрно-романических подробностей, чем у Пушкина, но и тут и там письма вручаются сходным образом. Так, у Пушкина: «В то самое время, как два лакея приподняли старуху и просунули в дверцы, Лизавета Ивановна у самого колеса увидела своего инженера; он схватил ее руку; она не могла опомниться от испугу; молодой человек исчез: письмо осталось в ее руке» (VIII, 237). А вот как об этом рассказывает Филиппина: «В самую ту минуту, как мы остановились подле монумента Людовика XV, подошла к нам старушка с прекрасною маленькою собачкою, и спросила у

меня, не хочу ли я купить ее? <...> вдруг, к удивлению моему, из ошейника ее выпала маленькая бумажка» (с. 13—14).

Итак, в эпизоде ухаживания как у Пушкина, так и у Мармонтеля та же последовательность действия в мельчайших деталях, та же лексика и фразеология, что и в переводе Карамзина. Это — переключка, которую, возможно, следует признать не случайной. Но в целом «Пиковая дама» — произведение, по сюжету отличное от повести Мармонтеля. Герой последней влюбляется в героиню по-настоящему, и после ряда приключений его добродетель вознаграждается так, как он того хотел: «Мы полюбили друг друга в бедности, нашли вместе клад и оба разбогатели: вот наша история!». Как известно, история Германна и Лизы совсем иная.

Таким образом, к многочисленным параллелям к «Пиковой даме» из произведений различных западноевропейских литераторов можно прибавить указание на повесть Мармонтеля «Окно», которую Пушкин, как и другие повести этого автора, несомненно хорошо знал.

Д. М. Шарыкин

ДРУЗЬЯ ПУШКИНА В ПОРТРЕТАХ КРЕПОСТНОГО ХУДОЖНИКА АКИМА АРЕФОВА-БАГАЕВА

В Ленинграде, во Всесоюзном музее А. С. Пушкина, хранится небольшая живописный портрет одной из тригорских приятельниц поэта — Евпраксии Николаевны Вревской, урожденной Вульф. «Зизи, кристалл души моей...», — вспоминал о ней Пушкин в строфах пятой главы «Евгения Онегина». Ей посвящены стихотворения «Если жизнь тебя обманет» и «К Зине» («Вот, Зина, вам совет: играйте»); она упоминается в письмах поэта, ее имя он внес в свой «Дон-Жуанский список».

Евпраксия Николаевна воспета не только Пушкиным, но и поэтом Н. М. Языковым, свято хранившим память о лете 1826 г., времени, прожитом в Тригорском в общении с Пушкиным и тригорскими друзьями, из них в особенности с Euphrosine, Евпраксией, Зизи или Зиной, как называли ее.

Этот портрет Е. Н. Вревской самый лучший из ее портретов, хотя написан он через десять лет после ее замужества,¹ когда, по словам Пушкина, она из «полувоздушной думы» превратилась в «дебелую жену».² Евпраксии Николаевне на портрете 32 года. Она счастливая мать семейства. Выражение ее лица исполнено доброты и приветливости, а от всего облика веет довольством и покоем. Но все же мы узнаем на портрете ее, воспетые Языковым, «победоносные глаза»; их взгляд, «радушный и огнистый», не изменился и прекрасно передан художником. Хотя Евпраксия Николаевна изображена в парадном черном бархатном с кружевами платье, вид

¹ Е. Н. Вульф вышла замуж за барона Б. А. Вревского в июле 1831 г.

² Слова из письма Пушкина к Н. М. Языкову, написанного в имении Вревских Голубове, где Пушкин гостил в апреле 1836 г. (XVI, 104).

Евпраксия Николаевна Вревская, урожд. Вульф.
Портрет А. Арёфова-Багаева. 1841 г.

Анна Петровна Керн. Портрет А. Арефова-Багаева. 1840 г.

у нее на портрете совсем не парадный, а непринужденный и домашний.

Кто же создатель портрета? На нем есть подпись и дата: «Багаевъ 1841».

Такую же подпись мы нашли и на сохранившемся портрете Алексея Николаевича Вульфа, брата Евпраксии Николаевны.³ Оба портрета одинаковы по формату, написаны в одно время и выполнены в одинаковой манере и технике маслом на картоне.

Впервые обнаружены были портреты в 1902 г. в Голубове Б. Л. Модзалевским, писавшим о них: «В Голубове <...> хранятся еще портреты: баронессы Евпраксии Николаевны Вревской (масляными красками, работы, как сообщила мне баронесса С. Б. Вревская, Т. Г. Шевченка, во 2-й половине 1840-х годов, подписанный каким-то псевдонимом); Алексея Николаевича Вульфа (масляными красками, 1840-х годов)».⁴

Таким образом, дочь Евпраксии Николаевны Светлана Борисовна Вревская считала автором портретов великого украинского поэта и художника Т. Г. Шевченко. Но, как известно, Шевченко не пользовался таким псевдонимом, и, кроме того, эти портреты чужды ему по манере.

В поисках автора портретов мы обратились к материалам Центрального государственного исторического архива Ленинграда.

В делах Академии художеств найдено «прошение» от 23 марта 1851 г. «вольнотпущенного госпожи Колзаковой Акима Арефова Багаева». Он просит «Совет Академии» удостоить его звания «художника по живописи» и представляет документ, свидетельствующий о его свободном состоянии. Под «прошением» собственноручная подпись подателя «Багаевъ», такая же, как на портретах Е. Н. Вревской и А. Н. Вульфа.

К прошению приложена «отпускная»: «Лета тысяча восемьсот пятьдесятого июня в тридцатый день жена генерал-адъютанта адмирала Анна Ивановна Колзакова, урожденная Бегичева, отпустила я вечно на волю крепостного своего дворового человека Акима Арефова Багаева, доставшегося мне с прочим имением по наследству от родительницы моей генерал-майорши Екатерины Николаевны Бегичевой <...> и волен он Арефов по сей моей отпускной избрать себе род жизни на законном основании, какой оп пожелает, до которого как мне, так и наследникам моим дела не иметь <...> Приметами же он росту 2 аршина 4 вершка, лицом бел, глаза серые, волосы и брови светлорусые, нос и рот обыкновенной, подбородок круглой. Отроду ему двадцать четыре года,⁵ имеет одну другой ногу короче скорченною».⁶

Таким образом, помещица, давшая отпускную своему дворовому человеку, это Анна Ивановна Колзакова, урожденная Бегичева, вышедшая

³ Этот портрет А. Н. Вульфа, также один из лучших его портретов, в настоящее время находится в Пушкинском заповеднике Псковской области, в восстановленном доме Осиповых—Вульф.

⁴ Модзалевский Б. Л. Поездка в село Тригорское в 1902 году. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. I. СПб., 1903, с. 6.

⁵ Можно думать, что возраст Арефова указан не точно. Вероятно, он был старше, так как писал портреты уже в 1840 г. Возможно, что «Багаевъ» (или «Багоев», как иногда читается его подпись) — это прозвище, ставшее фамилией.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 14, № 1376.

замуж за адмирала П. А. Колзакова в 1844 г. Аким Арефов достался ей по наследству от матери Е. Н. Бегичевой, урожденной Вындомской. Колзакова была двоюродной племянницей П. А. Осиповой и троюродной сестрой Е. Н. Вревской и А. Н. Вульфа.⁷

Но как удалось крепостному художнику Акиму Арефову выкупиться на волю?

Ответ мы нашли в хранящейся в рукописном отделе ИРЛИ «Приходо-расходной книге» адмирала Павла Андреевича Колзакова, мужа Анны Ивановны.⁸

26 августа 1850 г. адмирал сделал в ней запись о выданных им взаймы своей жене Анне Ивановне 100 рубль. Через несколько дней он вернулся к этой записи, перечеркнул ее и рядом сделал другую о возвращении ею долга и причине: «Она (Анна Ивановна, — Н. Г.) получила 150 за Иокима».⁹ А 30 августа 1850 г. адмирал Колзаков записал: «В 11 ч. приехал архитектор Штакеншнейдер, который привез для Иокима деньги 150 с<е>р.: ему дала Ан<на> Ив<ановна> отпускную».¹⁰

Таким образом, Аким (или Иоким) Арефов был выкуплен за 150 рублей серебром и в этом выкупе и судьбе крепостного художника принял участие архитектор А. И. Штакеншнейдер.¹¹ Но при каких обстоятельствах, среди кого была собрана сумма выкупа, пока осталось неизвестным.¹²

Это было в 1850 г., а за 12 лет до этого был выкуплен на волю Т. Г. Шевченко.¹³ Вероятно, С. Б. Вревская, дочь Евпраксии Николаевны, знала историю Шевченко; помнила она, видимо, и о выкупе художника, написавшего портрет ее матери, и могла перепутать эти два имени.

Дальнейшая судьба Акима Арефова сложилась неблагоприятно. Звание свободного художника ему не было присуждено. Выполненные им портреты были отвергнуты.¹⁴ Работы эти до нас не дошли.

⁷ А. И. Бегичеву нередко упоминает в своем дневнике А. Н. Вульф (см.: Вульф А. Н. Дневники. Со вступит. статьей П. Е. Щеголева. М., «Федерация», 1829). С А. И. Бегичевой был знаком и Пушкин, она упоминает в его переписке.

⁸ Эта «Приходо-расходная книга» — любопытный документ быта того времени. В ней адмирал ежедневно записывал даже малые расходы и прибыли. Кроме хозяйственных трат, фиксировалось, сколько потрачено на чаевые прислуге, на милостыню бедным, на баню, на почтовые расходы, сколько проиграно или выиграно в карты. «Книга» была также и кратким дневником, в котором отражались события повседневной жизни. В дневниковых записях встречается множество имен, говорится о встречах с родственниками, не однажды упомянуты в них и Осиповы—Вульф.

⁹ ИРЛИ, ф. 484, ед. хр. 14, л. 13 об.

¹⁰ Там же, л. 16 об.

¹¹ В дневниковых записях П. А. Колзакова сведений о каких-либо предварительных переговорах с А. И. Штакеншнейдером мы не нашли. Записи его «Приходо-расходной книги» дошли до нас не полностью; так, за 1850 г. записи сохранились только с августа месяца.

¹² Сумма выкупа, заплаченная за Акима Арефова, была небольшой. Можно думать, что она была связана с его физическим недостатком.

¹³ Т. Г. Шевченко выкуплен на волю 22 апреля 1838 г. Для его выкупа был разыгран в лотерею портрет В. А. Жуковского, написанный К. П. Брюлловым.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 2, № 17.

Из ранних работ художника сохранилось всего три портрета. Это уже описанные портреты Е. Н. Вревской и А. Н. Вульфа и, кроме них, портрет неизвестного молодого человека.¹⁵

Недавно отыскался четвертый портрет работы Багаева. Это женский портрет.¹⁶ Он такого же небольшого формата, как остальные, выдержан в тех же зеленовато-коричневых тонах. Как и на других, слева по краю изображения художником начертана та же обычная подпись. Но портрет помечен 1840 г. (как видим, это одна из более ранних работ).

Дама, изображенная на портрете, уже не столь молода, на лбу и у рта морщинки (они не видны на снимке с портрета). Но лицо ее одухотворено, а глаза смотрят молодо. Весь облик женщины кажется нам очаровательным, милым, привлекательным. Она написана в простом домашнем темно-коричневом платье и такого же цвета чепце, с единственным украшением — цепочкой на груди, да на спинку стула, на котором она сидит, небрежно брошен пестрый шарф. Портрет написан художником с присущей ему теплотой и задушевностью.

Кто же изображен здесь? Аким Арефов, крепостной художник, мог писать в это время своих господ, их родных, их окружение.

По всей вероятности, на этом портрете изображена А. П. Керн, также принадлежавшая к родственному окружению Бегичевых и Вульфов.¹⁷

Из достоверных портретов Керн сохранились силуэт 1825 г. работы неизвестного художника (но по силуэту трудно судить о ее внешности)¹⁸ и единственный живописный портрет, миниатюра неизвестного художника 1840-х годов.¹⁹ К сожалению, и этот миниатюрный портрет, написанный,

¹⁵ Портрет хранится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина. Есть основание предполагать, что он изображает Я. А. Дашкова (отца известного собирателя), мужа младшей дочери Бегичевых — Павлы Ивановны.

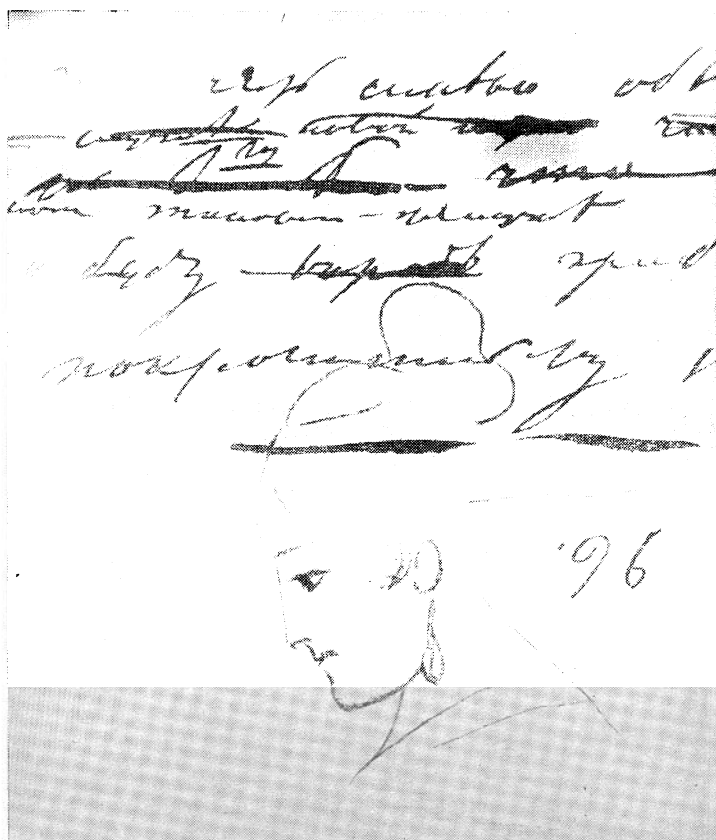
¹⁶ «Портрет неизвестной» работы Багаева хранится в фондах Государственного Русского музея. За любезное содействие в разыскании и атрибуции портрета автор выражает глубокую благодарность Ю. В. Смирнову, заведующему отделом живописи ГРМ.

¹⁷ Анна Петровна Керн родилась в 1800 г. Ко времени создания портрета ей было 40 лет, но можно предположить, что выглядела она моложе (известно, что двумя годами позже она вышла замуж за бывшего значительно ее моложе А. В. Маркова-Виноградского, троюродного брата, безумно влюбленного в нее). Анна Петровна сохраняла молодость души, что должно было отразиться на ее портрете. О неувядаемой молодости чувств своей кузины писал А. Н. Вульф (см.: В у л ь ф А. Н. Дневники, с. 269, 273, 281).

¹⁸ Силуэт А. П. Керн был обнаружен Б. Л. Модзалевским в 1902 г. в Тригорском. Подобных портретов тригорских друзей Пушкина в силуэтах (они были широко распространены в первой трети XIX в. и делались домашним способом при помощи свечи, по тени на стене) сохранилось несколько, они находятся в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

¹⁹ Портрет находится в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Кроме этих известных портретов, в книге «Воспоминания, дневники, переписка» А. П. Керн (М., 1974, с. 192—193) воспроизведены еще два предполагаемых ее портрета. Как первый из них, рисунок И. Жерена, датированный 1838 г., так и второй, фотография с не дошедшего до нас литографированного портрета А. Девериа (A. Deveria) 1829 г., не имеют

видимо, малоискусным мастером, уже в поздние годы (в середине или конце 1840-х годов), не передает красоты Анны Петровны.²⁰ Но тем не ме-

Анна Петровна Керн. Рисунок Пушкина. 1829 г.

нее и с тем и с другим изображением имеет сходство ее предполагаемый, вновь найденный портрет.

достаточного иконографического сходства с известными портретами Керн. Второй из этих портретов воспроизведен также в книге Ларисы Керцелли «Тверской край в рисунках Пушкина» (М., 1976, с. 176). Рисунок и фотография хранятся в фондах Музея Института русской литературы АН СССР.

²⁰ И. С. Тургенев в письме от 3 февраля 1864 г. описал П. Виардо свою встречу с А. П. Керн и рассказал о виденном им портрете (этот портрет не сохранился): «В молодости, должно быть, она была очень хороша собой <...> Мне она показала полувыцветшую пастель, изображавшую ее в 28 лет: беленькая, белокурая, с кротким личиком, с наивной грацией, с удивительным простодушием во взгляде и улыбке...» (Тур-

На нем мы видим такие же, как на миниатюре, серо-карие глаза, такие же светло-русые, в ранней молодости, вероятно, бывшие почти белокурыми, волосы. При сравнении его с миниатюрным портретом и силуэтом обнаруживается несомненное сходство в чертах лица, одинаковой форме шеи, плеч и всей изображенной части фигуры.

Но еще большее сходство найденный портрет имеет с рисунком А. С. Пушкина — портретом А. П. Керн на рукописи 1829 г.²¹ И там, и здесь мы видим одинаковый рисунок бровей, такой же разрез глаз, ту же форму носа и подбородка, такую же немного выпяченную верхнюю губу и такой же локон возле уха.

Современники писали об А. П. Керн как о женщине «поразительной красоты».²² «Милые», «небесные черты», «гений чистой красоты» — говорит о ней поэт в стихотворении «Я помню чудное мгновенье...». Портрет Керн в рисунке Пушкина, а вслед за ним и портрет работы Багаева (написанный уже, правда, позднее, не в годы первой молодости Керн) не противостоят дошедшим до нас отзывам об ее красоте.

Но следует учесть еще некоторые свидетельства о внешности Керн. В своих воспоминаниях «Три встречи с императором Александром Павловичем» А. П. Керн, вспоминая о первой встрече с ним в 1817 г., пишет: «Много толковали, что он (Александр I, — Н. Г.) сказал, что я похожа на прусскую королеву (...) сходство с королевой было в самом деле, потому что в Петербурге один офицер, бывший камер-пажом во дворце при приезде королевы, это говорил моей тетке, когда меня увидел».²³ Далее Керн пишет, что сходство с прусской королевой даже повлияло на расположение к ней императора Александра.

В своей статье «Анна Петровна Керн» Б. Л. Модзалевский также писал: «Что сходство с королевой Луизой действительно было, это доказывает как портрет А. П. Керн,²⁴ так и слова известной Веры Ивановны Анненковой,²⁵ которая в 1903 г., рассказывая Ю. М. Шокальскому²⁶ о его бабушке, вспоминала об этом, передавая, что император выразился тогда об Анне Петровне, что она „совершенно прусская королева“».²⁷

геве И. С. Полн. собр. соч. Письма, т. V. 1862—1865. М.—Л., Изд. АН СССР, 1963, с. 222—223). Благодаря И. С. Тургеневу сохранилось единственное описание внешности Керн.

²¹ Об этом рисунке см.: Эфрос Абрам. Пушкин-портретист. М., 1946, с. 179—184.

²² См.: Никитенко А. В. Дневник в 3-х т., т. I. [Л.], 1955, с. 46—51. См. также стихи А. И. Подолинского, посвященные Керн, в кн.: Керн А. П. Воспоминания, дневники, переписка. М., 1974, с. 47.

²³ Керн А. П. Воспоминания, дневники, переписка, с. 90.

²⁴ Видимо, имеется в виду ее широкоизвестный миниатюрный портрет.

²⁵ В. И. Анненкова, рожденная Бухарова, — родственница А. П. Керн.

²⁶ Ю. М. Шокальский — внук А. П. Керн.

²⁷ Модзалевский Б. Л. Анна Петровна Керн. — В кн.: Пушкин. [Соч.], т. III. Изд. Брокгауза—Ефрона. СПб., 1909, с. 587.

В связи с этими свидетельствами возникла мысль сравнить изображение А. П. Керн с портретами «замечательной своей красотой» прусской королевы Луизы (1776—1810), благосклонность к которой Александра I подверглась «злословию» Наполеона.²⁸ Ее приезд в Петербург в конце 1808 г. сохранился в памяти современников.²⁹

Сопоставляя портреты Керн и прусской королевы Луизы, мы видим, что они были похожи.³⁰ Сходство подтверждается миниатюрным портретом, силуэтом 1825 г. и рисунком Пушкина, но всего более — предполагаемым портретом Керн. Это окончательно убеждает нас в том, что на портрете крепостного художника изображена Анна Петровна.

Итак, до нас дошел еще один портрет А. П. Керн. Отыскался он через 150 лет после создания шедевра пушкинской лирики, стихотворения «Я помню чудное мгновенье...».³¹ Обязаны мы этим портретом Акиму Арефову-Багаеву.

Н. И. Грановская

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ А. Ф. СМЕРДИНА В ПРАГЕ

Вероятно, без преувеличения можно сказать, что из всех русских книжников 20—30-х годов прошлого века наиболее близкие и дружеские отношения у Пушкина были с А. Ф. Смирдиным, заслуги которого перед русской культурой пушкинского времени как издателя, библиографа и организатора библиотечного дела трудно переоценить.¹ По масштабам своей просветительской деятельности, с поправкой на время, А. Ф. Смирдин (он издал книг более чем на 3 млн рублей) может быть сравним лишь с И. Д. Сытиным, вторым удивительным русским самородком. Однако последний, пожалуй, все же не был так тесно и непосредственно связан

²⁸ См.: Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle, t. 10 (L). Paris, 1862, p. 725.

²⁹ См.: Русский архив, 1899, вып. 9, с. 77 (письмо А. Я. Булгакова к К. Я. Булгакову от 11 января 1809 г.).

³⁰ См. многочисленные (в профиль и фас) портреты королевы Луизы в кн.: Hohenzollern-Jahrbuch, Berlin—Leipzig, 1909, p. 108—154 (особенно портрет Вилге-Лебрен на с. 140).

³¹ Н. И. Черняев писал: «Своим посланием „К А. П. Керн“ Пушкин обессмертил ее так же, как Петрарка обессмертил Лауру, а Данте — Беатриче. Пройдут века, и когда множество исторических событий и исторических деятелей будут забыты, личность и судьба Керн, как вдохновительницы пушкинской музыки, будет возбуждать большой интерес, вызывать споры, предположения и воспроизводиться романистами, драматургами, живописцами» (Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900, с. 33—34).

¹ Подробнее о деятельности Смирдина см.: Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. (Книжная лавка А. Ф. Смирдина). М., 1929; Смирнов-Сокольский Н. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 1957.

с собственно литературной жизнью. Ведь совсем не случайно В. Г. Белинский писал о «смирдинском» периоде русской словесности, называя А. Ф. Смирдина его «главой и распорядителем».²

Связи Пушкина с А. Ф. Смирдиным многообразны. Напомним, что Смирдиным были куплены после возвращения Пушкина из ссылки повторные издания его поэм «Бахчисарайский фонтан» (1827), «Руслан и Людмила» (1828), «Кавказский пленник» (1828). Им же в 1831 г. было приобретено первое издание «Бориса Годунова», а в 1835 г. — четвертая часть «Стихотворений». У Смирдина вышли первое полное издание «Евгения Онегина» (1833), «Поэмы и повести» (1835). Пушкин печатался в известном смирдинском альманахе «Новоселье», в журнале Смирдина «Библиотека для чтения». Это лишь отдельные примеры деловых отношений Пушкина со Смирдиным,³ который считал для себя честью сотрудничать с поэтом и платил ему необычайно высокие гонорары. По подсчету Н. П. Смирнова-Сокольского, из общей суммы заработанных литературным трудом денег (примерно 250 тыс. рублей) около половины Пушкин получил от Смирдина.⁴

Высоко ценивший талант Пушкина и гордившийся знакомством с ним, Смирдин сыграл исключительную роль в распродаже и популяризации его произведений, независимо от того, кем они были изданы. Предполагая издать «Повести Белкина» и зная, как может быть полезен Смирдин в распродаже книги, Пушкин писал 15 августа 1831 г. из Царского Села Плетневу: «Смирдину шепнуть мое имя с тем, чтоб он перешепнул покупателям» (XIV, 209). О том, как расходились произведения Пушкина у Смирдина, оставил замечательное свидетельство Гоголь. Дав живое и красочное описание обстановки в книжном магазине Смирдина во время продажи «Бориса Годунова», когда «толпа густилась и росла», он, по-видимому, с натуры записал характерный диалог: «— А самое то сочинение действительно ли чувствительно написано? — с смиренным видом заикнулся вошедший сенатский рябчик. „И конечно чувствительно“, — подхватил книгопродавец, кинув убийственный взгляд на его истертую шинель: „если бы не чувствительно, то не разобрали бы 400 экземпляров за два часа!“».⁵

Зная о том огромном авторитете, которым пользовался у Смирдина Пушкин,⁶ многие обращались к нему с просьбами о протекции у издателя, если Пушкин найдет их произведения достойными печати. Это относится, например, к Н. А. Полевому, П. А. Катенину, Денису Давыдову, Е. А. Баратынскому, Д. Н. Бантыш-Каменскому. При посредстве Пушкина Смирдиным был издан «Конек-Горбунок» Ершова, первые строки

² Белинский В. Г. Собр. соч. в 3-х т., т. I. М., 1948, с. 89.

³ Подробнее см.: Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962.

⁴ Там же, с. 337.

⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1952, с. 849. За два часа была распродана примерно пятая часть тиража.

⁶ «Твое слово для Смирдина, конечно, закон. . .», — писал Пушкину летом 1833 г. М. А. Корф, ходатайствуя за переводчика Н. М. Бакунина (XV, 67).

которого, как впоследствии вспоминал издатель, были исправлены Пушкиным.⁷

О близости между Пушкиным и Смирдиным свидетельствует и то, что многие корреспонденты поэта адресовали ему свои письма на книжный магазин Смирдина. Сам поэт в письмах 1830-х годов не раз упоминает имя издателя. Оно попадает даже в его шуточные эпиграммы («К Смирдину, как ни зайдешь...», «Смирдин меня в беду поверг...»). Иногда Пушкин сетовал на Смирдина, но в целом относился к нему всегда доброжелательно и с доверием, называя его «Libraire gentilhomme».⁸ Некоторое охлаждение в отношениях между Пушкиным и Смирдиным наступило лишь с появлением «Современника». Оно явилось косвенным следствием борьбы Пушкина с «журнальным триумvirатом» (Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский), с которым был экономически связан Смирдин и который впоследствии был причастен к его разорению.

Крупным событием петербургской литературной жизни начала 1830-х годов явился переезд книжной лавки Смирдина с Мойки (у Синего моста) на Невский проспект, где он разместил на первом этаже прекрасно оборудованный магазин, а на втором — первоклассную коммерческую библиотеку. В помещении этой библиотеки по случаю новоселья 19 февраля 1832 г. состоялся торжественный обед, на котором присутствовало более сорока известных русских литераторов, в том числе Пушкин, Крылов, Жуковский, Вяземский, Гоголь, Одоевский, Языков и др. В результате этой встречи появился знаменитый смирдинский альманах «Новоселье» (ч. I, 1833; ч. II, 1834), в котором приняли участие многие из присутствовавших на обеде. Фронтиспис для первой части альманаха был сделан одним из гостей — Александром Брюлловым. На его рисунке изображены библиотека Смирдина и собравшиеся по случаю его новоселья писатели, среди которых в центре Пушкин.⁹

В последующие годы поэт не раз посещал запечатленные на фронтисписах первой и второй части «Новоселья» библиотеку и магазин Смирдина, о чем сохранилось немало свидетельств. Он несомненно пользовался книгами из библиотеки.¹⁰ Что же касается сведений о работе библиотеки Смирдина в целом (число и социальный облик ее читателей, характер

⁷ См.: Азадовский М. Пушкинские строки в «Коньке Горбунке». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.—Л., 1936, с. 315—316.

⁸ Библиотека для чтения, 1841, т. 47, отд. VI, с. 27.

⁹ Об этом фронтисписе есть специальная статья: Назарова Г. И. «Новоселье» Александра Брюллова. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л., 1971, с. 73—88. Очень ценным представляется воспроизведенный в статье второй рисунок Брюллова, сделанный во время обеда. Он в большей мере, чем первый, позволяет представить общий вид библиотеки Смирдина.

¹⁰ Сохранилась книга «Атлас Российской...» (1745) с надписью поэта на форзаце «А. Пушкин» и экслибрисом «Из библиотеки Смирдина № 3852» (см.: А. С. Пушкин. Рукописи, документы, иллюстрации. М., 1948, с. 27). В личной библиотеке Пушкина также зарегистрировано 7 книг с экслибрисами «Из библиотеки Смирдина» (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, с. 16, 17, 34, 42, 53, 107, 126).

спроса, годовой книгооборот и т. д.), то их, к сожалению, до нас дошло немного. Больше известно об истории библиотеки и ее составе.

Библиотека была основана как коммерческое предприятие В. А. Плавильщиковым в 1815 г. После его смерти, в 1823 г., она перешла к Смирдину, а в 1842 г., когда дело его пришло в упадок, к М. Д. Ольхину. С 1847 г. владельцем библиотеки Смирдина становится его приказчик П. И. Крашенинников. Когда последний умер (в 1864 г.), численно возросшая библиотека была свалена в подвалы, где пролежала до конца 70-х годов, а затем была оптом продана рижскому книготорговцу Н. Киммелю.

Экслибрис «Из библиотеки Смирдина» на книге «Собрание планов и фасадов сельских и садовых украшений» (М., 1829).

О составе библиотеки позволяет судить «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» (1828). В нее — вместе с двумя прибавлениями (1829, 1832) — входило 12 036 названий, в то время как в библиотеке Плавильщикова в 1820 г. их насчитывалось только 7009. Практически «Роспись» Смирдина, в составлении которой, кроме него, участвовали В. Г. Анастасевич и Ф. И. Цветаев, включала большинство существовавших русских изданий и долгие годы являлась основным библиографическим справочником в России, продолжившим опыт В. С. Сопикова. Пушкин знал «Роспись» Смирдина¹¹ и, надо думать,

¹¹ См. письмо П. А. Катенина к Пушкину от 1 июля 1835 г. (XVI, 32).

пользовался ею. Продолживший «Роспись» Смирдина и издавший еще два прибавления к ней (1852, 1856) П. И. Крашенинников довел число названий до 18 772. Эта цифра характеризует расширение библиотеки Смирдина в период с 1832 по 1842 г. и позднее, когда она принадлежала М. Д. Ольхину¹² и П. И. Крашенинникову.

Библиотека Смирдина, так же как и его книжная торговля, сыграла исключительно важную роль в привлечении внимания читающей России, долгое время пользовавшейся по преимуществу иностранными изданиями, к русской книге, в том числе к изданным им самим произведениям Пушкина, Державина, Крылова, Жуковского, Марлинского, Батюшкова, Давыдова, Козлова, Баратынского, Загоскина, Одоевского и других русских писателей. Судьба библиотеки не может быть безразлична для нас. Ведь речь идет об уникальном собрании русских книг, которым в первой половине XIX в. пользовался не только Пушкин, но многие выдающиеся деятели русской культуры его времени. Вот что не так давно писал о нем Н. П. Смирнов-Сокольский: «В 1929 году в ленинградской „Вечерней красной газете“ промелькнула заметка, сообщающая о нахождении в Латвии библиотеки Смирдина. По-видимому, речь шла о книгах, попавших в личное собрание Киммеля. Дальнейшая судьба их неизвестна».¹³ В действительности, к счастью, все оказалось не так. В то время когда писались эти слова, книжное собрание А. Ф. Смирдина (пусть неполное, но именно собрание, а не отдельные книги) уже более двух десятилетий находилось в Праге. Установить его местонахождение помог случай.

Было это в 1965 г. Находясь в Праге и занимаясь в Славянской библиотеке, являющейся частью Государственной библиотеки ЧССР, я как-то заказал книгу, шифр которой начинался буквами «Sm». Каково же было мое удивление, когда, получив ее, я увидел на ней штамп со словами «Библиотека А. Смирдина №. . .». Это не могло не заинтересовать. И вот что выяснилось.

Закупив в 1879 г. библиотеку А. Ф. Смирдина—П. И. Крашенинникова, Н. Киммель издал каталог ее гуманитарной части, которая была пущена им в розничную продажу, но раскуплена все же не полностью. Что же касается книг по технике и естествознанию, то они как устаревшие особого сбыта не имели. Таким образом, многие книги библиотеки оказались нераспроданными. В 1929 г., чтобы освободить складские помещения, владельцы решили продать оставшиеся книги оптом. К уцелевшей части библиотеки Смирдина проявила интерес незадолго до этого образованная в Чехословакии Славянская библиотека (1924), в задачу которой входило комплектование специальных книжных фондов по истории и культуре славянских народов. В 1932 г. Славянская библиотека закупила книги Смирдина и вывезла их из Риги в Прагу.

К сожалению, в 1965 г. у меня не было возможности собрать более полные сведения об истории приобретения библиотеки А. Ф. Смирдина

¹² Став владельцем библиотеки Смирдина, М. Д. Ольхин в отличие от П. И. Крашенинникова проводил свою особую каталогизацию книг, пополнявших библиотеку после 1832 г.

¹³ Смирнов-Сокольский Н. Книжная лавка А. Ф. Смирдина, с. 54.

и ее современном составе. Поэтому я обратился тогда с просьбой к сотрудникам Славянской библиотеки написать о ней хотя бы небольшую заметку для нашей печати. Эта просьба была выполнена.¹⁴

Только в 1975 г. мне удалось увидеть все книжное собрание А. Ф. Смирдина, составляющее особый самостоятельный фонд Славянской библиотеки, обозначенный в каталоге буквами «Sm», узнать несколько подробнее о новой жизни этого собрания, начиная с 1930-х годов и по сей день.

В годовых отчетах Славянской библиотеки начала 1930-х годов не упоминается о приобретении библиотеки Смирдина. Так, например, в отчете за 1932 г. читаем: «Как уже сообщалось, Славянская библиотека при значительной поддержке Славянского института приобрела публичную библиотеку петроградского книготорговца-просветителя А. Ф. Смирдина (1795—1857) и его последователей в том виде, в каком она до наших дней сохранилась. Библиотека эта, состоящая исключительно из русских книг, была известным центром пушкинской генерации русских писателей и любителей литературы. Содержание библиотеки довольно точно отражает духовную атмосферу того времени и является важным источником для изучения истории культуры и языка эпохи».¹⁵

Весьма существенно для нас сообщение о собрании Смирдина, содержащееся в следующем годовом отчете, составленном после инвентаризации купленных книг: «Эта библиотека является целостным собранием книг времени первого расцвета русской культуры на рубеже XVIII и XIX столетий <...> В течение времени некоторые экземпляры из библиотеки были утрачены или проданы (рукописи, книги церковнославянские, первые издания классиков, редкие библиографические издания), но и в теперешнем своем состоянии уцелевшая часть библиотеки представляет собой необычайно ценное собрание, не только в количественном отношении, за пределами русских границ, но и по своему общему составу, позволяющему представить важный период русской культуры.

О значении библиотеки Смирдина лучше всего свидетельствует то, что ее каталог, изданный в 1828 г. на более чем 800 страницах, вместе с прибавлениями, вышедшими в 1829, 1832, 1852 и 1856 гг., всегда был и остается по сей день одним из основных библиографических справочников по русской литературе предшествующего времени.

Из библиотеки Смирдина в основной состав Славянской библиотеки включено 11 262 единицы и в обменный фонд — 5741 единица дублетов (в том числе 647 дефектных).

Славянская библиотека будет стремиться восполнить в этом ценном собрании недостающие экземпляры, включая в него книги, уже приобретенные в других местах, а также посредством новых покупок и обмена».¹⁶

¹⁴ См.: Савицкий И. Новая жизнь русской библиотеки в Праге. — Советское славяноведение, 1967, № 4, с. 96—98. В этом сообщении допущена неточность при характеристике книг Ольхина, якобы совсем не связанных с библиотекой Смирдина.

¹⁵ Slovanská knihovna... Vyroční zpráva za rok 1932. Praha, 1933, s. 2.

¹⁶ Slovanská knihovna... Vyroční zpráva za rok 1933. Praha, 1934, s. 2.

Некоторое представление о состоянии книжного собрания А. Ф. Смирдина, в каком оно было приобретено Славянской библиотекой, дают следующие сопоставительные выборочные данные. Так, например, из 605 названий, относящихся к отделению «История российская» «Росписи» Смирдина (1828), в Славянскую библиотеку в 1932 г. поступило только 140, из 122 номеров отделения «Романы, повести и сказки» — 21, из 82 номеров отделения «Произведения словесности пиитической» — всего 13. Значительно лучше обстояло дело с такими отделениями, как «Медицина» и «Домоводство», где из 650 проверенных номеров сохранилось 468.¹⁷

Начатая еще в 1930-е годы реставрация книжного собрания Смирдина по его «Росписи» и четырем прибавлениям к ней продолжалась и после войны. На книги, включенные в фонд Смирдина взамен утраченных, а также на все другие книги собрания, не имевшие экслибриса Смирдина, ставился специально изготовленный Славянской библиотекой штемпель, о котором шла речь выше. При этом его ставили и на книги, означенные в двух последних прибавлениях к «Росписи» Смирдина (1852, 1856). Однако довести работу по реставрации до конца практически оказалось невозможным. Как мне сообщил директор Славянской библиотеки доктор Йозеф Страдел (в письме от 24 июля 1975 г.), за истекшие годы состав книжного собрания Смирдина несколько изменился. В настоящее время фонд «Sm» (т. е. библиотека Смирдина), согласно документам, состоит из 7809 номеров (шифров) или 12 938 книг; среди последних 8938 подлинных из библиотеки Смирдина и его продолжателей и 4000 пополнивших фонд в соответствии с «Росписью» и четырьмя прибавлениями к ней. Книги фонда Смирдина в Славянской библиотеке имеют ту же, что и в «Росписи», нумерацию и надлежащим образом размещены.

Фонд Смирдина занимает 41 двусторонних стеллажей, что составляет примерно 340 погонных метров книжных полок. Сколько-нибудь внимательно осмотреть его, не говоря уже об изучении, за один визит, конечно, невозможно. Меня особенно интересовала собственно художественная литература, прежде всего книги — современницы Пушкина. Из их числа я видел в Праге издания Тредьяковского, Батюшкова, Дмитриева, Державина, Жуковского, Гнедича, Гоголя, Козлова, самого Пушкина. Странное было чувство, когда я держал их в руках. Ведь они были свидетелями торжественной встречи выдающихся русских писателей по случаю новоселья Смирдина на Невском проспекте в 1832 г., слышали тост председательствовавшего за обедом Крылова в честь Пушкина, слышали голос и смех самого Пушкина, его известную остроту о двух разбойниках, адресованную Булгарину и Гречу.¹⁸

Трудно сказать, что может дать тщательное обследование сохранившейся части книжного собрания А. Ф. Смирдина. Но важно, что такая

¹⁷ Приведенные цифровые данные почерпнуты из упомянутого выше сообщения И. Савицкого.

¹⁸ См.: Ш и м к е в и ч К. А. Литературный обед у Смирдина с участием Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, т. VIII, вып. 31—32. Л., 1927, с. 114—115. См. также: Б у р н а ш е в В. Из воспоминаний петербургского старожилы. Четверги у Греча. — Заря, 1871, апрель, с. 26.

возможность теперь есть. Библиотека Смирдина, хотя и вдали от невских берегов, все же существует и снова выполняет свою изначальную функцию. Ею уже много лет пользуются читатели-пражане, интересующиеся русской литературой, а также ученые-слависты разных стран, приезжающие заниматься в Славянскую библиотеку.

Руководство и сотрудники Славянской библиотеки в Праге отчетливо сознают научную и культурно-историческую ценность фонда Смирдина, как целостного уникального собрания редких русских книг, и бережно сохраняют его, за что мы можем им быть только благодарны.

Л. С. Кишкин

IV. ХРОНИКА

НЕКРОЛОГ

Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ

4 июня 1974 г. скончался один из старейших членов Пушкинской комиссии, Борис Павлович Городецкий, в научной деятельности которого важнейшее место занимало изучение жизни и творчества Пушкина.

Б. П. Городецкий родился в г. Костроме 28 июня 1896 г. В 1905 г. он поступил в Кинешмское реальное училище, а затем, по окончании его в 1913 г., — в Технологический институт, где учился два года. Хотя Борис Павлович получил первоначальное среднее образование с техническим уклоном, его влекло к гуманитарным наукам. В 1915 г. ему удалось поступить в С.-Петербургский университет, но в следующем году он был призван на военную службу, продолжавшуюся до 1921 г. В 1926 г., после нескольких лет работы в качестве журналиста и лектора-массовика в политико-просветительских учреждениях, Борис Павлович вновь поступил в Ленинградский университет на факультет общественных наук (так тогда назывался филологический факультет) и закончил его в 1930 г. В 1931 г. он был принят в аспирантуру Института русской литературы Академии наук СССР. В 1935 г. он, окончив аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию на тему «„Борис Годунов“ А. С. Пушкина. История создания».

С этих пор изучение жизни и творчества Пушкина стало центральной и определяющей темой научно-литературной деятельности Б. П. Городецкого, которой он был верен до последних дней своей жизни. В 1935 г. Б. П. Городецкий стал старшим научным сотрудником Пушкинского Дома и оставался им, с перерывами, до ухода на пенсию в 1972 г. Более подробно биография Бориса Павловича и характеристика его научной и научно-организационной деятельности даны в статье П. Н. Беркова «Борис Павлович Городецкий (к семидесятилетию со дня рождения)» в журнале «Русская литература» (1966, № 2, с. 268—273, с портретом).

Организационная деятельность Б. П. Городецкого за годы его работы в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) и за его пределами была весьма многообразна; долгое время он был заведующим сектором пушкиноведения, руководил аспирантами-пушкиноведами, редактировал многие издания Института и принимал близкое участие в коллективных трудах в области пушкиноведения; он являлся членом Пушкинской комиссии со времени возобновления ее деятельности с ноября 1933 г. (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.—Л., 1963, с. 4).

Количество работ Б. П. Городецкого о Пушкине, как это видно из публикуемого ныне перечня их, довольно велико. Они очень разнообразны по своим жанрам (книги, статьи, рецензии, обзоры) и по своей проблематике: его интересовали вопросы текстологии и творческой истории отдельных произведений Пушкина, личные и творческие связи поэта с его современниками и воздействие его наследия на русскую культуру. Б. П. Городецкий был также прекрасным лектором, искусным и опытным популяризатором. Он прочитал большое количество докладов и лекций о Пушкине в самых разнообразных аудиториях, оставшихся в памяти его многочисленных слушателей.

М. А.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ
ВАЖНЕЙШИХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Б. П. ГОРОДЕЦКОГО
ОБ А. С. ПУШКИНЕ

В настоящем указателе приведены по возможности все книги и статьи Б. П. Городецкого о Пушкине. В указатель не вошли лишь те книги его (или коллективные труды с его участием), в которых Пушкин только упоминается.

- «Борис Годунов» в творчестве Пушкина. — В кн.: «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Сборник статей. . . Под общ. ред. К. Н. Державина. Л., 1936, с. 7—41. (Гос. акад. театр драмы).
- К истории издания «Кавказского пленника». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 2. М.—Л., 1936, с. 290—293. (АН СССР. Ин-т литературы).
- Письмо Пушкина к «неизвестному». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 1. М.—Л., 1936, с. 234—235. (АН СССР. Ин-т литературы).
- Пушкин и драма. — В кн.: Пушкин и искусство. М.—Л., «Искусство», 1937, с. 3—27.
- «Борис Годунов» А. С. Пушкина. — В кн.: Борис Годунов. Народные сцены в 10-ти карт. Музыка М. П. Мусоргского. Сборник статей к постановке в Гос. акад. Малом оперном театре и полное либретто оперы. Л., Изд. Малого оперного театра, 1939, с. 5—16.
- «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Ред. текста и коммент. Г. О. Винокура. (Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII. Драматические произведения. Изд. АН СССР, 1935, 724 с.). — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 4—5. М.—Л., 1939, с. 529—542.
- Рецензия.
- Проблема Пушкина в 1880—1900-х годах. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского, 1940, т. 4. Фак. яз. и лит., вып. 2, с. 76—91.
- К истории одного неосуществленного замысла Пушкина. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 67, 1948, с. 88—95.
- К истории статьи Пушкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем». — Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., т. 7, вып. 4, 1948, с. 329—340.

- Драматургия Пушкина. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 г. в Ленинграде. Л., 1949, 35 с. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и научн. знаний).
- Пушкин — великий поэт русского народа. К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — Нар. образование, 1949, № 6, с. 9—15.
- Проблема народа в творчестве Пушкина. — В кн.: А. С. Пушкин. 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств. М.—Л., АН СССР, 1951, с. 282—300.
- Изучение биографии Пушкина в советское время. — В кн.: Труды Первой и Второй Всесоюзных пушкинских конференций 25—27 апреля 1949 г. и 6—8 июня 1950 г. М.—Л., 1952, с. 26—48. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).
- Проблемы драматургии Пушкина. — Там же, с. 126—157.
- Драматургия Пушкина. М.—Л., 1953, 359 с. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).
- Драматургия Пушкина. — В кн.: Пушкин и театр. Драматические произведения, статьи, заметки, дневники, письма. М., «Искусство», 1953, с. 5—41.
- Изучение Пушкина в средней школе. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной пушкинской конференции. М.—Л., АН СССР, 1953, с. 396—413.
- О языке трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». — В кн.: Изучение языка и стиля художественных произведений в школе. Под общ. ред. А. М. Докусова. М.—Л., Учпедгиз, 1953, с. 72—89.
- Alexander Sergeevich Pushkin. — Ethiopia observer, Addis Ababa, 1957, № 8, p. 266—268.
- «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 3. М.—Л., 1960, с. 218—267. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).
- Автобиографическое и типическое в лирике Пушкина. — В кн.: Тринадцатая Всесоюзная пушкинская конференция. 6—8 июня 1961 года. Тезисы докладов. Л., 1961, с. 15—17. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).
- О некоторых проблемах изучения лирики Пушкина. — Рус. лит., 1961, № 1, с. 25—38.
- Всегда с нами. (К 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина). — Рус. лит., 1962, № 1, с. 20—26.
- Лирика Пушкина. М.—Л., 1962, 466 с. (Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).
- Пушкин после восстания декабристов. (Загадочная запись Пушкина 1826 г.). — В кн.: Проблемы современной филологии. М., «Наука», 1965, с. 366—371. (АН СССР. Отд-ние литературы и языка).
Объяснение записи «И я бы мог как [шут на]».
- Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Коллективная монография под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.—Л., «Наука», 1966, 663 с.
Стр. 36—49: 40-е годы. §§ 2—4. [Белинский и Пушкин]. Стр. 73—77: 50—60-е годы. § 7. [Герцен и Пушкин]. Стр. 407—416: Лирика.

Стр. 445—459: Драматургия. Ч. 1. Пушкин в истории русской критики и литературоведения. Гл. 2. 40-е годы. §§ 2—4 [Белинский и Пушкин].

Кто же был цензором «Бориса Годунова» в 1826 году? — Рус. лит., 1967, № 4, с. 109—119.

А. С. Пушкин. — В кн.: История русской поэзии. В 2-х т. Т. I. Л., «Наука», 1968, с. 376—434.

Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов». Комментарий. Пособие для учителя. Л., «Просвещение», 1969, 184 с.

К оценке Пушкиным комедии Грибоедова «Горе от ума». — Рус. лит., 1970, № 3, с. 21—36.

Лирика Пушкина. Л., «Просвещение», 1970, 184 с. (Пособие для учителя).

Традиции Пушкина и русская советская поэзия. — В кн.: Русская советская поэзия. Традиции и новаторство. 1917—1945. Л., «Наука», 1972, с. 62—89. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).

«19 октября» (1825). — В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., «Наука», 1974, с. 57—70. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).

Русские лирики. Ист.-лит. очерки. Л., «Наука», 1974, 158 с. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

Вся деятельность коллектива Всесоюзного музея А. С. Пушкина в 1974 г. была направлена на разработку научных, экспозиционных, методических, экскурсионных и лекционных тем, посвященных 175-й годовщине со дня рождения поэта. За 25 лет, прошедших со времени больших торжеств 1949 г., посвященных 150-летию со дня рождения поэта, в жизни Всесоюзного музея А. С. Пушкина произошли большие серьезные перемены.

В 1965 г. принципиально новой стала экспозиция в Музее-квартире А. С. Пушкина на Мойке. В 1967 г. в бывший церковный флигель Екатерининского дворца в Пушкине была перенесена основная литературно-монографическая экспозиция (находившаяся ранее в Александровском дворце и в залах Государственного Эрмитажа), раскрывающая жизнь и творчество А. С. Пушкина только на материалах его эпохи. Сменяли одна другую выставки советской пушкинианы в Камероновой галерее. Наконец, была закончена реставрация созданного в 1949 г. Музея-Лицея, занимавшего лишь небольшую часть прежних своих помещений.

Состоявшееся спустя 25 лет открытие преобразованного, реставрированного Музея-Лицея, приуроченное к 175-летию со дня рождения Пушкина, стало большим культурным событием в жизни нашего города. Мно-

голетний труд научного сотрудника музея М. П. Руденской по истории Лицея послужил основой для проекта архитекторов-реставраторов И. Н. Бенуа и А. А. Кедринского по мемориальному воссозданию помещений третьего и четвертого этажей. Так как здание Лицея до 1966 г. было занято жильцами, не могло быть и речи об историко-архитектурных его исследованиях, которые помогли бы восстановить подлинную картину лицейских интерьеров. Изучение истории Лицея велось по архивным источникам, воспоминаниям современников, свидетельствам, разбросанным по многочисленным эпистолярным материалам, по произведениям Пушкина и его лицейских товарищей, классическим трудам Я. К. Грота, Н. А. Гастфрейнда, Д. Ф. Кобеко. Немногочисленный, но чрезвычайно важный иллюстративный материал с изображением учебных кабинетов в начале XIX в. позволил создать проекты мебели для лицейских классов, а акварель лицеиста В. Лангера имела первостепенное значение при восстановлении большого зала. В осуществлении подготовленного сотрудниками музея и архитекторами проекта реставрации Лицея участвовали инженеры-строители, реставраторы, художники, многочисленные рабочие самых разных специальностей.

На третьем этаже, как и прежде, разместились передняя, газетная комната, большой зал, библиотека, помещения для занятий вне классов, учебный класс, физический кабинет, классы рисования и пения. В соответствии с историческими данными стены парадной лестницы и всех интерьеров теперь расписаны под розовый и зеленый мрамор, а в классах покрашены зеленой краской. Роспись в большом зале, в библиотеке и классах выполнена по эскизам художника Я. А. Казакова, высококвалифицированного реставратора, посвятившего много лет восстановлению залов Екатерининского дворца.

В библиотеке заняли свое место подлинные книги, те самые, которыми пользовались лицеисты. Эти книги были переданы в музей из Уральского государственного университета. Под руководством заведующей библиотекой музея Л. П. Кузьминой книги были изучены, систематизированы, им дано полное научное описание. В физическом кабинете можно увидеть интереснейшие приборы, подобные тем, которыми пользовались лицеисты. Помимо экспонатов, переданных из Государственного Эрмитажа, здесь представлены предметы, разысканные научными сотрудниками Е. Н. Ивановой и Г. С. Тюриной в старых ленинградских школах; в частности, уникальные приборы были переданы в Лицей руководителями 189-й и 222-й школ.

Живой интерес посетителей вызывают рисунки лицеистов, представленные в классе рисования. Они свидетельствуют о незаурядном даровании воспитанников, показывают своеобразие их художественной манеры. Здесь можно увидеть и руководства к рисованию, которыми пользовался на своих уроках учитель С. Г. Чириков.

На четвертом этаже размещены комнаты воспитанников. По воспоминаниям И. И. Пуцина известно, что все комнаты были обставлены одинаково. Так же как и прежде, над дверью каждого лицеиста первого курса висит черная металлическая табличка с номером комнаты и фамилией воспитанника.

В каждой комнате стоят кровать, воссоздать которую позволил рисунок в журнале «Лицейский мудрец», конторка, комод, умывальный столик и стул. По специальным заказам выполнены на фабрике «Ленсукно» одеяла, а на Заводе художественного стекла предметы для умывания из синего стекла.

Комната под номером 14 принадлежала лицеисту Александру Пушкину. Именно здесь, в Лицее, пришла к молодому поэту известность и первая слава, здесь он приобрел друзей на всю жизнь.

Экспозиция музея исчерпывающе и эмоционально рассказывает о передовом учебном заведении России начала XIX в., о замечательных талантливых педагогах — В. Ф. Малиновском, Е. А. Энгельгардте, А. П. Куницыне, о прогрессивных идеях времени, благодарно воспринятых воспитанниками.

В торжественной обстановке, в присутствии многочисленных гостей, в день рождения А. С. Пушкина — 6 июня 1974 г. — Музей-Лицей был открыт. На открытии выступили заместитель министра культуры РСФСР В. М. Стриганов, академик М. П. Алексеев, заместитель председателя Ленгорисполкома А. П. Бойкова, поэт М. А. Дудин и др. Под общие аплодисменты директор Специального научно-реставрационного производственного объединения «Реставратор» С. И. Газиянц передал символический ключ от Лицея директору Всесоюзного музея А. С. Пушкина М. Н. Петай.

В эти же дни в помещении Камероновой галереи открылась новая экспозиция «Образ Пушкина в советском изобразительном искусстве». Выставка рассказывала о работе ведущих советских художников над образом поэта. Отдельный зал был отведен работам молодых ленинградских художников. Большой раздел выставки был посвящен театральным постановкам пушкинских произведений, в частности на ленинградской сцене. Здесь же, в Камероновой галерее, к ленинградскому празднику школьников «Алые паруса» для участников всесоюзного слета юных пушкинистов была открыта выставка детского рисунка — участников художественной студии при Государственном Эрмитаже — под названием «Мой Пушкин». Большинство работ переданы в дар музею.

Как и в предыдущие годы, музей продолжил организацию передвижных выставок по стране. Заведующая сектором передвижных выставок Т. Г. Поедалова подготовила юбилейную выставку фондовых материалов о жизни и творчестве поэта под названием «Слух обо мне пройдет по всей Руси...». Выставка экспонировалась в Перми, Кирове, Вологде, Архангельске. Научные сотрудники, выезжавшие в эти города, не только проводили экскурсии по экспозиции, но и читали лекции на предприятиях и в учреждениях, выезжали в область, проводили вечера поэзии в пионерских лагерях, участвовали в методических занятиях сотрудников местных музеев.

Много внимания было уделено проведению юбилейных вечеров в музее и его филиалах. В основной экспозиции состоялся литературный вечер «Пушкин и Байрон», а во дворе дома № 12 по набережной Мойки вечером 26 мая с успехом прошел концерт хора мальчиков при Ленинградской гос. академической Капелле им. М. И. Глинки. Участники хора выступили

с литературной композицией по стихотворениям поэта, исполнили музыкальные произведения пушкинской эпохи.

В Музее-Лицее впервые после долгого перерыва торжественно отмечалась 163-я лицейская годовщина. С докладом выступил кандидат исторических наук Н. Я. Эйдельман. Заслуженный артист республики Е. И. Шевченко прочел стихотворения поэта, посвященные лицейским годовщинам. Специальную программу подготовил хор мальчиков и юношей Капеллы им. Глинки под руководством Ф. М. Козлова.

Естественно, что в юбилейном году большое внимание было обращено на подготовку новых лекций. Сотрудники музея разработали цикл лекций по современной тематике: «Пушкин и наше время», «Пушкинская тема в советской поэзии», «Пушкин в советской драматургии», «Образ поэта в советском изобразительном искусстве». Они принимали участие в народных праздниках, посвященных дню рождения Пушкина, в различных парках Ленинграда и пригородов. Всего силами научных сотрудников музея в Ленинграде, области, в местах действия передвижных выставок прочитано 367 лекций.

В 1974 г. музей и его филиалы посетило 584 793 человека, из них в Лицее побывало 199 335 посетителей; сотрудники музея провели 9869 экскурсий. Такое увеличение количества посетителей связано с юбилейным пушкинским годом, с большим интересом, который вызвал вновь открытый Музей-Лицей.

В соответствии с планом Всесоюзного музея А. С. Пушкина велась научная фондовая работа. Составлено 1220 научных паспортов на материалы. Из новых приобретений наиболее интересными являются «Екатерингофское гулянье. 1825 г.» — гравюра (на ленте) работы К. Гампельна, географическая карта Российской империи 1785 г., Российский атлас 1800 г., серия музыкальных альбомов 1820—1830-х годов, акварель князя Салтыкова «Путешественник в турецкой кофейне» (1818), иллюстрации к «Цыганам» худ. Н. Альтмана, серия иллюстраций к «Повестям Белкина» и «Маленьким трагедиям» худ. А. Якобсон, эскизы к пушкинским спектаклям И. Алексеева, В. Дорера, Д. Овчаренко и др. Музею в дар были переданы диплом А. А. Дельвига, выданный Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств (1818).

Из наиболее интересных и ценных приобретений библиотеки можно указать альманахи «Северные цветы» (1826), «Новые аониды» (1823), «Украинский альманах» (1831), издания «Сто русских литераторов», «Путеводитель по Москве» (1827), новые книги для экспозиции Лицея, полученные из Уральского государственного университета, «Письма из Сибири» Бестужева, прижизненные издания А. С. Пушкина «Цыганы» и «Кавказский пленник».

Научные исследования сотрудников музея, статьи о новых экспозициях, о проблемах и перспективах работы публиковались в журналах «Русская литература», «Детская литература», «Звезда», «Нева», «Архитектура и строительство Ленинграда», в газетах «Пушкинский праздник», «Книжное обозрение» и других изданиях.

А. И. Минина

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА)

В 1974 г. музей принял участие во многих мероприятиях, связанных с празднованием 175-летия со дня рождения Пушкина.

По инициативе и при участии музея проведен всероссийский конкурс артистов-чтецов «Пушкинские чтения 1974». Музей стал методическим центром и местом проведения заключительных туров еще четырех конкурсов: всероссийского конкурса-семинара чтецов-любителей, московских городского и областного самодеятельных конкурсов и московского областного конкурса детей на лучшее чтение стихов Пушкина.

По инициативе музея Министерство культуры РСФСР предложило художественным школам Федерации прислать в музей лучшие работы детей на пушкинскую тему. Отклик школ превзошел все ожидания — музей получил около 2500 рисунков из 103 школ. Лучшие материалы составили юбилейную выставку «Пушкин глазами детей», которая демонстрировалась во многих залах Москвы, в Ленинграде. Дважды состоялись телевизионные передачи по этой выставке. По работам детей-художников было создано два короткометражных кинофильма. Кроме того, детские рисунки послужили основой оригинального мультипликационного фильма «День чудесный» (режиссер А. Хржановский, «Союзмультфильм», 1975 г.). Выставка обогатила формы массовой работы музея, наиболее удачные работы детей включены в фонды музея.

В юбилейном году проведена бóльшая, чем обычно, массовая работа, которая не ограничивалась музеем, но была вынесена и за его пределы.

Несколько новых работ профессиональных артистов-чтецов были подготовлены специально ко дню рождения Пушкина, и они впервые прозвучали в музее: «Арап Петра Великого» в исполнении заслуженного артиста РСФСР А. Я. Кутепова (режиссер — народный артист РСФСР Д. Н. Журавлев); «Пушкин и Петр» — композиция и исполнение заслуженного артиста РСФСР Ю. В. Мышкина, консультант программы И. Л. Фейнберг; «Друзья души моей» (Пушкин и поэты его окружения, друзья и современники) — артистка Московской гос. филармонии Антонина Кузнецова; «Песни западных славян» — артистка театра им. Ленинского комсомола Наталья Журавлева.

Среди большого количества вечеров прошедшего года хотелось бы особенно отметить следующие: литературную и литературно-музыкальную композиции «Яхонтов читает Пушкина» и «Пушкин в творчестве народного артиста СССР Б. Р. Гмыри» с использованием уникальных звукозаписей, документальных фильмов; творческие вечера поэта П. Г. Антокольского, народного артиста РСФСР Д. Н. Журавлева, заслуженных артистов РСФСР Я. М. Смоленского, И. А. Кваши, лауреата Всероссийского конкурса артистов-чтецов В. А. Токарева; состоялась премьера вечера русской лирической поэзии (Пушкин, Тютчев, Цветаева, Ахматова, Пастернак), исполнителями на котором являлись заслуженный артист РСФСР Михаил Казаков и артистка Московской филармонии Антонина Кузнецова. Успешно прошли вечера из цикла «Артисты театров — Пушкину». С пушкинскими программами выступили артисты труппы Большого театра — народная артистка СССР Ирина Архипова, народная артистка

РСФСР Галина Олейниченко, заслуженный артист РСФСР Евгений Нестеренко; дважды выступили в музее коллектив театра им. Евг. Вахтангова, артисты театра им. Моссовета и выпускники театрального училища им. Б. В. Щукина.

Большим событием для музея стал вечер народного артиста СССР С. Т. Рихтера. При участии лауреата международного конкурса О. Кагана были исполнены четыре сонаты Моцарта.

Пушкинские чтения были организованы для работников библиотек, книжных магазинов, членов обществ охраны памятников истории и культуры, учителей-словесников.

Состоялось 8 открытых научных заседаний. На них были прочитаны доклады: доктора искусствоведения И. Ф. Бэлзы — «Пушкин и Ян Потоцкий», продолживший цикл вечеров и заседаний, посвященных проблемам русско-польских литературных связей; В. С. Непомнящего — «Духовные и философские истоки драматургии Пушкина», где на материале «Бориса Годунова» автор говорил о новом периоде в зрелом реалистическом творчестве Пушкина; кандидата исторических наук Н. Я. Эйдельмана — «А. С. Пушкин. „Камчатские дела“» — о малоизвестном и не подвергавшемся исследованию историческом произведении поэта. Интересные сведения и факты содержались в докладах профессора Н. Н. Малова «О праздновании столетнего юбилея со дня рождения Пушкина в 1899 г.» и выпускников Московского гос. историко-архивного института А. Г. Черешни и А. Д. Зайцева «Новые сведения о Пушкине» (по материалам фондов П. И. Бартенева и П. Е. Щеголева).

В минувшем году фонды музея пополнились новыми ценными дарами и приобретениями. Большой интерес представляет подаренная А. А. Раменским «пушкинская коллекция», которая собиралась более ста лет семьей Раменских, потомственных учителей-просветителей Тверского края (см.: Цявловская Т. Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.—Л., 1966, с. 5—30; Кашкова В. Ф. Пушкин и тверской учитель А. А. Раменский. — В кн.: Пушкинские чтения на Верхневолжье, сб. 2. Калинин, 1974, с. 78—98). В нее входят предметы, по легенде принадлежавшие Пушкину. Коллекция находится в стадии изучения. От Раменского же поступили в рукописный отдел списки стихотворения Пушкина «Во глубине сибирских руд» и ответа А. Одоевского, находящиеся на внутренней стороне обложки романа А. Степанова «Постоялый двор» (ч. II, 1835). По преданию, Пушкин послал эту книгу в Сибирь сосланным декабристам.

Исключительную ценность представляет портрет Д. В. Давыдова, исполненный О. Кипренским (1809 г.). Портрет этот, по мнению специалистов, является шедевром русской графики первой половины XIX в.; его приобретение значительно обогащает московскую пушкинскую коллекцию.

Приобретены еще два интересных портрета пушкинской поры: живописный портрет писателя и журналиста Н. И. Надеждина (он поступил вместе с мемориальной мебелью от потомков Надеждина) и портрет московской знакомой Пушкина, сестры С. А. Соболевского — С. А. Соймоновой (акварель П. Ф. Соколова).

Среди других даров и приобретений заслуживают внимания произведения советских художников: иллюстрации В. И. Шухаева к «Пиковой даме» — редкие оттиски гелиогравюр, раскрашенные автором гуашью от руки; его же эскизы декораций к постановкам «Евгения Онегина» и «Каменного гостя» в Тбилисском театре оперы и балета; иллюстрации Т. А. Мавриной к «Сказкам» и «Руслану и Людмиле»; серии иллюстраций к «Медному всаднику» Ф. Д. Константинова; иллюстрации к пушкинским произведениям А. З. Иткина, В. Н. Горяева, трагически погибшего юного художника Коли Дмитриева и многие другие.

Пополнилось и книжное собрание музея. В числе даров ряд ценных книг: «Сочинения» Руссо в 7 томах (1792), его же «Эмиль, или О воспитании» (1789); «Театр Шиллера» (1805); отдельное издание стихотворения Пушкина «Клеветникам России» на французском языке (1839); «Руслан и Людмила» (1899). Ряд зарубежных пушкинских изданий получен в дар из многих посольств СССР за рубежом. Среди них особую ценность представляют издания последних лет, отсутствовавшие в музее: собрание сочинений Пушкина в 6 томах, изданное в ФРГ (1973), французское издание «Пиковой дамы» (1965), бразильское издание «Капитанской дочки» (1968), «Евгений Онегин» (1973), вышедший в свет в Чехословакии, и др.

Кроме выставки «Пушкин глазами детей», подготовлены две большие передвижные выставки — «Воспетые Пушкиным» и «Пушкин в советском изобразительном искусстве». В первую вошли портреты людей, сыгравших значительную роль в творческой жизни Пушкина: друзей и знакомых поэта, современных ему литераторов, писателей и исторических деятелей разных стран и эпох, о которых Пушкин упоминал в своих критических статьях и письмах, которым посвящал стихи. Выставка, насчитывающая 80 гравюр и литографий, по существу является передвижным музеем.

Выставка «Пушкин в советском изобразительном искусстве» построена на подлинных материалах. Здесь представлены портреты Пушкина, иллюстрации к его произведениям, виды пушкинских мест, — всего 78 экспонатов, среди которых работы крупных советских художников (Н. П. Ульянова, Н. В. Кузьмина, Ф. Д. Константинова, Е. А. Кибрика, Т. А. Мавриной и др.). В течение трех месяцев выставка с успехом экспонировалась в Мурманском областном краеведческом музее, ее посетило 16 тысяч человек.

Необходимо сказать и о целом ряде небольших по объему выставок, открытых к юбилейным датам и к определенным вечерам: «Прижизненные издания Пушкина» (к юбилею И. Н. Розанова), выставка пушкинских работ Е. Ф. Белашовой, «Пушкиниана Б. Р. Гмыри», «Пушкинские театральные постановки юбилейного года» и др.

В 1974 г. вышли издания, подготовленные сотрудниками музея: фототрафаретный справочник «Пушкин в музыке» (15 печатных листов) — авторы Н. Г. Винокур и Р. А. Каган; сувенирное издание «И образ незабвенный» — составитель Е. В. Муза. В периодической печати были помещены статьи и публикации сотрудников: «В московском музее А. С. Пушкина» А. З. Крейна, Н. Г. Винокур, Е. В. Павловой (Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, т. 33, № 3), «Квартира на старом Арбате» А. З. Крейна (Литературная газета, 1974, 29 мая), а также статьи в жур-

налах «Знание — сила», «Распространение печати», «Художник», «Культура и жизнь», в газетах «Пушкинский праздник», «Книжное обозрение», «Неделя», «Московская правда».

Продолжалась работа над созданием мемориального музея — квартиры А. С. Пушкина на Арбате. Проблемы, связанные с организацией нового музея, обсуждались на расширенном заседании ученого совета совместно с творческим объединением критиков и литературоведов. С докладом о научных, художественных, градостроительных и архитектурных перспективах создания музея выступил директор А. З. Крейн. Подготовлены «Предложения к научному, художественному и архитектурному проекту мемориального музея — квартиры Пушкина на Арбате». В записке изложены мысли о формировании будущего мемориального музея как учреждения нового типа, сформулирована основная реставрационная задача: максимально точное восстановление квартиры поэта. В течение всего года велись поиски художественного образа будущего музея совместно с Центральной учебно-экспериментальной студией Союза художников СССР (руководитель Е. А. Розенблюм); обсуждались варианты художественного решения мемориальных пушкинских комнат, историко-литературной экспозиции.

Созданию нового мемориального музея в основном была подчинена и тематика научно-исследовательской работы. Для построения будущей экспозиции необходимо собрать воедино все факты и сведения, касающиеся московской жизни Пушкина конца 20-х — начала 30-х годов, его творческой деятельности этого периода, знакомств и переписки, связей поэта с университетской средой, отношений с московской журналистикой и т. д. Кроме того, необходимо отразить состояние культуры, науки и быта Москвы пушкинского времени. Эта тематика легла в основу разработанных музеем в 1974 г. плановых научных тем.

Изучалась тема «Историко-литературные памятники района Арбат — Кропоткинская». Работа была связана с идеей создания туристского маршрута в указанном районе. Представляется, что район должен превратиться в своего рода историческую экспозицию, где будут отмечены все дома, имеющие архитектурный интерес и связанные не только с Пушкиным, но и со всеми культурными событиями и литературными деятелями различных эпох. Составлена картотека с аннотациями на каждое здание, а также сделан предварительный вариант карты-схемы района, где учтены все исторические и культурные памятники.

Составлен библиографический указатель «Пушкин и Москва». Указатель содержит свыше 2000 карточек, расположенных по следующим рубрикам: произведения Пушкина, написанные в Москве; московские знакомые Пушкина; московская критика о Пушкине; московские отклики на смерть Пушкина; увековечение памяти Пушкина в Москве, и т. д.

Создание мемориального филиала Государственного музея А. С. Пушкина «Квартира Пушкина на Арбате» — задача, в решении которой принимает активное участие не только коллектив музея, но и широкая общественность Москвы.

Н. Г. Винокур

ТВОРЧЕСТВО ПУШКИНА В СТРАНАХ ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

В преддверии пушкинской юбилейной даты в течение двух дней (21 и 22 марта 1974) в Москве происходила научная конференция, организованная Институтом востоковедения Академии наук СССР к 175-летию со дня рождения великого русского поэта и посвященная изучению его творчества в странах зарубежного Востока. В заседаниях этой конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Горького и других городов.

Открывая конференцию, доктор филологических наук Е. П. Чельшевский сказал: «За фактами интереса народов Востока к Пушкину и его творческому наследию вырисовывается нечто более значительное, чем литературное влияние или литературные взаимосвязи <...> Мы являемся свидетелями огромного интереса освободившихся народов к советской стране, к ее передовой культуре, к ее национальному искусству, к величайшему из ее поэтов — Пушкину, который не только России, но и небо над Африкой считал родным».

Первый день конференции был посвящен характеристике отношений Пушкина к различным странам Азии и Африки, а также их литературам и фольклору. Доклад М. П. Алексеева (Ленинград) был озаглавлен «Пушкин и Китай» и представлял собой дополнительную и обновленную редакцию его статьи, впервые опубликованной в редком провинциальном издании (А. С. Пушкин и Сибирь. Москва—Иркутск, 1937). В докладе были освещены основные этапы развития интереса Пушкина к Китаю, вплоть до несуществывшего путешествия поэта в Пекин с русским посольством. В докладе И. С. Брагинского (Москва) «Западно-восточный литературный синтез в лирике Пушкина» подверглись анализу три цикла стихотворений, имеющих ориентальное происхождение. Д. И. Белкин (Горький) в докладе «Художественная концепция Востока у Пушкина и пути ее формирования» показал, как в процессе творчества у Пушкина складывалась самобытная художественная концепция Востока, интерес к которому поэт проявлял на протяжении всей жизни. Докладчик указал на девять ориентальных регионов, которые в разные периоды привлекали к себе творческое внимание Пушкина. И. Д. Серебряков (Москва) в докладе «Литература пушкинской поры в Индии» показал благожелательное и заинтересованное отношение к Индии и ее культуре старших современников Пушкина — А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского и др., по-своему влиявших на мировоззрение молодого поэта. В докладе затронут был также вопрос об индийской мифологии, отразившейся в поэме Э. Парни «Война богов»; как известно, эта поэма привлекала внимание Пушкина в его юные годы. Доклад М. Ф. Мурьянова «Об одном мотиве восточной экзотики у Пушкина» разъяснил значение слова «мирро», дважды встречающегося в ориентальных стихах Пушкина. Н. Я. Соловей (Москва) в докладе «Особенности использования мотивов Корана в „Подражаниях Корану“ А. С. Пушкина» остановился на разнообразии приемов передачи Пушкиным содержания Корана и на своеобразии вольной обработки отдельных мотивов священной книги мусульман.

Вторая группа докладов, прочтенных на конференции, была посвящена восприятию Пушкина и его наследия в странах зарубежного Во-

стока. Н. И. Никулин (Москва) в докладе «Произведения А. С. Пушкина во Вьетнаме» поделился личными впечатлениями об усилении интереса к Пушкину и его творчеству у вьетнамских писателей и читателей в последние годы. Роль Пушкина в становлении русской литературы и литературного языка стала предметом пристального внимания филологов ДРВ в 50-е годы в связи с осмыслением ими процесса развития вьетнамского литературного языка. Особенно велик во Вьетнаме интерес к тем произведениям Пушкина, в которых звучит протест против социального угнетения («Дубровский», «Капитанская дочка», «Повести Белкина»). Доклад М. Е. Шнейдер (Москва) «Проза Пушкина в Китае» был посвящен 20—30-м годам текущего столетия, когда китайский читатель получил возможность ознакомиться со всей прозой и драматургией Пушкина. В докладе особо отмечалась роль пушкинских традиций в становлении и развитии китайской литературы тех лет.

Доклад «Первые переводы А. С. Пушкина в Бирме» прочла на конференции Е. А. Западава (Ленинград). Своим знакомством с Пушкиным-прозаиком Бирма обязана неутомимому пропагандисту русской классической и французской литературы в этой стране — Маун-Тхину (подлинное имя У Тин Фат), писателю и историку культуры. В 1949 г. он перевел на бирманский язык повести «Гробовщик» и «Метель», в начале 50-х годов — «Выстрел». В 1956 г. писатель Боу Ей Маун перевел «Капитанскую дочку», назвав ее «Война и любовь». В 1965 г. «Повести Белкина» вышли вторым изданием, под заголовком «Отметина судьбы из бури». Этот перевод, по мнению докладчицы, стал знаменательной вехой в истории восприятия Пушкина в Бирме. Сопоставление перевода «Повестей Белкина» с оригиналом привело докладчицу к заключению, что Маун-Тхин бережно отнесся к пушкинскому слову и старался сохранить все особенности его стиля, который он сам определил как «струящийся прохладный ветер». В докладе А. А. Долгниной (Ленинград) «Пушкин в арабской литературе» были подведены итоги многочисленных работ исследовательницы, посвященных восприятию творчества Пушкина в литературах арабских стран начиная с 1880-х годов. В арабских переводах Пушкин представлен в первую очередь как прозаик. В 1937 г. появляется первая арабская статья о Пушкине, посвященная столетию со дня его гибели и касавшаяся любовной лирики поэта. Более полную картину жизни и творчества Пушкина дают книги, появившиеся в 40-х годах: монография Н. Сидки «Пушкин — эмир поэтов России» (Каир, 1945) и сборник в честь 150-летия со дня его рождения, озаглавленный «Русский поэт Пушкин» (Бейрут, 1949). В докладе А. З. Розенфельд (Ленинград) «Новые переводы произведений Пушкина на персидский язык» рассматривались эти переводы в связи с новым этапом развития современной персидской прозы. Докладчица отметила, что в 70-е годы в современном Иране можно прочесть переводы таких произведений Пушкина, как «Талисман», «Моцарт и Сальери», «Зимняя дорога», «Сказка о рыбаке и рыбке»; в шестой раз был переведен «Бахчисарайский фонтан».

Закрывая конференцию, Е. П. Чельшев отметил, что если в 1899 г., к 100-летию со дня рождения Пушкина, его произведения (по данным П. Д. Драганова) были известны в переводах на пятьдесят языков и на-

речий, то ныне эта цифра утроилась. Однако в характеристике современного знакомства народов мира с поэзией Пушкина примечательна не только количественная сторона. Произведения Пушкина становятся органической частью национальной культуры народов зарубежного Востока, первым источником сведений о России, первым соприкосновением с русской, а затем и с советской литературой. Подробно о конференции см.: Белкин Д. И. Пушкин и Восток. Конференция в Москве. — Вестник АН СССР, 1974, № 10, с. 105—107.

Д. И. Белкин

ЮБИЛЕЙНАЯ ПУШКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КИЕВЕ

В течение двух дней, 30 и 31 мая 1974 г., в Киеве происходила сессия, посвященная 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина, организованная Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Киевским университетом им. Т. Г. Шевченко и обществом «Знание» Украинской ССР. Заседания происходили в помещениях Института литературы и Университета. Вступительное слово произнесла член-корреспондент АН УССР Н. Е. Крутикова. Состоялись два пленарных заседания (вступительное и заключительное) и заседания двух секций (литературы и языка). Большое место во всех докладах и сообщениях (около 20) заняла история русско-украинских языковых и литературных отношений; однако ряд докладов был посвящен теме эволюции творчества А. С. Пушкина и вопросам его поэтики.

В докладе З. В. Кирилюк (Киев) «Концепция личности и принцип построения характера в творчестве Пушкина» рассматривались вопросы утверждения и развития в творчестве Пушкина общественно-исторической и социальной детерминированности действующих лиц. По мнению докладчицы, понимание социальной обусловленности характера дало Пушкину возможность «не только объективировать героя, принципиально отделив его личность от личности автора, но и исследовать сущность характеров, чуждых автору в своей общественно-психологической основе». В докладе Д. В. Чалого (Киев), озаглавленном «Пушкин и реализм русской литературы 40-х годов XIX в.», прослеживалась эволюция пушкинской лирики; в частности, автор обратил внимание на усиление в ней обличительного и сатирического начала, усматривая в произведениях Пушкина 30-х годов истоки поэзии Н. А. Некрасова. Можно сопоставить, например, стихотворение Пушкина «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» (1830) с «Железной дорогой» Некрасова. У. Р. Фохт (Москва) в своем докладе «Лирика Пушкина в развитии русской поэзии» стремился представить логику развития пушкинской лирики, выявить ее «систему». Доклад А. А. Белецкого (Киев) был озаглавлен «Некоторые вопросы изучения „Египетских ночей“ А. С. Пушкина»; остановившись более детально на образе Клеопатры, докладчик привлек к своему анализу другие прозаические наброски и стихотворения Пушкина, провел аналогию между пушкинским восприятием свободы и его пониманием любви как действенной, активной силы. Наконец, доклад М. А. Пейсаховича (Ровно) был посвящен «Стихотворному мастерству Пушкина», собственно говоря, одной его сто-

роне — «астрофической организации стихотворения». Употребление различной и подчас очень сложной строфической формы лирических стихотворений, но наблюдению докладчика, находилось в соответствии с пушкинским мировосприятием, обуславливалось неразрывной связью с содержанием его поэзии в различные периоды его литературной деятельности.

Доклад Н. Е. Крутиковой (Киев) «Пушкин и Украина» послужил введением к целому ряду докладов на более частные темы сравнительного характера. В этом докладе речь шла о пушкинских традициях в украинской литературе в дореволюционный и советский периоды. Ранние переводы произведений Пушкина на украинский язык, в частности «Полтавы», сделанный Е. П. Гребенкой, подвергся анализу в докладе П. А. Павлюка (Киев), озаглавленном «К истории ранних украинских переводов из Пушкина». Свежим по использованным материалам из архивных источников и периодической печати явился доклад О. Е. Быковой (Черновицы) «Пушкин в Буковине». Докладчица впервые обследовала редкие комплекты ряда буковинских журналов и газет (например, «Родимого листка» или «Буковины») и проследила отразившуюся в местной печати борьбу вокруг Пушкина. Доклад Е. М. Черницкого (Ровно) был озаглавлен «Пушкин и Франко». Два доклада были посвящены восприятию М. Ф. Рыльским творчества Пушкина — Л. И. Барабан «Творчество А. Пушкина в оценке М. Рыльского» (Киев) и Т. Н. Резниченко «Пути освоения пушкинских традиций в поэзии М. Рыльского». Несколько докладов и сообщений было посвящено влиянию языка Пушкина на украинский язык. На заключительном заседании было заслушано сообщение А. В. Кулиничка (Киев) «Наследие Пушкина в литературной борьбе первых лет революции».

Подробнее об этой сессии см. хроникальную заметку С. Б. Бурого «Пушкинская юбилейная конференция в Киеве» (Вопросы русской литературы. Республиканский межведомственный сборник, вып. 2 (26). Львов, 1975, с. 148—152). В заключение отметим, что к юбилейным пушкинским дням киевское издательство «Днипро» выпустило в свет «Евгения Онегина» с параллельным русским и украинским (в переводе М. Рыльского) текстом и рисунками Н. В. Кузьмина; переизданы были также буклеты «Памятник Пушкину в Киеве» с украинско-французским и украинско-английским текстами и цветными иллюстрациями.

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ В ПСКОВЕ

Юбилейные дни отмечались в Пскове широко и торжественно. 31 мая 1974 г. в Доме политического просвещения обкома КПСС состоялось открытие восьмого Всесоюзного пушкинского праздника поэзии. Торжественное заседание, посвященное 175-летию со дня рождения Пушкина, открыл Иракий Андроников; присутствующих приветствовал первый секретарь областного комитета КПСС тов. А. М. Рыбаков. С юбилейными поздравлениями и приветственными речами выступили многочисленные советские писатели (Павел Антокольский, Эдуардас Межелайтис, Микола Бажан, Агния Барто) и зарубежные гости: Николай Христовоз (Болгария),

Кейпер-Менса (Гана), Александр Жебеляну (Румыния), Мухаммед Шинвари (Афганистан) и др. В юбилейные дни «Псковская правда» поместила ряд статей о Пушкине, в том числе статьи преподавателей кафедры литературы Псковского педагогического института М. Т. Ефимовой «Пришвин о Пушкине» и В. Н. Голицыной «Брюсов — исследователь Пушкина».

Кафедра литературы Псковского педагогического института провела юбилейную конференцию, на которой были прочитаны следующие доклады: Е. А. Маймин — «Пушкинские традиции и полифония романов Достоевского», Л. И. Вольперт — «Пушкин и Мариво. (О психологизме «Барышни-крестьянки»)», Э. В. Слина — «Тема „Пророка“ и „Памятника“ в лирике Заболоцкого», В. И. Сергеев — «Учитель Пушкина Галч», В. Н. Голицына — «Брюсов о Пушкине», Н. Л. Вершинина — «Пушкин и Толстой». В 5-й библиотеке г. Пскова экспонировалась выставка «Пушкин и Псковский край». В Псковском индустриальном техникуме работники 3-й городской библиотеки провели вечер «Пушкин в музыке».

В августе 1974 г. в Пушкинских Горах была проведена юбилейная методическая конференция «Пушкин в школе», организованная Министерством просвещения РСФСР, Научно-исследовательским институтом школ и кафедрой литературы Псковского педагогического института. На конференции присутствовали учителя и методисты из многочисленных городов страны. Участники прослушали 40 докладов, краткое изложение которых опубликовано в сборнике «Пушкин в школе» (М., 1974). На сцене Псковского областного драматического театра им. А. С. Пушкина была осуществлена в 1974 г. постановка трагедии «Борис Годунов». Спектакль заслужил высокую оценку на театральном фестивале, посвященном Пушкину, был отмечен дипломом второй степени на Всесоюзном конкурсе пушкинской драматургии в честь 175-летия со дня рождения поэта.

Л. И. Вольперт

ПУШКИНСКИЕ ДНИ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Пушкинский праздник, приуроченный к 175-летию со дня рождения поэта, начался 30 мая. В этот день в Горьковском театре оперы и балета им. А. С. Пушкина состоялся торжественный вечер (Горьковский рабочий, 1974, 1 июня). Пушкину и современности посвятил свой доклад В. О. Перцов. О связях поэта с нижегородской землей рассказал профессор Горьковского университета С. А. Орлов. К юбилею на сцене Театра юного зрителя была поставлена «Сказка о царе Салтане» (режиссер Р. Левите).

2 июня начался праздник в Большом Болдине. К юбилею в музее-усадьбе поэта была обновлена экспозиция. «Полностью воссоздана обстановка мемориальных комнат барской усадьбы, вниманию посетителей предложены экспозиции основных выставок „Пушкин и музыка“, „Пушкин в произведениях советских художников“, „Пушкин и литература его времени“ и т. д. <...> коллектив музея, вся болдинская общественность приложили максимум усилий, чтобы воссоздать здесь подлинную атмо-

сферу, подлинные свидетельства пушкинского времени» (Косолапов Г. Не зарастет народная тропа... — Горьковская правда, 1974, 4 июня). 2 июня состоялась также торжественная церемония открытия музея «Крепостная контора Пушкиных», экспозиция которого была подготовлена Л. Малышкиной, долго и кропотливо собиравшей экспонаты для этого музея, а также ее коллегами во главе с директором музея Ю. И. Левиной. В восстановлении «крепостной конторы» участвовала группа ленинградских художников во главе с Т. Н. Ворониной. Часть материалов, составивших ее экспозицию, была собрана у старожилов Болдина и окрестных сел и деревень (Горьковский рабочий, 1974, 4 июня). В торжествах приняли участие литераторы Москвы, Ленинграда, Киева, Саранска и других городов (см. также: Пушкинский праздник, 1974, 30 мая—6 июня, с. 7; Литературная Россия, 1974, 7 июня, с. 3).

175-летию со дня рождения Пушкина были посвящены Болдинские чтения 1974 г., проводившиеся в сентябре Горьковским государственным университетом им. Н. И. Лобачевского и Больше-Болдинским музеем-заповедником А. С. Пушкина, на которых было прослушано около 20 докладов и сообщений литературоведов Москвы, Горького, Новгорода, Саранска. В их числе доклад В. И. Кулешова «Затерянные и найденные документы о Пушкине», доклад А. Тархова «Календарь „Евгения Онегина“» (Знание — сила, 1974, № 9), сообщение И. М. Ворониной «Неузнанные встречи Пушкина», высказавшей гипотезу о неизвестных встречах поэта с Евдокией Ивановной Голицыной, сообщения Н. И. Куприяновой — о трех автографах поэта 1830 г., хранящихся в Государственном архиве Горьковской области, и Ю. И. Левиной, изложившей новые факты о Ермоловых, владельцах села Черновское (вблизи Болдина). Несколько выступлений было посвящено изучению художественной формы, структурных особенностей творчества Пушкина. Среди них доклады: Г. В. Краснова — «Диалектика художественной мысли («странные сближения» Пушкина)», В. А. Грехнева — «„Анфологические эпиграммы“ Пушкина», Н. И. Михайловой — «О структурных особенностях „Повестей Белкина“», Ю. Н. Чумакова — «„Примечания“ Пушкина к „Евгению Онегину“», и др. (подробнее см.: Пахарева Л. П. Болдинские чтения 1974 года. — Филологические науки, 1975, № 2, с. 125—127).

ПУШКИНСКИЕ ДНИ В ПАМЯТНЫХ МЕСТАХ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

31 мая 1974 г. в г. Калинин, в городском саду на берегу Волги, была открыта скульптурная композиция «А. С. Пушкин», выполненная известным московским мастером О. Комовым (архитекторы Н. Комова и В. Фролов). Установленная в городском парке, где, по преданию, любил гулять Пушкин, бывая в Твери, скульптура, обрамленная старыми липами, хорошо связана с окружающим пейзажем, с волжским простором (Советская культура, 1974, 11 июня; Вишняков Б. Пушкин в пути. — Калининская

Памятник Пушкину в г. Калинин. Скульптор О. К. Комов.

правда, 1974, 2 июня). В этот же день в Калининском драматическом театре состоялось торжественное заседание, посвященное юбилею поэта, при участии делегации Союза писателей СССР и калининской общественности. «Слово о Пушкине» произнес профессор М. В. Урнов. Для участников заседания был дан праздничный концерт. Артисты Калининской филармонии подготовили две программы музыкально-литературных концертов: «А. С. Пушкин в Верхневолжье», в которой исполнялись главным образом произведения, созданные поэтом в Тверском крае, и «Музыкальная пушкиниана», в основе которой музыкальные произведения, написанные русскими композиторами на тексты Пушкина. Концерты исполнялись в зале филармонии, во дворцах культуры и клубах Калинина, а также в городах и селах области. Литературные концерты по произведениям поэта подготовили чтецы Иван Сыгугов («Здравствуй, Пушкин!») и Юрий Иванов («Пушкин и Тверской край») (см.: Тимофеев А. Гению посвящаем. . . — Калининская правда, 1974, 28 мая).

1 июня начался пушкинский праздник поэзии в Торжке. На Тверце было устроено театрализованное представление: по реке проплыли расписная ладья и плот с героями пушкинских произведений. На центральной площади Торжка, носящей имя Пушкина, состоялся торжественный митинг, посвященный юбилею поэта. На нем выступали представители калининской общественности, писатели из Москвы, Киева, Ташкента, Кипинева. К юбилею была значительно обновлена экспозиция музея А. С. Пушкина в Торжке. В музее представлены предметы крестьянского быта, подлинные карты Псковской и Тверской губерний пушкинского времени, прижизненные публикации произведений поэта и его современников. Экспонаты расположены таким образом, что посетитель как бы совершает путешествие вместе с Пушкиным в Торжок и Тверь. В музее представлены портреты знакомых поэта, его торжокского и тверского окружения (И. Е. Великопольский, Г. Г. Гагарин, И. И. Лажечников, семья Олениных, К. М. Полторацкий и многие другие). «День поэзии, посвященный А. С. Пушкину, стал в Торжке всенародным. Многолюдно было на улицах, набережной Тверцы, площадях. С большой выдумкой и вкусом украсили жители свой город», — писала «Калининская правда» от 4 июня. К пушкинскому празднику в Торжке отремонтирована бывшая гостиница Пожарского, в которой останавливался поэт; в доме открыта музыкальная гостиная: здесь можно услышать записи народных песен, которые любил Пушкин, а также арии, романсы и песни, написанные на его слова (Социалистическая индустрия, 1974, 5 июня).

2 июня пушкинский праздник пришел в Берново. Гостями села были более 17 тысяч почитателей Пушкина, съехавшиеся из всех районов области и различных городов страны. В празднике участвовали представители общественности Калининской области, писатели из Москвы, Калинина, с Украины, из Узбекистана, Молдавии, Якутии. Заведующая Берновским музеем А. С. Пушкина С. П. Орлова рассказала о музее и перспективах его развития. В связи с возросшей экспозицией и необходимостью в более просторном ее размещении принято решение отдать дом Вульфов целиком под музей поэта (Калининская правда, 1974, 4 июня). Пушкинские празднества, прошедшие на Тверской земле, убедительно по-

казали, что общественность Верхневолжья бережно хранит места, связанные с именем Пушкина, благоустраивает их, воссоздает обстановку далеких времен.

ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД

175-летию со дня рождения Пушкина была посвящена выставка в Калужском областном краеведческом музее. Экспозиция ее рассказывает о пребывании поэта в 1830 и 1834 гг. в Полотняном Заводе, родовом имении Гончаровых; она размещена в большой, недавно реставрированной гостиной. На выставке представлены документы, рисунки, фотографии, книги, фамильные портреты Гончаровых, мебель и фарфор из принадлежавшей им усадьбы (Знамя, Калуга, 1974, 4 июня).

В 1972 г. был поставлен вопрос о восстановлении главного дома усадьбы Гончаровых, тогда же начались реставрационные работы. Особое значение имеет восстановление музея А. С. Пушкина, разрушенного во время войны. «По старинным фотографиям и сохранившимся архитектурным фрагментам будет восстановлено архитектурное оформление нескольких комнат, где разместятся находившиеся в доме до войны музейные экспонаты» (Жилина В. «Почтенный замок был построен...». — Знамя, Калуга, 1974, 4 июня).

В Приокском книжном издательстве был выпущен альбом «Пушкин в Полотняном Заводе» (Тула, 1974; автор текста В. М. Пантелеев, фотографии С. Денисова), рассказывающий об истории Полотняного Завода, взаимоотношениях Пушкина с Гончаровыми, пребывании поэта в Полотняном Заводе и о современном состоянии гончаровской усадьбы.

ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ «ПРИЮТИНО»

В канун 1974 г. под Ленинградом, в живописной местности, расположенной на берегу реки Лубви, недалеко от поселка и железнодорожной станции Всеволожская, был открыт новый историко-художественный музей «Приютино». В первой трети XIX в. здесь находилась летняя дача А. Н. Оленина (1763—1843) — президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки. Ближко знавший многих выдающихся ученых, поэтов, писателей, артистов, художников и музыкантов, А. Н. Оленин часто принимал их у себя не только в своем петербургском доме на набережной Фонтанки, но и в своей загородной усадьбе Приютино (куда вела дорога из Петербурга, расположенная за Пороховым заводом и Рябовским шоссе, что составляло 16 км от города). Здесь, у Олениных, бывали и часто гостили Крылов, Гнедич, М. Глинка, Грибоедов, Жуковский, Мицкевич, Вяземский, А. Брюллов, О. Кипренский и многие другие.

Пушкин бывал у Олениных с юности. Весною 1827 г., когда поэт впервые после ссылки приехал в Петербург, возобновились его встречи

с семьей Олениных. К 1828 г. относится увлечение Пушкина дочерью Оленина — Анной Алексеевной, которой он посвятил ряд стихотворений. На текст одного из них («Не пой, красавица, при мне») М. И. Глинка написал известный романс. В ответ на слова Пушкина, писавшего в сентябре 1828 г., что он «бесприютен», П. А. Вяземский острил: «Разве тебя уже не пускают в Приютино?» (в апреле и мае 1828 г. Пушкин ездил в Приютино, где бывали Вяземский и Мицкевич). Подробнее о Пушкине и Олениных см. Прийма Ф. Я. Пушкин и кружок А. Н. Олениных. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. Л., 1958, с. 229—246; Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной. — Там же, с. 247—292. О состоянии Приютина в 1913 г. см. статью А. М. Брянского «Усадьба русских поэтов. Мыза Приютино» в газете «Солнце России» (1913, № 36, с. 11). Долгое время усадьба находилась в полном пренебрежении, о чем отмечалось и в печати. Открытый по настоянию общественности Ленинграда музей-усадьба находится в ведении Управления культуры Ленинградского областного исполнительного комитета. Экспозиция музея выполнена художником А. Скрягиным. Экспозиция рассказывает о гостях Олениных в «Приютине» — деятелях литературы и искусства, о войне 1812 г., о декабристах. Среди экспонатов находятся различные мемориальные вещи — старинная мебель, книги и рисунки (см.: Снова в Приютине. — Ленинградская правда, 1974, 11 августа; Вечерний Ленинград, 1975, 20 января; Михайлов В. Свидетель прошлого. — Известия, 1974, 20 декабря).

«ДОМИК НЯНИ» В КОБРИНО

В деревне Кобрино (ныне Гатчинский район Ленинградской области) жила няня Пушкина Арина Родионовна. Домик ее чудом уцелел и после тщательной реставрации (выполненной по проекту ленинградского архитектора-реставратора В. В. Экк) обрел первоначальный облик. Кобринский домик интересен уже тем, что это одна из редких жилых деревянных построек XVIII в., сохранившихся до наших дней. Арина Родионовна жила в нем с 1781 до 1797 г. «За свою долгую жизнь домик сильно обветшал, ушел глубоко в землю. Его подняли, заменили два нижних венца, химики решили пропитать сруб специальными составами, чтобы укрепить бревна. Изба заново покрыта тесовой крышей, какой она была во времена Арины Родионовны <...> С южного фасада к домику вновь прирублено невысокое крыльцо, обновлены небольшие сени» (Ганшин В. В гости к Арине Родионовне. — Знамя труда, Сланцы, 1974, 26 июня; то же: Ленинградская здравница, Сестрорецк, 1974, 22 июня).

В домике представлено убранство бедной крестьянской избы конца XVIII в., состоящей из одной комнаты. Большинство собранных старинных вещей — подарки местных жителей и ленинградцев. Экспозиция подготовлена старшим научным сотрудником Всесоюзного музея А. С. Пушкина Н. И. Грановской. «Важнейшие ее экспонаты — русская печь, полати, крестьянский стол, лавки, иконы, лубочные картинки на сказочный сюжет, лари и ларцы, печная утварь, крестьянская одежда» (Гранов-

ская Н. «Домик няни» в Кобрине. — Вперед, Пушкин, 1974, 25 июня). Экспозиция рассказывает о семье Арины Родионовны, ее детях — крепостных Ганнибалов, ее потомках; экспонируются портреты няни. Сотрудники Всесоюзного музея А. С. Пушкина записали на магнитофон голос современной народной сказительницы — он звучит во время экскурсий.

Музей был открыт 3 июля 1974 г. В его создании принимали участие местные энтузиасты-пушкинисты, члены колхоза «Память Ильича», рабочие Кобринского торфопредприятия, ученики Кобринской восьмилетней школы, сотрудники ленинградских реставрационных мастерских, Гатчинского краеведческого музея (директор Л. Г. Козлова). См.: Козлова Л. «Домик няни» в Кобрине. — Гатчинская правда, 1974, 3 июля; Мальцева Н. В гости к няне Пушкина. — Там же, 1974, 13 июля; Холщева Е. «Что за прелесть эти сказки!». — Ленинградская правда, 1974, 3 июля; Кириллова О. Дом, в котором родились сказки. — Смена, Ленинград, 1974, 5 июля; Ефимов В. В гостях у няни поэзии русской. — Ленинское знамя, Тосно, 1974, 10 августа; Афанасьева З. Второй домик няни. — Псковская правда, 1974, 1 сентября.

ДОМ ГАННИБАЛОВ В ПЕТРОВСКОМ

Имение Петровское, подаренное императрицей Елизаветой Петровной Абраму Петровичу Ганнибалу, Пушкин посещал в 1824 г. Главная его достопримечательность — отлично сохранившийся парк в регулярном стиле. В 1970 г. началась реставрация деревянного дома двоюродного деда Пушкина — Петра Абрамовича Ганнибала; дом сгорел в 1918 г. Его внешний облик удалось воссоздать по старым фотоснимкам, которые разыскали хранители Пушкинского заповедника, и по архивным документам; получить представление о внутренности дома позволили раскопки фундамента. Реставраторы установили размеры и расположение комнат. В юбилейном году дом Ганнибалов приобрел первоначальный внешний облик. После выполнения внутренней отделки в нем откроется музей, экспозиция которого расскажет о жизни и службе в Псковской губернии представителей рода Ганнибалов, о родственных связях с ними Пушкина; представлен будет дворянский усадебный быт конца XVIII—начала XIX в. В Петровском воссоздаются и цветники, газоны, беседки, бывшие здесь в пушкинское время, восстановлена уже беседка-грот (директор Пушкинского заповедника С. С. Гейченко обнаружил беседку в описании и рисунках, а потом отыскал и остатки фундамента). См.: Там, где жили Ганнибалы (интервью с С. С. Гейченко). — Вечерний Ленинград, 1974, 25 апреля; Пензенская правда, 1974, 4 июня; Горьковская правда, 1974, 29 июня; Советская Россия, 1974, 23 июля; Разумовская А. В Петровском. — Вперед, Пушкин, 1974, 19 октября.

ПУШКИНСКИЕ ДНИ В АРМЕНИИ

Пушкинские торжества в Армении стали свидетельством неиссякаемой любви армянского народа к великому русскому поэту. Газета «Коммунист» писала в передовой статье: «Велика любовь армянского народа к гениальному Пушкину. И, пожалуй, трудно найти здесь другое имя в мировой литературе, которое обрело бы в армянской действительности такую народность» (Коммунист, Ереван, 1974, 2 июня). Празднование 175-летия со дня рождения А. С. Пушкина стало еще одним свидетельством этого. В Ереванском педагогическом институте им. Х. Абовяна кафедра русского языка начиная с апреля организовала на первых и вторых курсах всех факультетов пушкинские чтения. В аудиториях на русском и армянском языках звучали стихотворения великого русского поэта. 27 мая в Большом зале института состоялся юбилейный вечер. С докладом «Пушкин и война 1812 года» выступил доктор филологических наук профессор П. Т. Саакян. Затем была исполнена литературно-музыкальная композиция, созданная старшим преподавателем кафедры русского языка С. Тер-Захарьянц, в которую были включены романсы на слова Пушкина.

Празднование юбилея происходило также в Ленинакане, бывшем Гюмри, в котором, как известно, Пушкин находился несколько дней во время своего путешествия в Арзрум. Днем 31 мая в сквере, расположенном на перекрестке улицы Пушкина и проспекта Победы, собрались трудящиеся Ленинакана, писательские делегации, прибывшие из союзных республик, Москвы, Ленинграда, Еревана и других городов. Здесь состоялся многолюдный митинг, посвященный открытию памятника-родника в честь А. С. Пушкина. Памятник, высотой 4,5 м, высечен из туфа и украшен армянским орнаментом. С двух сторон бьют струи прозрачной воды. На лицевой стороне — вычеканенный из бронзы профиль поэта и надпись: «Во время путешествия в Эрзерум А. С. Пушкин останавливался в Гюмри 11—12 июня и 28—30 июля 1829 года». Авторы памятника — главный художник Ленинакана А. Дживанян и архитектор З. Коштоян.

31 мая в Ленинаканском государственном драматическом театре им. А. Мравяна состоялся большой вечер поэзии. Перед трудящимися города выступили поэты Г. Регистан, Е. Николаевская, Г. Эмин, С. Капутикян, П. Микаелян. В тот же день в Ереванском музее литературы и искусства АН Арм. ССР им. Е. Чаренца состоялась юбилейная сессия. Вступительное слово произнес директор музея, доктор искусствоведения С. Меликсетян. Были зачитаны доклады доктора филологических наук Г. Ованна — «Пушкин в Армении», Г. Мадояна — «Пушкин и армянская литература», а также доклад Г. Овакимяна, посвященный связям армянского театра с творчеством Пушкина.

1 июня праздник переместился в Степанованский район, где состоялась закладка памятника А. С. Пушкину на Пушкинском перевале. В газете «Коммунист» сообщалось: «Следуя маршрутом путешествия Пушкина в Эрзерум, сюда съехались представители трудящихся Кировакана, Гугарка, Степанована, писательские делегации из союзных республик. Они собрались у Пушкинского перевала, в живописном Бзовдалском ущелье, обрамленном высокими горами — немymi и гордыми свидетелями событий,

происшедших здесь полтора столетия назад» (1974, 2 июня). На том самом месте, где Пушкин встретился с телом Грибоедова, состоялся митинг. На Пушкинском перевале уже был ранее воздвигнут памятник-родник. Теперь здесь был заложен памятник Пушкину. Под звуки музыки взорам собравшихся предстал черный полированный гранит, на котором высечены слова: «Здесь, на Пушкинском перевале, будет установлен памятник великому русскому поэту А. С. Пушкину».

Вечером 2 июня в Государственном академическом театре оперы и балета им. А. Спендиарова состоялось торжественное заседание, посвященное 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина, с участием писателей и гостей из союзных республик и Москвы. Доклад о жизни и творчестве А. С. Пушкина прочел заведующий кафедрой русской литературы Ереванского гос. университета К. В. Айвазян. С приветственным словом от Союза писателей СССР выступил С. Наровчатов. Для участников торжественного заседания был дан большой концерт, составленный из произведений Пушкина.

4 июня в Ереванском университете начала работу Всесоюзная научная конференция на тему «Пушкин и советская поэзия». Она была организована Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Ереванским, Тбилисским и Азербайджанским университетами. Пленарное заседание открыл ректор ЕГУ, академик АН Арм. ССР М. Нерсисян. На пленарных заседаниях было заслушано около 15 докладов. Все материалы этой конференции вошли затем в сборник «Пушкин и литература народов СССР» (изд-во Ереванского ун-та, 1975). Это очередной сборник из серии, осуществляемой совместно Институтом мировой литературы им. А. М. Горького и Ереванским университетом. В двух первых разделах помещаются статьи, посвященные поэтике Пушкина, исследуется значение Пушкина в развитии русской литературы, связь с его творчеством Горького, Блока, Маяковского, Есенина; третий раздел освещает вопросы восприятия и творческого освоения наследия Пушкина литературами народов СССР.

В сборнике «Пушкину от армянских поэтов», изданном на армянском языке (составитель и редактор — Г. Ован, оформление художника С. Степаняна), напечатаны стихотворения 27 армянских поэтов разных поколений, посвященные Пушкину. На русском языке был издан сборник «Армения — Пушкину», включающий стихи армянских поэтов, посвященные Пушкину, а также статьи и выступления армянских писателей о Пушкине (редактор и составитель — К. Айвазян, художник — С. Степанян). Оба сборника богато иллюстрированы, изящно оформлены полиграфически. В издательстве Ереванского университета вышла книга «А. С. Пушкин. Библиография переводов на армянский язык (1843—1972)» (составитель и автор предисловия — Алла Калашян, библиография издана под редакцией доктора филологических наук, проф. С. К. Дароняна).

Ю. М. Еганян

ПУШКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ПОЗНАНИ

По инициативе Института русской и славянской филологии Университета им. А. Мицкевича в Познани 6—7 декабря 1974 г. состоялась научная конференция, посвященная 175-летию со дня рождения Пушкина. В ней наряду с многочисленной группой познанских русистов приняли участие представители всех крупнейших университетов ПНР — Варшавского, Краковского, Вроцлавского, Лодзинского, а также Харьковского университета им. А. М. Горького, с которым Познанский университет связан тесным сотрудничеством.

Объединенные общей для конференции проблемой — поэтика Пушкина, прочитанные на ней доклады оказались тем не менее чрезвычайно разнообразными по материалу и способам литературоведческого анализа.

Значительное место было уделено вопросам теории и практики перевода: внимание докладчиков привлекли к себе и творчество Пушкина-переводчика, и польские переводчики его произведений. Этим вопросам были посвящены выступления кандидата филологических наук А. С. Юрченко (Харьков) «Пушкин и Мицкевич о теории и практике художественного перевода» и д-ра Зигмунта Гросбарта (Лодзь) «Творчество Пушкина-переводчика и теория художественного перевода». Тематически примыкающее к ним выступление магистра Дануты Матлак-Пивоварской (Краков) «Из творческого опыта первых польских переводчиков Пушкина» прозвучало свежо благодаря обилию конкретного материала и стремлению автора показать, как в процессе поисков средств адекватного выражения идейно-художественного содержания южных поэм Пушкина первые его польские переводчики приходили к кристаллизации собственных эстетических программ, как творчество русского поэта использовалось в литературной борьбе вокруг польского романтизма.

Вопрос о польско-русских литературных связях был поднят и в докладе недавно скончавшегося д-ра Анджея Дворского (Вроцлав) «Пушкин и Ян Потоцкий». Об интересе Пушкина к «Рукописи, найденной в Сарагосе» ранее упоминалось неоднократно. Докладчик привел свидетельства непосредственного воздействия романа Потоцкого на ряд пушкинских созданий, начиная от попытки стихотворного переложения одной из ведущих фабульных линий «Рукописи» до использования некоторых деталей и структурных приемов романа в оригинальном творчестве.

Разnorodность способов интерпретации материала особенно наглядно продемонстрировали три доклада, посвященные поэтике одного произведения — «Пиковой дамы». В выступлении кандидата филологических наук Р. Н. Поддубной (Харьков) «О поэтике „Пиковой дамы“». Законы жанровой структуры» анализ внутренней конструкции пушкинского произведения имел целью показать близость ее принципов жанровым законам романа, каким тот сложился в русской литературе второй половины XIX в., в частности в романе Достоевского. Доклад магистра Тересы Качковской (Познань) «Поэтика „Пиковой дамы“». Структура повествования» касался вопроса, признанного одним из наименее разработанных в пушкиноведении, а предложенная автором методика такого рода анализа получила одобрительную оценку участников конференции. Большой интерес и живую поле-

мику вызвал доклад д-ра Галины Бжозы (Познань) «История и миф. Об архитектонике „Пиковой дамы“». Проблема исторического и мифологического типов художественного мышления, их идейно-эстетического содержания и функций принадлежит к числу новейших и спорных в литературной науке. В приложении к творчеству Пушкина предпринятая Г. Бжозой попытка такого анализа является едва ли не первой.

Новыми категориями современного литературоведения продиктованы также направление и принципы исследования в докладах д-ра Ежи Фарино (Седльце) «Проблема кода в лирике Пушкина» и д-ра Люциана Суханека (Краков) «Категория времени и пространства в малых эпических формах Пушкина (на материале баллад)». К этой группе выступлений тяготеет и работа магистра Евгении Станкевич (Познань) «Статистический анализ лексики Пушкина на основании „Евгения Онегина“ и „Капитанской дочки“», хотя в отличие от ранее названных она касается пограничной области литературоведения и языкознания.

Следует отметить также тонкий, изящно построенный доклад профессора Збигнева Бараньского (Вроцлав) «Поэтика названий в творчестве Пушкина». В нем показаны не только определенные тенденции в эволюции типов заглавий пушкинских произведений, но и своеобразное отражение в них общих эстетических закономерностей творчества художника.

В своем докладе «Конфликт в „маленьких трагедиях“ Пушкина» магистры Галина Халачинская-Вертеляк и Барбара Стемпчинская (Познань) привели доказательства того, что болдинские «драматические опыты» по природе своих конфликтов являются не трагедиями, а драмами.

На фоне перечисленных выступлений, посвященных более или менее частным вопросам пушкинского творчества, особо выделились доклады профессора Рышарда Лужного (Краков) «Из наблюдений над художественным мастерством Пушкина-эпика» и доцента Богдана Гальстера (Познань) «Поэмы Пушкина». Автор первого из них, перу которого принадлежит статья о мастерстве Пушкина-прозаика, попытался установить основные художественные тенденции и эволюцию пушкинской прозы. Автор второго доклада, инициатор и организатор конференции, Б. Гальстер рассмотрел жанр пушкинской романтической поэмы на широком фоне русской и европейской литературной традиции и предложил свою концепцию эволюции жанра в творчестве русского поэта.

В целом юбилейная пушкинская конференция в Познани стала значительным событием в польской русистике. Ее материалы, издаваемые Университетом им. А. Мицкевича, должны составить заметный вклад в пушкиноведение наших стран. (В настоящее время эта книга вышла уже в свет: O poetyce Aleksandra Puszkina. Materiały z sesji naukowej (UAM — 6 i 7 XII 1974). Pod redakcją Bohdana Galstera. Poznań, 1975 (Univ. im. A. Mickiewicza w Poznaniu, Seria Filologia Rosyjska, № 7), 196 str. В книге напечатаны некоторые из перечисленных выше докладов, часть из них на русском языке).

Р. Н. Поддубная

ПАМЯТНАЯ ПУШКИНСКАЯ МЕДАЛЬ В ВЕНГРИИ

В 1969 г. венгерский монетный двор в Будапеште отчеканил в бронзе посвященную А. С. Пушкину медаль работы скульптора Йожефа Ишпанки. В 1974 г., по случаю исполнившегося в этом году 175-летия со дня рождения великого русского поэта, другой венгерский скульптор — Кальман Реннер (Renneg Kálmán) создал новую пушкинскую медаль, посвятив ее этой юбилейной дате (см.: Гдалин А. Душа России. — Пушкинский праздник, 1975, 30 мая—6 июня, с. 15; Страницы пушкинианы. — Ленинградская правда, 1975, 8 февраля). На одной стороне этой бронзовой медали представлен барельеф — портрет Пушкина; на окружающей его полосе полированной бронзы сделана надпись на венгерском языке «Puskin» и стоят даты — 1799 и 1974. Обратная сторона медали вручена скульптору известной иллюстрацией А. Н. Бенуа к «Медному всаднику»: на фоне петербургского пейзажа (изображающего комбинированные фасады зданий Сената и собора Смольного монастыря) изображены гигантская фигура Петра I, скачущего на вздыбленном коне, и в ужасе убегающий от него Евгений. Слева по краю медали надпись по-русски, воспроизводящая слова чешского писателя Карела Чапека: «Пушкин — душа России».

Редакция «Временника Пушкинской комиссии» пользуется случаем, чтобы выразить К. Реннеру глубокую благодарность за присланные им превосходные фотоснимки этой медали, воспроизводимые в настоящем выпуске «Временника». (Ред.).

СЕНЕГАЛ

Празднование 175-летия со дня рождения Пушкина состоялось в столице африканской республики Сенегал — Дакаре. Президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор (поэт, в 1974 г. получивший литературную премию имени Гийома Аполлинера за вклад в развитие мировой поэзии, см.: За рубежом, 1974, № 27, 28 июля) в беседе с советскими представителями в Дакаре сказал: «Я познакомился с произведениями Пушкина в 30-е годы, когда был студентом в Париже. Русская литература была тогда в моде, но для меня это была не просто мода: я чувствовал глубокое родство со славянской душой. Так я познакомился с поэзией Пушкина. Конечно, были французские переводы его произведений, но мои друзья читали мне поэмы Пушкина по-русски, и я улавливал музыку русского языка...» (Литературная газета, 1974, № 30, 24 июля).

По предложению президента в Дакаре, в национальном театре им. Даниэля Сорено, в юбилейные дни была открыта выставка, посвященная 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Здесь были представлены произведения великого русского поэта, литература о его жизненном и творческом пути (Книжное обозрение, 1974, № 28, 12 июля).

К юбилейным пушкинским торжествам приурочены были гастроли в Дакаре Ленинградского академического театра оперы и балета

Памятная медаль в честь 175-летия со дня рождения Пушкина. Лицевая и оборотная стороны. Венгерская Народная Республика. 1974 г.

им. С. М. Кирова. Ленинградские артисты приняли участие в конкурсе-балете, состоявшемся в сенегальской столице 26 июня 1974 г.; в первое отделение концерта были включены третий акт из балета «Бахчисарайский фонтан» Асафьева и фрагменты из балета «Медный всадник» Глиэра. На вечере присутствовали Л. Седар Сенгор, члены правительства страны, а также находившийся в это время в Сенегале премьер-министр Народной Республики Конго Анри Лойез (Пушкинский вечер в Дакаре. — Ленинградская правда, 1974, № 150, 29 июля). На вечере выступил посол СССР в Сенегале Г. А. Тер-Газарянц, рассказавший о жизни и творчестве великого поэта. Присутствовавшие на пушкинском вечере восторженно принимали выступления советских артистов. После концерта президент Л. Седар Сенгор высоко оценил мастерство советских танцоров (Ленинградский балет в Дакаре. — Ленинградская правда, 1974, № 152, 2 июля).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Автографы Пушкина на листке из «Лицейской антологии». 1816 г. (С. 7).
2. Титульный лист «История Пугачевского бунта», издания 1871 г., из библиотеки А. А. Пушкина с записями семейных воспоминаний. (С. 21).
3. Страница «Истории Пугачевского бунта», издания 1871 г., с записями семейных воспоминаний. (С. 23).
4. Фрагмент заключительной страницы «Истории Пугачевского бунта», издания 1871 г., с записями семейных воспоминаний. (С. 25).
5. Страница рукописи «Евгения Онегина» с эпитафией из Бёрка. (С. 101).
6. Евпраксия Николаевна Вревская, урожд. Вульф. Портрет А. Арефова-Багаева. 1841 г. (С. 144—145).
7. Анна Петровна Керн. Портрет А. Арефова-Багаева. 1840 г. (С. 144—145).
8. Анна Петровна Керн. Рисунок Пушкина. 1829 г. (С. 146).
9. Экслибрис «Из библиотеки Смирдина» на книге «Собрание планов и фасадов сельских и садовых украшений» (М., 1829). (С. 151).
10. Памятник Пушкину в г. Калинин. Скульптор О. К. Комов. (С. 173).
11. Памятная медаль в честь 175-летия со дня рождения Пушкина. Лицевая и оборотная стороны. Венгерская Народная Республика. 1974 г. (С. 183).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Р. Е. Терехина. Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина	5
Н. И. Мацкевич. Из неизданных воспоминаний о Пушкине его племянника. 1. Александр II о Пушкине. 2. В. А. Жуковский о Пушкине	20
В. Э. Вапуро. «Великий меланхолик» в «Путешествии из Москвы в Петербург»	43
II. ОБЗОРЫ	
В. В. Зайцева. Пушкиниана 1974 года	64
III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ	
Ю. М. Лотман. Три заметки к пушкинским текстам	88
М. Ф. Мурьянов. Надгробия Пушкиных в Псково-Печерском монастыре	91
Л. А. Черейский. Московская квартира Пушкина	95
М. П. Алексеев. Заметки на полях. 2. Эпиграф из Бёрка в «Евгении Онегине». 3. Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча	98
В. В. Пугачев. «Движенья» Пушкина и «Нечто о барщине» Н. И. Тургенева	113
Б. М. Гаспаров. «Ты, Моцарт, недостоин сам себя»	115
С. Н. Азбелев. Пушкин и «побойще Мамаево»	123
И. В. Зборовец. «Дубровский» и «Гай Мэннеринг» В. Скотта	131
Ю. Д. Левин. Об одной параллели к «Гробовщику»	136
Д. М. Шарыпкин. «Пиковая дама» и повесть Мармонтеля «Окно»	139
Н. И. Грановская. Друзья Пушкина в портретах крепостного художника Акима Арефова-Багаева	142
Л. С. Кишкин. Книжное собрание А. Ф. Смирдина в Праге	148
IV. ХРОНИКА	
Некролог. Б. П. Городецкий	156
Всесоюзный музей А. С. Пушкина	159
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва)	163

Творчество Пушкина в странах зарубежного Востока	167
Юбилейная пушкинская конференция в Киеве	169
Пушкинский юбилей в Пскове	170
Пушкинские дни на нижегородской земле	171
Пушкинские дни в памятных местах Верхневолжья	172
Полотняный Завод	175
Историко-художественный музей «Приютино»	175
«Домик няни» в Кобрино	176
Дом Ганнибалов в Петровском	177
Пушкинские дни в Армении	178
Пушкинская конференция в Познани	180
Памятная пушкинская медаль в Венгрии	182
Сенегал	184
Список иллюстраций	185

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ
1974

*Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
Отделения литературы и языка
Академии наук СССР*

Редактор издательства Н. А. Храмова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор М. Н. Кондратьева
Корректоры Э. В. Гришина
и А. Х. Салтанова

Сдано в набор 15/II 1977 г. Подписано к печати
8/VII 1977 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2.
Печ. л. 11³/₄+1 вкл. (1¹/₈ печ. л.)=11,87 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 14,47. Изд. № 6600. Тип. зак. 143. М-24155.
Тираж 18800. Цена 90 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12